

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДАХ
IX

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Enver Şen

ДЮЛА СВАК
ОПЫТ
МИКРОИСТОРИОГРАФИИ

2019

УДК 93–94 / 930
ББК 63.3 / 72.3
Д 95

Дюла СВАК. ОПЫТ МИКРОИСТОРИОГРАФИИ —
М.: Аквилон, 2019. — 288 с. (Гуманитарные науки в ис-
следованиях и переводах [Т. IX]; изд. с 2010 г. / Отв. ред.
серии — М.С. Петрова)

В книге публикуются работы широко известного венгерского ученого, профессора Дюлы Свака, которые посвящены, с одной стороны, русской историографии эпохи правления Ивана IV и Петра I, с другой, проблемам становления «русского феодализма» и осмыслению его особенностей. В представленных читателю материалах косвенным образом разворачивается тысячелетняя история огромной империи, какой она виделась и изображалась русскими историками двух веков.

Автор излагает результаты своих исследований в историографическом жанре, отслеживая историю русской исторической науки и акцентируя внимание читателя на давней проблеме своеобразия исторического развития России.

ISBN 978–5–906578–44–0

© Дюла СВАК, 2019
© Издательство «Аквилон», 2019

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается.

ОТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ
«МИКРОФИЛОЛОГИИ»
К МИКРОИСТОРИОГРАФИИ
И ДАЛЬШЕ

Главным предметом моих исследований, начиная с первой и вплоть до пока последней научной публикации, была русская историография. Больше всего я занимался историографией царствования Ивана IV и Петра I, а также «русского феодализма» (этим темам посвящены мои университетская¹, кандидатская² и докторская³ диссертации). В этой книге Читатель найдет восемь работ на эти темы, написанных в 1978–2017 гг. на русском (и отчасти на английском) языке⁴.

¹ *Szvák, Gyula*. IV. Iván értékelésének kérdéséhez // Bölcsészdoktori disszertáció. Eötvös Loránd Tudományegyetem, 1980.

² *Свак, Дюла*. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. ЛГУ, 1984.

³ *Szvák, Gyula*. A feudalizmus kori orosz történelem fő problémái az orosz történetírásban // Akadémiai doktori disszertáció. Magyar Tudományos Akadémia, 1999.

⁴ *Свак, Дюла*. К вопросу об оценке деятельности Ивана Пересветова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. No. 1–2 (1978). 55–80; *Свак, Дюла*. Советская историография реформ середины XVI в. Часть I // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis re Rolando Eötvös Nominatae Sectio Historica*. Том XXIV (1985). 217–236; *Свак, Дюла*. Советская историография реформ середины XVI в. Часть II // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis re Rolando Eötvös Nominatae Sectio Historica*. Том XXV (1987). 227–251; *Свак, Дюла*. Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. No. 1–4 (1987). 327–360; *Szvák,*

В книгу не включены работы обобщающего характера и связанные с венгерской тематикой, таким образом, в нем содержатся только историографические работы о русской истории, не считая последней, которая посвящена попытке формирования новой государственной исторической политики и хорошо обобщает уроки историографического изучения отдельных проблем.

В публикуемых материалах косвенным образом появляется тысячелетняя история огромной империи, какой она виделась и изображалась русскими историками двух веков. Исследование ведется в историографическом жанре, в нем отслеживается история русской исторической науки, но всегда с намерением одновременно приблизиться к давней проблеме своеобразия исторического развития России. Метод

Gyula. Some Parallels Between the Images of Ivan the Terrible and Peter the Great in Russian Historical Thought / Delivered at University of Hawaii at Manoa, 16th of September, 1987; Szvák, Gyula. Concepts of "Russian Feudalism" in Russian Historiography // Hungaro-Slavica 1988: 10. Internationaler Slavistenkongress, Sofia, 14–22. September 1988 / Hrsg. von P. Király, A. Hollós. 203–220. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988; Свак, Дюла. Р.Г. Скринников: историк и мир — мир историка (Опыт реконструкции) // Русистика Руслана Скринникова: Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скринникова, в честь его 80-летия / Ред. Дюла Свак, И.О. Тюменцев, 9–21. Budapest: Russica Pannonicana, 2011; Свак, Дюла. Параллельные биографии — судьба историка в Советском Союзе и Венгрии. Штрихи к портрету Руслана Скринникова и Ежефа Перени // Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе: материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 21–22 мая 2012 г. / Historians and the World — the World of Historians in Russia and Central and Eastern Europe: materials of the international historical conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, 21–22 May, 2012, Ruzsisztikai Könyvek XXXVI / Chief ed. Gyula Szvák / Ed. by Szergej Filippov, Zsuzsanna Gyimesi, 15–26. Budapest: Russica Pannonicana, 2012; Свак, Дюла. Опыт создания новой государственной концепции истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 4 (2017): 897–908.

исследования в ранних работах я назвал бы, за неимением лучшего, *историографической микрофилологией*, поскольку в исторической науке пока не найдено адекватное наименование для этого вида исторических изысканий. В «историях исторической науки» русская историческая наука обычно анализируется горизонтально, а в предлагаемых работах — вертикально, то есть их автор старается сложить образ русской исторической науки из историографических мозаичных элементов, путем изучения определенных проблем.

В этих работах не ставилась цель дать прямую оценку хода русской истории. В этом отношении жанр историографии требует от ученого большого самоограничения. Однако, показывая традиционные ответы русских историков на вопросы, поднимаемые историей, историограф естественным образом проливает определенный свет и на сам ход истории.

И все же главной целью был показ общего развития русской исторической науки, занимающейся историей России. Это европейская историческая наука⁵, европейская по своим источникам, поднимаемым вопросам и попыткам ответить на эти вопросы. Конечно, она имеет много своеобразия по сравнению с венгерской исторической наукой, носит в основном имперский характер, определяющим в ней всегда был «национальный угол зрения» при интерпретации истории. Несомненно, это явление тоже надо рассматривать исторически и следует искать возможности преодоления такого исторического подхода. Их немного, но они все же имеются.

Очевидно и то, что в русской исторической науке дольше, чем в венгерской, жили традиции сталинского подхода к истории. Однако это проявилось не просто в культуре исторических личностей, в вульгарном экономическом детерминизме и живучести объяснения явлений с позиций

⁵ Подробнее см.: *Szvák, Gyula. The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century // Oxford History of Historical Writing. Vol. 4: 1800–1945 / Ed. by S. Macintyre, J. Maigushca, A. Pók. Oxford: Oxford University Press, 2011. 303–325.*

классовой борьбы, но и в придании объяснительного характера своеобразному русскому мессианизму. А это не советское изобретение, оно глубоко скрыто в русской традиции. Таким образом, важно отметить, что советская (в том числе и сталинская) историческая наука преемственна по отношению к дореволюционной.

Безмерная идеализация Ивана IV тоже не «дьявольский замысел» И.В. Сталина. Она имела большие традиции и в историографии XIX века. Зато предпочтение, оказываемое Ивану IV по сравнению с Петром I в воображаемом пантеоне великих персонажей русской истории, несомненно, стало новшеством сталинской эпохи. Историографическая судьба обоих царей показывает, что историческая оценка самодержавия в рамках имперского мышления неизбежно отличается от его оценки в исторической науке малых народов. Ведь в первом случае даже восточный деспот может сыграть роль «справедливого Матьяша»⁶.

Более сложно изменение образа Петра I, ведь в его случае речь идет не просто о тиране, но и о реформаторе. А это не только русская, но и восточноевропейская дилемма. Поэтому «догоняющее развитие», модернизация сверху могли претендовать на относительно благосклонную оценку в исторической науке нашего региона. А это, между прочим, доказывает, что оправдание насилия в истории не может считаться «вывихом» русского мышления. Причина неразрешенности «тайны Петра» в конечном итоге кроется в неразрешенности основной дилеммы исторического развития России. В то же время проявляющееся время от времени скептическое отношение к Петру указывает на то, что даже и для русских существование или падение империи не является единственной историко-философской проблемой. Однако включение в оценку исторических явлений ценностей правового государ-

⁶ Об историографической судьбе Ивана IV и Петра I см.: *Szvák, Gyula*. IV. Iván és I. Péter utóélete. *Ruszisztikai Könyvek VIII*. Budapest: ELTE Ruszisztikai Intézet, 2001. 256 o.

ства, обеспечивающего благоденствие его граждан, означало бы конец традиционного в России исторического подхода.

Мои ранние работы об Иване Пересветове, Иване IV и Петре I на первый взгляд не слишком отличались от введенных и историографических обзоров больших биографических монографий. Однако они были написаны с другой целью. В них я не стремился показать историю изучения указанных исторических деятелей, а попытался проанализировать на их примере изменения в русско-советской исторической науке, реконструировать и сопоставить друг с другом различные концепции, рассмотрев отдельные проблемы, можно сказать, методом глубоких скважин, выявить в части целое. В этом смысле мой метод можно назвать «исторической микрофилологией», как я впервые сформулировал это в своей докторской диссертации 1999 года⁷. В ней я попытался дать макроответы с помощью «микрометодов».

В 2000-х гг. у меня уже не было таких амбиций. В своих историографических исследованиях я уже давно прекратил попытки давать «большие ответы» на «большие вопросы». Другое дело, что ни историческая эпоха, ни состояние, направление развития исторической науки не благоприятствуют созданию обобщающих работ. После постмодерна более востребованными были стремления описывать в мельчайших деталях «малое», хотя наиболее одаренные представители нашей профессии не отказались при этом от намерения «показать море в капле воды».

В моем понимании в этом и состоит суть столь модного ныне метода «микроистории», лучшие представители которого по праву снискали большую популярность, в том числе и в кругу образованной публики. Наибольший интерес у меня вызвал труд Натали Земон Дэвис «Возвращение Мартина Герра», одно время я собирался написать похожую работу,

⁷ *Szvák, Gyula. A feudalizmus kori orosz történelem fő problémái az orosz történetírásban // Akadémiai doktori disszertáció. Magyar Tudományos Akadémia, 1999. 3. o.*

сгруппировав реалии России XVII века вокруг изобиловавшей приключениями жизни Тимофея Анкундинова. В конце концов история «русского Мартина Герра» так и не была написана, зато, во всяком случае, мы можем похвастаться важной публикацией источников⁸.

Вместо микроистории я обратился к микроисториографии. Правда, в настоящей книге она представлена только двумя работами, но они, несомненно, свидетельствуют о смене направления моей исследовательской деятельности. В жанровом отношении эти работы в принципе могут быть отнесены к микроистории в широком понимании этого понятия. Если принять определение венгерского ученого Иштвана Сиярто, то очевидно, что при написании моих упомянутых выше работ тоже было осуществлено «маломасштабное интенсивное историческое исследование»⁹, и хотелось бы надеяться, что они «во многих отношениях дают читателю некий плюс благодаря своим четырем характерными чертам: увлекательности, реалистичности, обращению к собственным переживаниям читателя и распространенности исследованного единичного случая».¹⁰

Поскольку мои указанные выше работы посвящены не самому историческому процессу, а его изучению, считаю возможным ввести для такого случая особый термин: *микроисториография*. Ведь не вызывает сомнений, что я, пусть и непроизвольно, но все же в конечном итоге работал теми же средствами и методами, что и микроисторики, но в то же время мои исследования и изложение их результатов направлены на осмысление четко ограниченных *историографических* вопросов. И так думаю не только я. Для меня является большой

⁸ Szvák, Gyula. Szerk. Az Ankungyinov-ügy: Egy európai kalandor Moszkóviából (Дело Анкундинова: Европейский авантюрист из Московии). Budapest: Russica Pannonicana, 2011.

⁹ См.: http://hajnalkor.hu/files/rendi_es_polgari_012.pdf. 10 (февраль, 2019).

¹⁰ Там же. 12.

честью и подтверждением правильности выбранного мной пути, что член-корреспондент РАН Лорина Петровна Репина в своем отзыве о сборнике моих статей «На службе у Клио...» назвала научное направление, которое я представляю, *микроисториографией* (или) *историографической антропологией*¹¹.

История исторической науки последних десятилетий может быть представлена как путь, ведущий от макроистории к микроистории. Думается, что упомянутые выше работы, в свою очередь, демонстрируют переход от макроисториографии, которая изучается средствами микрофилологии, к микроисториографии. Я вовсе не уверен в том, что это одновременно можно считать своего рода развитием. Несомненно одно: “small is beautiful”. К тому же представляется бесспорным, что в результате исследуемая тема получает подчеркнутое человеческое измерение. И это в любом случае должно стать примером моей приверженности гуманистическому этосу нашей профессии.

* * *

Большинство текстов, входящих в настоящую книгу, было написано в 70–80-х годах. Их собрание в одно целое и публикация в виде книги необходима для реконструкции описанной выше траектории моей научной деятельности. Но, быть может, их значение не только в этом. Прошло уже достаточно много времени для того, чтобы эти тексты и сами стали частью историографии, с их помощью можно оглянуться на историческую науку того времени, когда они были написаны. Будучи историографом, я тоже попытаюсь найти им место в контексте прошлого.

Я всегда соблюдал правила своей профессии, однако постоянно чувствовал заданные рамки слишком тесными и с

¹¹ См.: Репина Л.П. Стимулирующая «микроисториография» профессора Свака // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Ред. и сост. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2018. 31.

давних пор старался раздвинуть их. Мне не чужда мысль, что в этом нужно быть еще радикальнее (экстравагантнее? субъективнее?). Даже ценой того, что кто-то будет считать меня потерявшим чувство меры, хотя, по-моему, жанр «*автобиографии*» тоже может быть легитимным при определенных условиях.

* * *

В 1980-х гг. в исторической науке уже присутствовало поколение описанного Геннадием Бордюговым и Сергеем Щербиной среднестатистического Виктора Ивановича¹², родившегося в 1949 г., но оно еще не получило ключевой роли. Позже появились также чрезмерно усердные неофиты и / или имитаторы англосаксов. В то время главную роль в советской исторической науке играло поколение, социализовавшееся в 1950-х гг., но вместе с тем и в период «оттепели», вследствие чего эта наука была двуличной. С одной стороны, она была крайне идеологичной и политизированной, но никогда не прекращалась и настоящая историческая наука¹³. Правда, ценой этого было то, что настоящие историки опасались делать методологические, концептуальные обобщения и старались писать добротные работы, в которых использовались новые источники и излагались факты.

В то же время нужно отметить, что не лучше была и американская русистика времен холодной войны. Хотя к этому сразу необходимо добавить, что позже распад СССР и сопровождавшая его «архивная революция», с одной стороны, и новые методологические ответы на вызовы постмодерна, с другой, принесли свои плоды, и англосаксон-

¹² Научное сообщество историков России. 20 лет перемен / Под ред. Геннадия Бордюгова. Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI). М., 2011. 55–118.

¹³ *Свак, Дюла*. На службе у Клио и у власть предержащих (этюды по руссиеведению). *Rusisztikai Könyvek XXXVIII*. Budapest: Russica Pannonicana, 2014. 124.

ская / американская русистика дала науке целый ряд выдающихся трудов (что имело свои предпосылки, достаточно упомянуть школообразующую деятельность Николая Рязановского¹⁴ или Эдуарда Кинана¹⁵) и некоторое время играла ведущую роль в изучении истории России и СССР. Правда, это не отменяет факта, на который в нескольких релевантных, хотя и провокативных предложениях указала американский историк Линн Виола: “Cold War binary thinking greatly simplified the study of Soviet history for American audiences. There were enemies (them) and there were friends (us, or some of us anyway). There were truth tellers (American historians) and there were liars (Soviet falsifiers)”¹⁶.

В этой историографической ситуации повысилась важность русистски-малых, «промежуточных» стран. Достойных внимания результатов достигли, например, датские исследователи истории России¹⁷. Мы, венгерские историки, хотели сыграть роль некоего «моста», которая отнюдь не напрашивалась сама собой, но все же в определенном смысле была историографически детерминирована. Начнем с того, что до смены режима венгерская историческая наука находилась на хорошем, быть может, даже первоклассном уровне и успешно лавировала между Сциллой национальной

¹⁴ *Riasanovsky, Nicholas V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Harvard University Press, 1952; *Idem.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford University Press, 1985. На его книге “A History of Russia”, которая с 1963 г. выдержала восемь изданий, выросли многие поколения американских студентов.

¹⁵ *Keenan, Edward.* The Kurbskii-Groznyi Apocrypha the 17th-Century Genesis of the “Correspondence” Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, 1971.

¹⁶ *Viola, Lynne.* The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union // *The Russian Review* 61 (Jan., 2002). 25.

¹⁷ См.: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/16_2_2016/2016_16_2_Vozgrin_V_E_-_Knud_Rasmussen_i_Hans_Bagger_datskie_istoriki_Rossii.pdf (февраль, 2019).

замкнутости и Харибдой международного государственного марксизма. В Венгрии смена режима застигла и разделила историков не шоковым ударом, а почти незаметно. Здесь «марксисты» уже в 70-е годы не были «настоящими» марксистами (в государственно-социалистическом смысле этого понятия), поэтому они легко сняли свои поношенные одежды и заменили их на более модные. Таким образом, на мое поколение историков, для которых изучение истории России впервые стало главным занятием, уже не давил «груз марксистско-ленинской методологии», но поскольку мы все же находились в «одном лагере», нам легче удавалось добывать аутентичные знания о России¹⁸.

В результате было относительно просто добиться успеха. Одно время было достаточно основательно изучить труды советских историков, сравнить их с дореволюционной литературой и на основании обнаруженных этими историками источников сделать соответствующие выводы, выполнить работу по концептуализации эмпирического материала. К тому же это делалось для очень чувствительной и в целом свободной в своих мнениях венгерской интеллектуальной среды, которая в середине 1980-х годов следила за нашей работой и по достоинству оценивала новые интерпретации русской истории. (Например, моя книга о Смуте «*Cárok és kalandorok. A „zavaros időszak” története*» была опубликована в 1982 г. в 80 тысячах экземпляров, а о моей компиляции «*Iván, a Félelmetes*», написанной в 1985 г. и посвященной Ивану IV, появилось 13 рецензий в венгерской печати).

Конечно, для этого нужно было знать советскую историческую науку «изнутри» и добиться признания у советских историков. Как раз в то время в 1984 г., я защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном

¹⁸ *Szvák, Gyula. Szilánkok. Vitáink — egymással, egymásért // Tertium datur. Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára. Russizisztikai Könyvek XLIV / Szerkesztette Juhász József, Szvák Gyula. Budapest: Russica Pannonicana, 2018. 348–358.*

университете. Тогда и в Советском Союзе никто не писал диссертаций об оценке исторической роли Ивана IV, так что я с полным правом мог считать, что моя работа заполняет пробел в историографии. Другое дело, что она не привлекла внимания представителей нашей профессии, вероятно, из-за языковой изоляции Венгрии. Ныне наши работы обильно рецензируются и на Западе, хотя даже в наши дни находятся люди, которые открыто признают: «Hungary ordinarily does not strike one as a site for Russian studies...»¹⁹.

Таким образом, если рассматривать мои работы 1970–80-х годов (и это относится и к моим публиковавшим тогда ровесникам), то, вероятно, в первую очередь следует отметить, что тогда мы были храбрее, чем упомянутый выше «среднестатистический советский историк», имели возможность ставить более смелые вопросы и свободно отвечать на них, продолжая в то же время вести исторический дискурс с советской исторической наукой. С одной стороны, мы были ее неотъемлемой частью (опирались на созданные ей фундаментальные труды), а с другой стороны, вели с ней спор. Все это вытекало из нашего «промежуточного» положения, которое в конечном итоге сложилось благодаря увеличению независимости Венгрии и ее интеллектуальной жизни от Советского Союза. (Однако в связи с этим не надо недооценивать и влияния «брожения», наблюдавшегося в СССР в 80-х годах, благодаря которому нам, как своего рода «ближнему зарубежью», простили это; более того, многие не только поддерживали, но и буквально подталкивали нас к этому). И, конечно, наши публикации появлялись в Венгрии.

В чем состояло значение этого? Помимо профессионального аспекта, — ведь мы, несомненно, основательно изучили свои темы, — нужно учесть, что в 1980-х гг. и пред-

¹⁹ Рецензия Петера Б. Брауна на книгу: *Свак, Дюла*. На службе у Клио и у власть предержащих (этюды по руссиеведению). *Ruszsztikai Könyvek XXXVIII*. Budapest: Russica Pannonicana, 2014 // *The Russian Review*. 2016 / 2 (Vol. 75). 346.

ставители основного течения международной исторической науки занимались макропроблемами. Особенно в Восточной Европе, где нужно было освободиться от балласта, обременявшего понимание истории, найти новые ответы вместо старых, догматических, и принять участие в продолжительной интеллектуальной освободительной борьбе, предшествовавшей смене режима. Тем самым по своей функции историческая наука стала напоминать литературу или киноискусство, которое в Венгрии отличалось революционным новаторством уже в 1960-х гг. Мы все боролись против исторической тирании и старались показать историческую вину единоличной власти. И для этого не нужно было насиловать историю или нарушать правила нашей профессии: сам выбор темы уже гарантировал (и) представителям общественных наук, что они удовлетворяют реальные потребности общества, не приемлют государства в качестве заказчика и утверждают демократическое правовое государство в качестве общечеловеческой ценности, независимой от конкретных исторических детерминаций. Это была медленная, «тихая», «крадущаяся» революция, которая победила в Венгрии еще до смены режима, осуществленной с международной помощью. В этом смысле это время можно назвать героическим периодом, в котором сделало свое дело и сообщество историков, которое по праву может гордиться этим. Историки испытывали тогда приподнятые чувства. Мы стали свидетелями, участниками и летописцами осуществления наших исторических идеалов.

Это была Пиррова победа.

* * *

Между последней работой, опубликованной в 1980-х гг., и первой, увидевшей свет в 2010-х гг., прошло четверть века. Что я делал в это время? Писал, редактировал другие книги и статьи; вместе с коллегами мы основали будапештский Ин-

ститут / Центр русистики. Все это хорошо документировано²⁰, поэтому я не стану писать об этом.

Есть разные мнения о том, стал ли мир лучше после краха биполярного мирового порядка. Во многих отношениях люди живут хуже, во всяком случае, хуже, чем они надеялись, а могли бы жить гораздо лучше. После финансового кризиса 2008 г. становится все яснее, что речь идет не о временном кризисе, а о распаде, конце старого порядка, от которого все чаще пытаются спастись с помощью авторитарных средств и идеологии этнонационализма. Историк раз за разом переживает состояние дежавю, как будто мы во второй раз вошли в одну и ту же реку.

Интенсивность и быстрое распространение кризиса, а также возвращение худших исторических сценариев, несомненно, вызвали удивление (по крайней мере, у меня), однако нельзя сказать, что мы не вычитали из закономерностей прошлого некоторые события настоящего. Институт русистики уже в 1993 г. опубликовал брошюру «Ельцинщина», а в 1999 г. — сборник «A jelcinizmus vége», в которых, даже оглядываясь на них из сегодняшнего дня, мы, думаю, правильно проанализировали процессы, происходившие в России. Дело в том, что достаточно быстро выяснилось, что после Ельцина должно последовать наведение порядка, в то же время его этапы не были видны заранее, поскольку свое влияние оказывали и изменчивые мировые тенденции.

В исторической науке случилось так, что, в то время как англосаксонская русистика в 1990-х гг. сделала рывок вперед, российская историография была вынуждена обороняться. Было непросто найти новую идеологию вместо старой, ведь тысячелетний рубеж принес как раз изобилие методо-

²⁰ Подробнее см.: Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Ред. и сост. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2018; *Свак, Дюла*. Будапештская школа русистов: итоги и перспективы // *Quaestio Rossica* 2. No. 1 (2014). 241–260.

логий. Некоторые историки просто поменяли местами знаки «плюс» и «минус», сменили терминологию, но в основном продолжили свои старые исследования. На других существенно повлияла западная историография, начали развиваться прежде находившиеся на периферии субдисциплины, на русский язык было переведено множество фундаментальных работ новой исторической науки, основанной на новых методах исследования. Все это происходило во время ельцинского хаоса, когда делались попытки прямых заимствований у Запада. Однако как в России не получилось ни рыночной экономики западного типа, ни демократического правового государства, так и ее историческая наука быстро, практически параллельно с путинской эпохой, вернулась в привычную колею: снова утвердился примат государства, что произошло по существу параллельно с распространением цивилизационной парадигмы. Борьба между ними до сих пор не закончилась в российской историографии. По своей конечной сути это воспроизведение в новых условиях славянофильского и западнического понимания истории, на судьбу которых влияют геополитическое положение и великодержавные амбиции России.

Таким образом, доминирующее направление в исторической науке снова вошло в колею, опробованную «государственной» школой XIX в., которая объективно хорошо послужила государству. В то же время новые, альтернативные субдисциплины отличаются именно тем, что разрывают целое на мелкие части. В профессиональном отношении они оказались конкурентоспособными, но с точки зрения исторической политики не имеют никакого веса. Вопрос, удовлетворится ли власть этим *státus quo*?

Весьма вероятно, что не удовлетворится. По правде говоря, не удовлетворялась и до сих пор. Начало «нового летоисчисления» в Венгрии я датирую 2010-м годом, когда в Основной закон государства было внесено положение, которое оспаривается подавляющим большинством историков и зву-

чит так: «Восстановление государственного самоопределения нашей Родины, утраченного 19 марта 1944 года, мы отсчитываем от второго мая 1990 года — дня создания первого свободно избранного народного представительства»²¹. Исходя из этого, если кто-то считает, что венгерское государство тоже несет ответственность за Холокост или за «коммунизм», то объективно он нарушает конституцию. Санкций для таких нарушений пока еще нет, но законное основание для них уже создано. Нынешнее венгерское правительство пытается создать казенные учреждения для изучения истории, ограничить автономию Академии и университетов, например, путем запрещения обучения по некоторым специальностям (10 августа 2018 г., когда я пишу эти строки, было объявлено об отмене одобренного в 2016 г. изучения гендерных наук).

Думается, в России поворотным пунктом нужно считать указание В.В. Путина о создании новых учебников истории, данное в 2012 г., хотя явной попыткой вмешательства с позиций исторической политики было и существование в 2009–2012 гг. печально известной «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Еще более существенным было лишение РАН юридической самостоятельности в 2013 г.

На первый взгляд венгерские и российские власти, ведущие централизованную политику, многое заимствуют друг у друга, однако в области политики памяти между ними существуют непримиримые противоречия из-за разной оценки событий 1944–45 гг. и следующего периода. Конечно, их позиции совпадают в том смысле, что правительства обеих стран все решительнее стараются использовать историю, подчинив ее своим властным целям, но это наблюдается и в других местах, в наиболее крайней форме — в некоторых постсоветских государствах, где прошлое переосмысли-

²¹ См.: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968 (февраль, 2019).

вается вплоть до открытого подстрекательства к фашизму²². Более того, склонность к такому переосмыслению имеется и в США. Очень симптоматично, что, когда я послал нескольким американским коллегам свою работу о попытке создания государственной концепции русской истории, которая опубликована и на английском языке, то они высказали пожелание, чтобы я распространил свое исследование и на внеевразийские регионы.

Таким образом, ясно, что мы живем в эпоху смены парадигмы, когда авторитарные режимы имеют возможность утвердиться даже на время жизни целого поколения. А историческая наука, как всегда, приспосабливается к этой ситуации. В последней работе этой книги я уже пытаюсь откликнуться на это явление, на то, что властные заказы формулируются все в менее завуалированной форме, и исторической науке необходимо реагировать на это. По всей вероятности, на передний план снова выйдет роль «служанки политики» а, следовательно, и приукрашивание авторитарного или автократического прошлого, его подача в качестве исторического прообраза, и добросовестным ученым снова придется обратиться к фактографии старого доброго позитивистского прошлого. И это, конечно, может даже «попасть в тренд», ведь микроистория предоставляет уютное прибежище историкам, которые ей занимаются. Однако историки, чувствующие моральную ответственность интеллигенции, возможно, должны будут снова создавать крупные нарративы и обязательно давать макроответы на макровопросы. Пока мы отыщем эти ответы, — а я подозреваю, что это будет не скоро и нелегко, — нужно, по крайней мере, стараться четко различать историческую науку, историописание и историоделание.

(2018)

²² Как раз сегодня я узнал новость, что 7 августа на Украине вместо установленного в советское время воинского приветствия введено приветствие украинских нацистов «Слава Украине!», «Героям слава!».

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА

Начиная с карамзинской *Истории Государства Российского* во всех работах по древнерусской истории упоминается имя кондотьера Ивана Пересветова¹. Большое значение имеет и тот факт, что в своей *Истории русской общественной мысли* Г.В. Плеханов подробно останавливается на вопросе об оценке деятельности И.С. Пересветова, посвящая ему специальный раздел².

На первый взгляд может показаться странным, что потомки уделяют столько внимания личности Пересветова, хотя его имя отсутствует в разрядных книгах, нет никаких упоминаний о его военных подвигах и в летописях. Он прославился в первую очередь не своими военными подвигами, а пером публициста. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас сочинения Пересветова: челобитные к Ивану IV, тенденциозные аллегорические сказания о царе Константине и Магмете-салтане, а также его загадочные предсказания о будущем, вложенные в уста греческих философов и латинских докторов. Эти произведения Пересветова в дальнейшем

¹ Впервые на И.С. Пересветова обратил внимание Н.М. Карамзин (см.: *Карамзин Н.М. История Государства Российского*. Т. IX. СПб., 1821. Примеч. 849).

² *Плеханов Г.В. Сочинения*. Т. XX. М. – Л., 1925, 152–169. Любопытно, что и М.Н. Покровский уделял большое внимание воззрениям Пересветова (см. *Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: Избранные произведения*. Кн. 1. М., 1966).

стали неоднократно цитируемыми, важнейшими источниками для историков и литературоведов, занимающихся вопросами русского Средневековья.

Творчество Пересветова историку трудно оценить беспристрастно. Его сочинения занимают особое место своей оригинальностью не только в публицистике XVI в., но и в культуре русского средневековья вообще. Уже само происхождение автора и проникнутость его произведений светским духом могли бы обеспечить ему особое место в современной литературе, являвшейся монополией православной церкви. В своих произведениях автор с потрясающей легкостью и оригинальностью талантливый беллетрист рассуждает о кардинальных политических проблемах времени образования и укрепления русского централизованного государства середины XVI в. Его роль, не знающая аналогий в истории русского средневековья, для многих служит доказательством того, что в эпоху Макиавелли, Бодена и Моджевского новое государство на Востоке Европы и в области культуры не отставало от Запада, располагавшего тысячелетними традициями.

Не случайно поэтому, что в обширной литературе о жизни и творчестве публициста до сих пор нет достаточно обоснованной документальным материалом, свободной от пристрастных оценок, научно объективной, обобщающей работы, которая могла бы синтезировать весь комплекс проблем. О загадочной личности мыслителя-«самоучки», выступившего с грандиозными планами о преобразовании государственного строя, в науке укрепилось две точки зрения.

Некоторые исследователи уклонились от проблемы, высказав сомнения в реальном существовании публициста или же назвав фамилию «Пересветов» псевдонимом³. На-

³ Точка зрения Н.М. Карамзина надолго укрепилась в русской исторической литературе. Сомнения в правильности его гипотезы впервые высказали Ю.А. Яворский и В.Ф. Ржига (см.: *Яворский Ю.А. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI века // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 20.*

стоящая работа, конечно, не ставит целью доказать реальность существования Пересветова-публициста, аргументируемую огромным документальным материалом⁴. В связи с этим хотелось бы только отметить факт, упускаемый из виду соответственно логике полемики, а именно: после 1899 г., в сущности, не было обнаружено новых материалов, окончательно разрешающих проблему реальности существования Пересветова⁵. Таким образом, в спорах со скептиками ос-

Вып. 3. Киев 1908; *Ржига В.Ф.* И.С. Пересветов, публицист XVI века // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. Отд. II. М., 1908). Однако некоторые историки продолжают отрицать реальное существование Пересветова и в 1947 г. (см.: *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. М. – Л., 1947, 211–212).

⁴ См. указанные работы Ю.А. Яворского и В.Ф. Ржиги; также см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. III. М., 1955; *Он же.* И.С. Пересветов и его сочинения // Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956; *Он же.* И.С. Пересветов и его современники (Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.). М., 1958; *Он же.* К изучению взглядов И.С. Пересветова // Труды Отдела Древнерусской Литературы. Т. XVI. М. – Л., 1960; *Лурье Я.С.* Комментарии к Музейному списку полной редакции сочинений И. С. Пересветова // Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956.

⁵ Впервые указал на «черный список» И. Пересветова М.И. Соколов, как о том сообщает А.А. Зимин (см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники // Указ. соч. 1958. 222). Но до сих пор не решен вопрос о том, что на самом деле содержалось в «черном списке Ивашки Пересветова да Петра Губастого и иных списках», упомянутых в «Описи Царского архива». А.Л. Саккетти считает, что в знаменитом «ящике 143» хранились сочинения Пересветова (см.: *Саккетти А.Л.* Политическая программа И.С. Пересветова // Вестник МГУ. Серия общественных наук. 1951. Вып. 1. 109). А.А. Зимин допускает, что в данном случае мы имеем дело с судебными материалами. Исходя из такого предположения, А.А. Зимин выдвигает теорию о возможной трагической кончине «еретика-Пересветова» (см.: *Зимин А.А.* Указ. соч. 1958. 338).

новными аргументами остаются лишь разделы биографического характера в сочинениях Пересветова, а также упомянутый список, нуждающийся еще в дальнейшем объяснении. Всего этого, конечно, мало для окончательного решения вопроса, однако, несмотря на скудность этих сведений и косвенных доводов, факт реального существования Пересветова опирается на прочную систему аргументов и, таким образом, останется неоспоримым до тех пор, пока гипотеза ученых, высказавших сомнения по этому поводу, не будет подтверждена документально⁶. На нынешнем этапе исследований вопрос о реальном существовании Пересветова мы вправе считать решенным, по крайней мере, аргументация историков, утверждающих реальность существования публициста, не противоречит дошедшим до нашего времени источникам.

Однако дискуссия все еще не закончена. Нельзя сказать, что историческая наука дала ответ на все спорные вопросы. Некоторые исследователи, доказавшие достоверность публицистического наследия «воинника», преувеличивают значение Пересветова, приписывая ему нереальные черты. Такая концепция с середины 1950-х годов⁷ постепенно становится общепринятой как в научной⁸, так и в читательской

⁶ О реальности существования Пересветова свидетельствуют прежде всего конкретность автобиографических мест его произведений, сопоставление фактических данных из Малой и Большой челобитных с историческими событиями первой половины XVI в. в данных странах Восточной Европы, широкое распространение фамилии «Пересветов» на Руси в рассматриваемый нами период, а также суггестивность описания обид публициста, которая позволяет предполагать существование конкретной личности.

⁷ Появление критического издания произведений Пересветова стало поворотом в истории изучения данного вопроса (см.: Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956).

⁸ На основе единогласия ученых, подготовивших издание произведений Пересветова, а также грандиозной монографии А.А. Зимина (см.: *Зимин А.А.* Указ. соч.) укрепились мнение, что основные проблемы можно считать решенными.

среде⁹. Поэтому в настоящей работе делается попытка в проблемном плане снова поставить вопрос, который в исторической науке рассматривается как решенный.

Конечно, мы вовсе не утверждаем, что не было прежде ученых, которые подходили бы к творчеству Пересветова без предубеждений и без пристрастий. Существовал целый ряд таких работ¹⁰, но им было суждено остаться на периферии историографии данного вопроса. Концепция этих работ не стала общепринятой, отчасти потому, что в них не были сделаны попытки дать всестороннюю монографическую характеристику проблемы¹¹. Кроме того, сами эти авторы отчасти разделяли ошибочные взгляды, высказанные сторонниками обеих точек зрения¹². Суть проблемы в том, что были в исто-

⁹ См.: *Татарина Л.* Первый русский публицист // Журналист. 1969/3.

¹⁰ В дискуссии, развернувшейся в 1950-х годах, особое внимание обратили на себя А.Л. Саккетти и Ю.Ф. Сальников (см.: *Саккетти А.Л.* Указ, соч.; *Саккетти А., Сальников Ю.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957/1; *Саккетти А.* Из истории русского права // Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права. 1959/3). Позднее и А. Данти высказал свои сомнения в данной концепции. (см.: *Danti A. Ivan Peresvetov, Osservazione e proposte // Ricerche Slavistiche.* 1964/12). Автор настоящей работы выражает благодарность Михаю Балажу за то, что он указал ему на эту ценную работу.

¹¹ Диссертация А. Саккетти (см.: *Саккетти А.* Политические идеи И. С. Пересветова. М., 1945) не опубликована. Подобно другим исследователям, А. Данти в своей обширной работе не претендует на полноту. Рядом историков затрагивается данный вопрос лишь косвенно, по поводу других проблем или в пределах рецензий. См.: *Гудзий Н.К.* Рецензия на книгу А.А. Зимина: И.С. Пересветов и его современники // История СССР. 1959/1; *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия) // V Международный съезд славистов. М., 1963; *Сахаров А.М.* Русская духовная культура в XVI столетии // Вопросы истории. 1974/9.

¹² С одной стороны, и эти авторы, хотя не безоговорочно, но считали Пересветова выдающимся политическим мыслителем (см.:

рической науке попытки, — не претендуя на всестороннее решение вопроса, — резко критиковать «модернизаторские» устремления в оценке деятельности Пересветова¹³, и вместе с тем не разделять явно отрицательной позиции скептиков¹⁴.

Для того, чтобы дать более объективную оценку вопроса, необходимо учесть результаты, достигнутые этими исследователями, но в особенности — существенно определяющую линию современной советской медиевистики, которая, благодаря десятилетней исследовательской работе, делает новые открытия и тем самым устраняет пережитки уже устарелой исторической концепции.

Настоящая работа, далеко не претендуя на полноту, имеет своей целью подвергнуть тщательному рассмотрению те проблемы, которые в наибольшей мере препятствовали объ-

Саккетти А. Указ. соч. 1951. 116), с другой стороны, вследствие терминологической неясности упускалось из виду определение, данное Энгельсом (см.: *Данти А.* Указ. соч. 49). Одни увлекались морализацией (см.: *Голенищев-Кутузов И.* Указ. соч. 26), другие приводили произвольные толкования (см. *Саккетти А., Сальников Ю.* Указ. соч. 123–124).

¹³ См.: *Саккетти А., Сальников Ю.* Указ. соч. 121.

¹⁴ Вопрос об авторстве некоторых произведений, считающихся принадлежащими Пересветову, побуждает к размышлениям. Это относится к «Повести об основании и взятии Царьграда» и вставке к «Концовке». Сомнения А. Данти по этому поводу представляются весьма убедительными (см.: *Данти А.* Указ. соч. 11–14). Авторство «Большой челобитной» также не полностью решено. Проблемы возникают вовсе не в связи с предположением И.И. Полосина, который называет автором Большой челобитной Ивана Грозного (см.: *Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // *Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина.* Каф. истории СССР. Т. XXXV. Вып. 11. 1946, 53–54). Однако необходимо выяснить причины появления — по сравнению с Малой челобитной, написанной приблизительно в то же время — новых данных, а также причины более резкого тона отдельных мест Большой челобитной. Окончательный ответ могут дать только дальнейшие текстологические исследования, в настоящее время мы должны считать этот вопрос нерешенным.

ективной оценке деятельности И.С. Пересветова. В соответствии с этим, разумеется, мы не можем коснуться ряда важных вопросов, тесно связанных с характеристикой публициста, и не претендуем на окончательность выводов. Цель данной работы, собственно, в том, чтобы сформулировать ряд вопросов и выразить сомнения в достоверности характеристики Пересветова, которая в настоящее время является в науке общепризнанной¹⁵. Среди вопросов, касающихся оценки деятельности Пересветова, наиболее усиленно дискутировался вопрос о связи публициста с русскими еретиками.

Мнение о том, что взгляды И.С. Пересветова носили еретический характер, было выдвинуто впервые В.Ф. Ржигой в начале нашего столетия¹⁶. Однако его точка зрения укрепилась в исторической науке лишь позднее, в середине 50-х годов, в результате огромного научного труда ряда историков. В работах, опубликованных в 60–70-х годах и касающихся вопроса о Пересветове лишь бегло, эта концепция повторяется уже как аксиома¹⁷.

Подобные утверждения вызвали возражения со стороны многих историков с самого момента их появления. Можно отметить имена А.Л. Саккетти и Ю.Ф. Сальникова, которые особенно резко выступали против концепции причаст-

¹⁵ Новая концепция, подвергающая, кажется, сомнению изложенное выше, вырисовывается в репрезентативном издании «Очерки русской культуры XVI века», выпускаемом МГУ (см.: Кузьмин А.Г. Публицистика и общественная мысль // Указ. изд. Ч. II. М., 1977; Орлов О.В. Литература // Там же).

¹⁶ Ржига В.Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI века. 51.

¹⁷ В большинстве работ, посвященных истории общественной мысли эпохи, выдвинута такая концепция. См. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М. – Л., 1955; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XVI –первой половине XVI вв. М., 1960; Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М. – Л., 1960; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.

ности публициста к еретическому, однако их взгляды не укрепились в науке¹⁸. Были высказаны сомнения по этому поводу и впоследствии¹⁹, но лишь одна из таких работ специально посвящена деятельности И.С. Пересветова²⁰. Названные исследования не получили широкого отклика потому, что в них не выявлены причины ошибочных представлений, ибо рассматриваемый вопрос, на наш взгляд, является лишь составной частью более общей проблемы о еретических движениях на Руси.

В современных исторических работах широкое распространение получила — главным образом вслед за А.И. Клибановым — концепция, согласно которой еретические движения XIV–XVI вв. рассматриваются как реформационные движения, восходящие к XIII в. и таящие в себе ростки нового мировоззрения — гуманизма²¹. В духе таких соображений одно определенное историческое явление не только именуется сразу несколькими терминами (оно называется то «еретическим», то «гуманистическим», то «реформационным», то «реформационно-гуманистическим», то «вольнодумством»), но и — вследствие терминологической непоследовательности — этому явлению приписываются новые свойства. Таким образом, средневековое еретическое движение наполняется реформационным или гуманистическим содержанием, предвосхищающим новое время, но продолжает рассматриваться как ересь Средневековья.

¹⁸ Рецензии, написанные на издание сочинений Пересветова (см.: *Саккетти А., Сальников Ю.* Указ. соч.), а также на монографию А.А. Зимина (см.: *Саккетти А.* Указ. соч.), носят остро полемический характер.

¹⁹ Здесь мы имеем в виду, в первую очередь, уже названных выше исследователей.

²⁰ В работе А. Данти, опубликованной через пять лет после выхода монографии о Пересветове, сделана попытка переоценить весь комплекс проблем, связанных с публицистом.

²¹ *Клибанов А.И.* Указ. соч. 6–7.

Терминологическая путаница возникла из-за невыясненности ряда важнейших основных понятий. По мнению А.И. Клибанова, под гуманизмом на Руси следует понимать новый взгляд на мир, не оформившийся, однако, в виде целостного теоретически оформленного мировоззрения. Реформационные течения, подрывая монополию православной церкви, порождали гуманистические идеи в качестве позитивной программы, за пределами критики церкви. Гуманизм этот явился результатом антифеодальной борьбы народных масс, классовую основу которой составляли демократические слои городского населения²². По мнению А.А. Зимина, гуманизм — это «моральное и политическое воззрение, исходящее из реального существующего земного человека с его реальными, земными потребностями и способностями»²³. Н.А. Казакова рассматривает реформационное движение как «...понятие, определяющее социальную сущность русских ересей, которые отражали интересы трудящихся масс, стремившихся (объективно) к созданию новой, реформированной “дешевой” церкви»²⁴.

Авторы этих работ тоже признают, что о возникновении гуманизма и реформации на Руси говорить не приходится, однако тем более видят основания говорить об обращении к основным идеям гуманизма и реформации²⁵.

Всемирно известный исследователь древнерусской литературы академик Д.С. Лихачев рассматривает этот вопрос без подобных оговорок. Именно ему принадлежат вошедшие в оборот понятия «Предвозрождение» и, соответственно, «Воз-

²² См.: *Клибанов А.И.* Указ. соч. 4, 7, 9. Вторую часть этой концепции приписывает Клибанову Н.А. Казакова в своей рецензии (см.: *Казакова Н.А.* Рецензия на книгу А.И. Клибанова: Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. // *Вопросы истории.* 1962/6. 145).

²³ *Зимин А.А.* Указ. соч. 404.

²⁴ *Казакова Н.А.* Указ. соч. 141.

²⁵ *Клибанов А.И.* Указ. соч. 384.

рождение» применительно к русской культуре. По утверждению Д.С. Лихачева, в публицистике конца XV – начала XVI веков, последовавших за русским Предвозрождением, наличествуют «ренессансные черты», а именно «вера в разум, в силу убеждения, в силу слова, стремление к преобразованию общества на разумных началах, идея изначальной разумности естественного устройства мира, “естественного права”, идея служения государству, интересам народа»²⁶.

Из приведенных отрывков явствует, что авторы этих работ употребляют данные термины не в общепринятом смысле. Опасаясь того, чтобы не присвоить себе право на толкование основного термина, принадлежащего Энгельсу, мы все-таки считаем нужным отметить: употребление любого исторического понятия имеет смысл только в том случае, если это понятие, называя одно определенное явление, одновременно исключает возможность размывания границ между разнокачественными явлениями, и если это понятие употребляется как термин исторический. Можно ввести в заблуждение, если предполагать существование Предвозрождения там, где за ним не последует Возрождение. Нет надобности также говорить о реформационных и гуманистических движениях там, где они не перерастают в реформацию или в гуманизм. В противном случае внешние и поверхностные аналогии, случайные совпадения хронологических данных могут предоставить достаточное основание для построения произвольных конструкций. И вера некоторых русских еретиков «в разум, в силу убеждения, в силу слова» послужит основанием для того, чтобы мы назвали их гуманистами, и — вместе с их единомышленниками — «реформационно-гуманистическим движением».

В XIV в. на Руси, — как пишет В.Н. Лазарев, — «нет и намек на появление нового класса и на разложение старых феодальных отношений, в ней церковное начало, хотя и смягченное, продолжает господствовать в жизни, в ее литературе

²⁶ Лихачев Д.С. Указ. соч. 128.

отсутствует гуманистическое течение, в ее быте не складывается новый индивидуалистический стиль жизни, ее искусство остается чуждым реализму, опирающемуся на переработку античного наследия и на науку»²⁷, — и это положение становится еще более определенным в последующие времена. В результате союза государства с церковью в начале XVI в. официальная православная церковь приобретает господствующую роль, государство достигает успехов в централизации, и весь феодальный строй вступает в пору расцвета.

Лишь на основе ошибочной терминологии может получиться такая картина, будто данная историческая ситуация является классическим примером реформации и сопровождающего ее социального разложения²⁸, кризисом православно-аскетического мировоззрения²⁹, а жидовствующие или даже стригольники представляются силой сыгравшей большую роль, чем реформаторы и протестанты в Западной Европе³⁰. Не без основания утверждает, таким образом, В.Н. Лазарев (и его взгляды смело могут быть применимы и к древнерусской истории и общественной мысли): «В изучении древнерусского искусства сделано много, но и выдвинуто немало сомнительных, а часто и просто неверных положений. Это то, что прекрасно выражает такое русское слово, как «домысел». С такими домыслами следует всячески бороться, ибо они засоряют нашу науку»³¹.

Приведенный отрывок из книги Лазарева наглядно показывает, насколько усиленно в советской науке дискутируется рассматриваемая нами проблема. Немало ученых резко выступает против указанных положений о сущности ерети-

²⁷ Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. 311.

²⁸ Согласно этой концепции группа Феодосия Косого составляет плебейское, а Матвей Башкин дворянское (а по своему объективному содержанию буржуазное) направление.

²⁹ Клибанов А.И. Указ. соч. 366.

³⁰ Будовниц И.У. Указ. соч. 64.

³¹ Лазарев В.Н. Указ. соч. 313.

ческих движений. Так, Л.В. Данилова указывает на то, что русские ереси «целиком остаются в рамках феодальной идеологии. В них могли содержаться лишь отдельные, не оформленные элементы (курсив наш. — Д.С.) реформационного и гуманистического миропонимания»³². И хотя дискуссии продолжаются, есть уже и принципиальное основание для решения вопроса; оно сформировано М.П. Алексеевым: «Бесплодной и совершенно лишённой смысла была бы задача не только поставить знак равенства между русской культурой XVI–XVII веков и культурой любой другой страны Западной Европы того же времени, но даже утверждать их относительное единство, доказывать сходство там, где налицо явное, исторически закономерное и обусловленное различие, предполагать возможность воздействия в тех случаях, когда самостоятельность национальной формы культурного явления бьёт в глаза и не должна подлежать спору, обосновывать, наконец, хронологические совпадения параллельных культурных процессов в нескольких странах, там, где на самом деле наличествует их несовместимость»³³.

Наша исходная позиция определена: не может быть и речи о Возрождении, гуманизме, реформации на Руси. Несостоятельным представляется и тезис о русских ересьях как о «реформационно-гуманистических» движениях. Напротив, он мешает разобраться в существе вопроса, так как побуждает рассматривать формальное сходство случайных, внешних элементов в качестве сущностных. Разумеется, это не озна-

³² Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962, 79. Подобные взгляды высказывает и В.С. Шульгин (см.: Шульгин В.В. Проблемы истории русской церкви до XVI века // Вопросы истории. 1967/2. 154).

³³ Алексеев М.П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960. 188.

чает того, что мы полностью отвергаем наличие гуманистической мысли в Древней Руси, речь идет об историческом подходе к этому вопросу.

В первой половине интересующего нас XVI в. Россия вступила на самостоятельный путь развития, ознаменовавшегося в дальнейшем установлением крепостного права, централизацией государства и упрочением православия. Все эти факторы находились между собой в сложной взаимосвязи, поэтому союз светских и церковных властей господствующего класса как тенденция явился закономерным. Несмотря на разногласия между государством и церковью, возникшие вначале³⁴, к 1504 г. уже стало фактом, что в православной церкви государство нашло надежную опору в борьбе за централизованную власть. Это привело вскоре к существенным преобразованиям в области идеологии. Быстро и жестоко расправившись с еретиками³⁵, государство и церковь приступили к «производству» церковных сочинений, имевших целью укрепить авторитет великого князя.

Для церкви этот период означал время преобразований и централизации. Еретики не без основания разоблачали отсутствие единства в церкви в эпоху феодальной раздробленности³⁶. Необходимо было поддержать и авторитет православной идеологии, подорванный в борьбе с еретиками³⁷.

³⁴ «Воинствующая церковь» оказалась в оппозиции прежде всего из-за стремления царя к секуляризации.

³⁵ Из работ, посвященных этому вопросу, книга А.Д. Дмитриева (см.: *Дмитрев А.Д.* Инквизиция в России. М., 1937. 30–33) может оказать полезную помощь исследователям, хотя она не свободна от преувеличений.

³⁶ Эти вопросы подробно рассматриваются в отдельной главе работы Н.М. Никольского (см.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. М. – Л., 1931, 60–90).

³⁷ Полемике между нестяжателями и иосифлянами нужно оценивать именно как полемику между двумя направлениями церкви, вступившей на путь внутренних преобразований (См. новейшие советские работы: *Казакова Н.А.* Очерки по истории рус-

Согласно этому, консолидация духовной жизни происходила за счет полного вытеснения оппозиции официальной церкви. Все это означает, что начиная с 1504 г. не только гуманизм, но и ересь идет в другом направлении, расходясь с развитием, наблюдаемым на Руси, вследствие чего ее роль снижается, становясь почти незаметной. Об этом свидетельствуют скитания на Руси чужеземцев, прибывших с Запада и порой знакомых с гуманистическими идеями³⁸.

Констатация того факта, что эти идеи в рассматриваемый период не укоренились на «русской почве»³⁹, ни в коем случае не может рассматриваться как оценочное суждение с нашей стороны. Мерилом нашего оценочного отношения является соотношение этих фактов с основным историческим процессом, указывающим направление исторического прогресса в данную эпоху. В таком случае русская церковь, поддерживающая централизацию, является силой, которая стоит на стороне прогресса и расправа которой с выступающими против официальной идеологии должна рассматриваться как историческая необходимость.

Эти рассуждения в пределах выбранной нами темы позволяют прийти к следующим предварительным выводам:

1. В принципе можно предположить, что фигура Пересветова с приписываемыми ему свойствами «еретика», «гуманиста», «реформатора-гуманиста» или «вольнодумца» является не больше чем жертвой той терминологической путаницы, которая царит в работах, посвященных этому периоду.

ской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. 59; Лурье Я.С. Рецензия на книгу Н. Казаковой: Очерки по истории русской общественной мысли... // История СССР. 1972/4. 164).

³⁸ Трагическая судьба Николая Немчина и Максима Грека широко известна, но А.Д. Дмитриев указывает и на другие подобные случаи (см.: *Дмитриев А.Д.* Указ. соч. 117–125).

³⁹ Этот факт не может быть опровергнут и взятым самим по себе примером Ф. Карпова, апеллирующего к разуму.

2. Если это так, то можно предположить, что в лице Пересветова мы имеем дело с еретиком в самом настоящем смысле этого слова. (Впрочем, это было бы довольно странно, ведь историческая обстановка в середине XVI в. вовсе не благоприятствовала еретикам, особенно тем, кто сам себя выдавал в своих «челобитных» к царю.)
3. Если Пересветов не еретик, то он, следовательно, может быть гуманистом. (Такое предположение не исключено, так как Пересветов побывал в Венгрии, в Польше, в Литве, где он мог ознакомиться с идеями гуманизма.) Является ли он еретиком? Гуманистом? Вольнодумцем? Или представителем всех этих идей одновременно? Или — ни одной из них?

На этот вопрос В. Ржига дал следующий ответ: «... близок к религиозному вольнодумству XVI века», следует предположить, что он имел связи «с той средой, в которой зарождались тогдашние ереси»⁴⁰. Этот тезис развил А.А. Зимин, выдвинув в своих работах теорию о «реформационно-гуманистических» взглядах публициста⁴¹. Л.Н. Пушкарев, высказав по этому поводу противоречивое мнение, отметил: «Несмотря на то, что Пересветов мыслил и писал, оставаясь правоверным христианином...», «идейная перекличка Пересветова с еретиками XVI века имеет глубокие корни», и «все это дает право говорить о системе еретических воззрений»⁴². Д.С. Лихачев пошел дальше, отметив, что публицист «в некоторых отношениях и радикальнее» Томаса Мора⁴³. С име-

⁴⁰ Ржига В.Ф. Указ. соч. 51.

⁴¹ К указанным работам может быть причислена новая, в которой выдвинута теория о преемственности между вольнодумцами конца XV – начала XVI в., а также середины XVI в. (см.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, 344–363).

⁴² Пушкарев Л.Н. И.С. Пересветов и его связи с русской литературной традицией // Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956, 60–61.

⁴³ Лихачев Д.С. Указ. соч. 128.

нем А.И. Клибанова связана одна из наиболее детальных интерпретаций «гуманистических» взглядов публициста. Он рискнул сделать вывод, будто у Пересветова «бог фактически выступает в служебной роли: он служит человеческой “правде”, а не идея “правды” служит богу»⁴⁴. Концепция Я.С. Лурье — ученого, уделившего большое научное внимание, наряду с Зиминим, решению вопроса о Пересветове, хотя и представляет более умеренные взгляды, по существу, не расходится с перечисленными уже концепциями⁴⁵.

Как выше уже было отмечено, против таких положений наиболее резко выступали А.Л. Саккетти и Ю.Ф. Сальников. Саккетти заявляет: «Вызывает удивление метод толкования учения И.С. Пересветова: одна только фраза «“Не веру бог любит, — правду” служит основанием А.А. Зимину отнести Пересветова к числу московских еретиков»⁴⁶. Как отмечает Ю. Сальников, «Сложность и слабая изученность... давали широкий простор для различных произвольных умозаключений» и «продолжают линию модернизаторского истолкования идейной борьбы XVI века», ибо Пересветов «не выходил за пределы религиозного феодального мышления и предпочитал как феодальный идеолог верить в бога, а не в “разум”»⁴⁷. Подобное мнение высказывает и Н.К. Гудзий: «При всем желании какие-либо следы причастности Пересветова к еретическому в его сочинениях найти чрезвычайно трудно», так как «Пересветов выступает как традиционно верующий русский православный христианин»⁴⁸. Точка зре-

⁴⁴ *Клибанов А.И.* Рецензия на кн. Сочинения И. Пересветова // История СССР. 1957/3. 207.

⁴⁵ «У нас нет прямых сведений о еретичестве Пересветова или о его участии в кружках Башкина и Косого; но близость взглядов Пересветова к воззрениям вольнодумцев весьма вероятна» (*Лурье Я.С.* Указ. соч. 507).

⁴⁶ *Саккетти А.* Указ. соч. 204.

⁴⁷ *Саккетти А., Сальников Ю.* Указ. соч. 120–121.

⁴⁸ *Гудзий Н.К.* Указ. соч. 218.

ния И.Н. Голенищева-Кутузова во многих отношениях является необыкновенно четкой, хотя автор несколько драматизирует всю проблематику: «Приходится удивляться, что прославление кола и пилки как основ государственного управления и “янычарской демократии” некоторые наши литературоведы объявили “прогрессивными” и даже “вольнодумными”», поскольку «подобно М. Глинскому, Пересветов — один из тех полувитязей-полуразбойников, которые в XVI в. блуждали по Балканам, Венгрии и Ближнему Востоку. Нередко в сумке боевого седла они возили с собой томики Боярдо и Ариосто, классиков в издании Альдо Мануция, душеспасительные трактаты разных вероучений. Становясь дипломатами и придворными, они легко и быстро приспособлялись к запросам своих покровителей и обильно цитировали в их пользу воззрения греческих философов»⁴⁹. В своей статье, заслуживающей внимания, А. Данти рассматривает вопрос о еретическом в сочинениях Пересветова в отрыве от гуманистического, признавая последнее с определенными оговорками⁵⁰. Однако, к сожалению, и его наблюдения теряют многое из-за неясной терминологии. Заканчивая обзор работ авторов, полемизирующих с общепризнанными положениями, необходимо указать на статью А.М. Сахарова, в которой высказывается мысль, что «вряд ли, впрочем, дворянскую практичность Пересветова стоит принимать за гуманизм»⁵¹.

Какими аргументами подтверждают свои положения сторонники модернизаторского подхода к оценке деятельности Пересветова?

Основную часть их аргументации составляют следующие слова публициста: «И тако рек Петр волоский воевода: “Бог не веру любит, — правду. Истинная правда — Христос бог наш, сын божий возлюбленный, в троице едином божестве неразделимые едино божество и сила; да оставил нам

⁴⁹ Голенищев-Кутузов И.Н. Указ. соч. 26.

⁵⁰ Данти А. Указ. соч. 49.

⁵¹ Сахаров А. М. Указ. соч. 125.

еуангелие правду, любячи веру христианскую надо всеми верами, указал путь царства небеснаго во еуангелии» (181)⁵². Отрыв от контекста слов «Бог не веру любит, — правду» и замалчивание последующих рассуждений, органически связанных с первыми, приводят к неверным утверждениям, будто Пересветов, противопоставляя веру правде, высказывает еретические взгляды⁵³.

В аргументации многих авторов, однако, нередко приводится и весь указанный выше отрывок в подтверждение причастности Пересветова к еретическому. В связи с этим А.А. Зимин отмечает: «Апелляция к евангелию и трактовка «правды» как живого слова Христа практически приводили к исключению всей позднейшей святоотеческой традиции из комплекса авторитетов», и «в данном случае И.С. Пересветов не столько отдавал дань традиционно-религиозным понятиям... или стремился скрыть свои истинные взгляды от ортодоксального читателя, сколько пытается переосмыслить их в реформационном духе»⁵⁴. В статье А.И. Клибанова развертывается такая мысль: «Если бог или Христос — это “правда”, то всюду, где есть правда, там бог и Христос», и «возможным становится нехристианское христианство»⁵⁵ — так рождается просвещенная идея религиозной терпимости.

Если тщательно рассмотреть высказывание Пересветова, отвлекшись от слов «Бог не веру любит, — правду», то станет неоспоримым, что публицист дает традиционное православное толкование единства «правды» и «веры», религи-

⁵² Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956. 181. Здесь и в дальнейшем ссылки на данное издание (Полная редакция, Музейный список) даются в основном тексте статьи; цифра, данная в скобках, указывает страницу.

⁵³ См.: Зимин А.А. Указ. соч. 315.

⁵⁴ Зимин А.А. И. С. Пересветов и его современники // Очерки по истории русской общественной мысли середины XVI в. М., 1958. 399.

⁵⁵ Клибанов А.И. Указ. соч. 207.

озной сущности «правды»⁵⁶. Всему этому не противоречит и «несомненно светское содержание «правды», а также ее «действенный»⁵⁷ характер: «Бог помогает не ленивым, но кто труды принимает и Бога на помощь призывает да кто правду любит и праведен суд судит» (170). Совершенно естественно то, что человек в данном случае, занятый своими чисто земными заботами, ищет реально существующего, конкретного пути для осуществления своих чаяний. Служилому человеку, осаждающему царя челобитными и страдающему от произвола вельмож, нужна правда. Кто-кто, а уж он меньше всего может быть заинтересован в том, чтобы «правота» государства была оправдана благодатью, а не кровью и железом. (Ниже мы подробнее остановимся на главной особенности произведений Пересветова, на находчивом совмещении в них индивидуального и коллективного.)

Было бы весьма странным, если бы публицист, выступающий с планами светских преобразований, и ожидающий за это награды, был свободен от светских черт. В противном случае мы могли бы считать его автором не светских, а религиозных произведений — с церковными, а не светскими реформами. Впрочем, у Пересветова «правда», которая представляет собой совокупность преобразований, обеспечивающих справедливую, по мнению публициста, государственную систему⁵⁸, восходит к религиозным началам и реализуется в формах, диктуемых официальной православной церковью.

Рассуждения Пересветова о «правде» не выходят за пределы официальной идеологии эпохи, несмотря на его высказывания, оцениваемые исследователями как сугубо ере-

⁵⁶ В другом месте он пишет: «Правды сильнее в божественном его писании нет. Правда богу и отцу сердечная радость...» (177).

⁵⁷ *Лихачев Д. С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М. – Л., 1956. 44.

⁵⁸ *Зимин А.А.* К изучению взглядов И.С. Пересветова // Труды Отдела Древнерусской Литературы. Т. XVI. М. – Л., 1960. 170.

тические, так как хотя «в спокойной и умеренной... беседе для “заострения” мысли высказывается какая-либо фраза, которая звучит радикально»⁵⁹, однако она может приобрести принципиальное значение лишь в том случае, если получит подтверждение и в других высказываниях публициста⁶⁰. Следует считать грубой методологической ошибкой стремление на основе вырванного из контекста заявления делать далеко идущие выводы, явно расходящиеся как с сущностью контекста, так и с общей системой высказанных мыслей.

Более приемлемой представляется точка зрения, которая в таких случаях исходит из несостоятельности отрывка по отношению к целому контексту. В связи с этим весьма ценные наблюдения приведены И.У. Будовницем, который хотя и без документальных аргументов — пришел к выводу, что данный отрывок «является позднейшей вставкой и принадлежит очевидно какому-то пылкому почитателю Пересветова»⁶¹. Не опровергая этой точки зрения, можно решить вопрос, на наш взгляд, и в том случае, если признать рассматриваемый отрывок принадлежащим Пересветову.

Для разьяснения этой проблемы следовало бы исходить из более широкого контекста. Перед этим спорным предложением дается описание случая, оцененного в качестве парадоксального не только Пересветовым, но и Магметом. При своих советниках Магмет оговорился: «Мне бог выдал, малому царю, великаго царя» (180), то есть турецкому султану греческого царя. Здесь публицист наталкивается на собственное противоречие, будучи вынужден объяснить этот странный для христианина поступок бога.

Публицист справился с задачей, несмотря на то, что его возможности были весьма ограничены. Он мог выйти из положения только с помощью нового парадокса. Эта парадокс-

⁵⁹ Гудзий И.К. Указ. соч. 218.

⁶⁰ Будовниц И.У. Указ. соч. 213.

⁶¹ Эта точка зрения может быть приемлема и для тех исследователей, которые считали спорной «Большую челобитную».

сальность заключается в том, что вера греков-еретиков (униатов), «сошедших с божьего пути», полностью подчинена «правде» турок, исполняющих волю бога: «Бог не веру любит, — правду»⁶².

Необходимо отметить, что эти последние слова, неоднократно дискутировавшиеся раньше, в последующем начали рассматриваться по-иному, особенно в работах сторонников так называемого модернизаторского подхода к вопросу. Отсутствие данной фразы в «Сказании о Петре, волоском воеводе», написанном впоследствии, долгое время вслед за В.Ф. Ржигой рассматривалось как доказательство радикальной направленности воззрений Пересветова⁶³. Однако А.И. Клибанов восхваляет «вольнодумство» «Сказания», ссылаясь на то, что в произведении, восходящем к началу XVII в., помимо спорного отрывка, отсутствуют и слова о святой троице⁶⁴.

После доказательства, приводимого в исследованиях чаще всего в качестве наиболее веского довода, рассмотрим другие аспекты данной концепции. Во многих работах неоднократно высказывается мнение, что «Пересветов склонен рассматривать двигателем исторического процесса не “божий промысел”, а живых людей с их разумом и человеческими страстями»⁶⁵.

Сразу же следует отметить, что формулировка «живые люди» слишком обща; в «воинниках», показанных автором в

⁶² В заключение хотелось бы привести оригинальное, хотя ошибочное, мнение М.Н. Покровского, характерное в целом для его взгляда на Пересветова: «За такие речи в Московском государстве и на костер недолго было попасть, а уж в монастырское заточение наверно: полуиностранный псевдоним был очень кстати». (Покровский М.Н. Указ. соч. 278).

⁶³ См. Зимин А.А. Указ. соч. 644; Казакова Н., Лурье Я. Указ. соч. 176.

⁶⁴ Клибанов А.И. Указ. соч. 346.

⁶⁵ А. Зиминым дается такая формулировка (см.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. III. М., 1955. 317).

главенствующей роли, он отнюдь не видит «двигателей исторического процесса». Будучи служилым человеком, Пересветов стремился только к одному — к равноправию внутри господствующего класса, куда включались бы и «воинники», осуществляемому на уровне слуг царя. Таким образом «естественные права», якобы принадлежащие дворянам, он приписывает царю, и взамен надеется на привилегии — с той оговоркой, что люди, побывавшие во многих странах и богатые опытом, имеют право внушать царю его обязанности.

Но можно ли понимать этого единственного человека, царя, в качестве двигателя исторического процесса? Большинство исследователей дает на это положительный ответ, ссылаясь на заявление Пересветова о «мудрости» государя, заимствованное из «книг», которые уже сами по себе считаются доказательством еретичности⁶⁶. Но эта «мудрость» извлечена большей частью из официальных книг церкви⁶⁷. Она поддерживается богом лишь в том случае, если направлена на введение «евангельской правды», если государь исполняет обязанности, намеченные богом. Таким образом, даже и неверный язычник — «введший правду» Магмет — может рассчитывать на божью милость, и наоборот, даже верующий христианин царь Константин не может избежать божьего наказания. Следовательно, власть дается государю именно богом, а не вопреки божьей воле.

В исследованиях неоднократно делается ссылка на т.н. «религиозную терпимость» публициста⁶⁸. Такая точка зрения имеет свое рациональное ядро, так как у Пересветова неверующий турецкий султан выступает представителем прогрессивных идей. Но было бы совершенно ошибочно из

⁶⁶ Змин А. А. И.С. Пересветов и его современники // Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. 401–402.

⁶⁷ См. «Сказание о книгах» Пересветова.

⁶⁸ Например, в работе А. Клибанова (см.: *Клибанов А.И.* Указ. соч. 380–381).

этого факта сделать вывод, будто Пересветову свойственно «равнодушие» к религии. Совсем наоборот.

Упоминание турецкого примера в челобитных имело целью отнюдь не озлобить иступленно набожного царя Ивана. (Другое дело, что этого публицист и не мог бы добиться, ведь царь считал равным себе из всех государей только турецкого султана)⁶⁹. Неоднократно возвращаясь к мотиву падения греков и возвышения турок, Пересветов имеет перед собой одну основную цель: толкуя эти факты как притчу, заставить Ивана Грозного прийти к определенному историческому выводу: Российскому государству не миновать судьбы греков-«еретиков», если не «ввести правду», как это было сделано турками. Согласно рассуждениям публициста, султан Магмет, завоеватель Константинополя, явился именно исполнителем божьей кары, посредником между богом и грешными греками: «лише есми выдал вас на поучение правды моя неверным иноплемянником» (149). Однако это далеко не означает еще, что турецкий султан был только исполнителем божьей мести, не выбирающей средств своего осуществления: «правый суд во царство свое ввел, и ложь вывел, и богу воздал сердечную радость» (154).

Вместе с тем, Магмет в сочинениях Пересветова представлен только как переходное явление, как контраст по отношению к грекам, как своеобразная антитеза и как требующий преодоления пример для Ивана IV, который, будучи верным христианином, является синтезом: «А есть ли бы к той правде турской да вера христианская, ино бы с ними ангелы же беседовали» (161).

Четко осознает свое назначение и Магмет: «Есть ли бы мне того царства не выдал бог, и мне бы мочно ли о том умудрити, есть ли бы на то божия воля не была? Все то есми божиею волею делал» (148). Он попытался «веру христианскую прияти», и «до скончания веку своего бога в сердцах держал, и веры христианския из мысли не выпустил» (151).

⁶⁹ Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889. 149.

Из приведенного отрывка явно, насколько Пересветов старался сделать приемлемым для христиан султана, который на самом деле остается быть «неверным», «разбойничьим родом», «от низкого колена разбойнического рода» (174, 178).

Высказывания публициста о турках далеко не свидетельствуют о просвещенности его религиозных взглядов. В принципе допустимо представление, что «воинник», по всей вероятности, был равнодушен к вопросам религии. Пройдя службу у самых различных государей, начиная с Сигизмунда I в Польше, Запольи и Фердинанда в Венгрии до Ивана IV и, возможно, молдавского воеводы Петра, он, вероятно, был непоследователен в вопросах совести. Для кондотьера скорее всего характерно всегда и во всем приспосабливаться к прихотям государя, включая и установленные в данной стране религиозные порядки. На первый взгляд противоречивые воззрения Пересветова на турок объясняются прежде всего этим обстоятельством.

Желая угодить своему желаемому покровителю Ивану IV, публицист-«воинник» хотел вместе с тем обратить его внимание на неурядицы Российского государства. Так личные и политические интересы обусловили двойственность в оценке турок. Их роль по отношению к грекам безусловно положительна, во всех других отношениях отрицательна. Такое мнение является опять же осуждением греков, судьба которых таким образом — в результате беспощадности божьей кары еще более устрашительна⁷⁰. Иван IV же до конца остается превосходящим турок⁷¹: если судьба Кон-

⁷⁰ Интересные соображения по этому поводу находятся в работе М.А. Алпатова (см.: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. 90).

⁷¹ В подобном духе подходит к этому вопросу Л. Пушкарев (см.: *Пушкарев Л.Н.* Указ, соч. 61). Метко характеризует данную проблему А. Переверзев, мнение которого о Пересветове вообще отличается оригинальностью (см.: *Переверзев А.* Литература Древней Руси. М., 1971. 208).

стантинополя послужит для него уроком, «найдет на него великая мудрость и обличит бог пред ним все враги его, и да будут каятися о гресех все враги пред богом сердечными слезами, увидевше таковую мудрость царскую» (162).

Концепцию веротерпимости опровергают также следующие черты «мудрого» государя: «Бережи веры христианския и умножите, неверных в веру приводите...» и т.д. (173). Все это происходит, — как подсказывает «воинник» примером Казани, — следующим образом: «да велети жеши и людей сечи и плените, да бог помилует и помощь свою святую даст. И возмет их да и крестит, то и крепко» (182).

Недостаточно убедительными — не только из-за терминологической абсурдности — представляются и следующие рассуждения: «Безразличие И.С. Пересветова к тонкостям богословских споров между православными и католическими церковниками, видимо, имеет глубокие корни и связано с тем, что в понимании христианства он приближался к представителям реформационного движения середины XVI века из среды бюргерской оппозиции»⁷². Столь же необоснованны утверждения, будто Пересветов выступал против официальной церкви, монашества и приближался к «внутреннему христианству».

Произвольным, искусственным представляется также отождествление Макария с Анастасием, которое проводит А.А. Зимин на основе отрывка, в котором бог возводит святых к себе на небо, чтобы турки не надругались над ними (149). Согласно утверждению Зимина, при описании этого момента публицист якобы «приближался к воззрениям “еретиков”, осуждавших внешнюю обрядность»⁷³.

Мы не видим ничего удивительного в том, что Пересветов не разобрался в некоторых вопросах теологии. На основе этого факта нельзя делать поспешные выводы. Вполне понятно, что публицист-«воинник» не цитирует произведения

⁷² Зимин А.А. Указ. соч. 293.

⁷³ Зимин А.А. Указ. соч. 395.

отцов церкви, а если местами и цитирует Святое Писание, то делает это довольно неточно. Не удивительно также, что в его рассуждениях о спорах между католическими и православными церковниками отсутствует «научная» обоснованность изложения⁷⁴.

Необходимо учесть, что Пересветов был не церковным писателем, а воином, который, занимаясь писанием, оставался светским человеком. В связи с этим следует указать на необходимость разграничения понятий «светский» и «еретический» («гуманистический» и «реформационный»). Не без основания мы можем назвать Пересветова по сравнению с гуманистами малообразованным, не очень начитанным. Сравнительно широкий кругозор публициста был результатом его многолетних скитаний по странам Европы, а также знакомства с рядом общеизвестных сказаний и легенд⁷⁵. Не случайно, значит, что в своих сочинениях он вынужден ограничиваться своими возможностями.

Впрочем, Пересветов интересовался собственно церковными проблемами лишь постольку, поскольку это было полезно для изложения основных его идей. И тем не менее нельзя сказать, что он не соблюдает всех норм, необходимых для «легальности» в публицистике той эпохи.

Так, например, Пересветов придерживался именно таких «правил», используя термин «христианская вера» вместо «православия». Данное словоупотребление, не стирая грани между разными вероисповеданиями⁷⁶, является одно-

⁷⁴ Зимин А. А. Указ. соч. 393.

⁷⁵ Замысел сказаний о турках и греках он мог черпать здесь же, поскольку этим духом была пропитана вся атмосфера эпохи. См. об этом подробнее: Егоров Д. Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. М., 1907. Кн. VII; Ржигза В. Ф. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда // Известия отделения русского языка и словесности Акад. наук. 1911. Т. XVI. Кн. 3. 175, 181; Орлов А. С. Указ. соч. 310–311; Данти А. Указ. соч. 26.

⁷⁶ Исходя из этого предположения А. Зимин выдвигает новое доказательство еретичества Пересветова (см.: Зимин А. А. Указ. соч.

значным в контекстах, где греческий патриарх Анастасий молится богу, и перечисляет удары, нанесенные грекам из-за их «христианской веры». Истинная «христианская вера» Ивана Васильевича также имеет однозначный смысл. В таком понимании христианской веры православная вера «богу любя, всех вер лутчи» (177). Без теологических обоснований, но в полном соответствии с представлениями русских того времени публицист противопоставляет не только христианскую веру нехристианской, веру русских — ереси греков, но и православие — «латинской» вере⁷⁷.

Рассуждения о Христе, святой троице не выходили за рамки дозволенного официальной церковной идеологией. Его взгляды на «новых святых», которые отвергались, например, М. Греком, во всех своих деталях соответствовали тогдашней официальной церкви (161). Поэтому невозможно согласиться с мнением, будто Пересветов относился к церкви критически. Случай, описанный в «Сказании о книгах», тоже нельзя считать аргументом; ведь разоблачение Пересветовым «еретической» церкви греков и монахов не противоречило учению современной ему официальной церкви. Критика публициста вряд ли могла быть направлена на русскую церковь, ибо невозможно было тогда нападать на русских монахов, не касаясь волновавшего публицистику того времени вопроса о монастырских землях.

Из приведенных выше примеров ясно, что писатель, усвоивший православную церковную фразеологию, облакал свои светские взгляды в религиозные формы, естественные для человека Средневековья. Описание образа жизни Магмета следует рассматривать именно с этой точки зрения, а не

393), однако Н. Гудзий указывает на то, что в эту эпоху как общепринятыми терминами пользовались понятиями «христианская» или «крестьянская вера» (см.: *Гудзий Н.К.* Указ. соч. 218).

⁷⁷ Пересветов в своем «Сказании о Магмете салтане» останавливается на полемике латинских докторов и греческих философов, кончившейся победой последних (161).

как «проповедь против тунеядства»⁷⁸, «зарождение нового отношения к труду как совершенно необходимой потребности человека»⁷⁹. Поэтому по поводу публицист пишет: «и поту чела своего уживал, и ничего же ис казны своея царския во уста своя не положил: что сам зделает, да пошлет продати, да на то себе велит ясти купити. А рек тако: “Исполняю заповедь божию. Господь приказал отцу нашему Адаму первому поту чела своего уживати”» (151).

Многие исследователи указывают на близость Пересветова с Матвеем Башкиным. Протест Пересветова против порабощения якобы перекликается со взглядами Башкина-еретика⁸⁰. Такое утверждение тоже требует некоторого уточнения. Во-первых, до сих пор полностью еще не обоснована причастность Башкина к еретическому⁸¹, во-вторых, еще не доказано, что Пересветов был принципиальным противником холопства и кабального рабства.

Для доказательства такого положения исследователи прибегают к апокрифической легенде об Адаме, попавшем в рабство дьявола (181)⁸², а также к следующим словам султана Магмета: «во всем царстве дал волно служите у велмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служите им доброволно», «един бог над нами и мы рабы его» (157). При этом исследователи не учитывают, в каком именно контексте публицист влагает свои слова в уста турецкого султана.

⁷⁸ Клибанов А.И. Указ. соч. 207.

⁷⁹ Зимин А.А. Указ. соч. 403.

⁸⁰ См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. III. М., 1955. 314.

⁸¹ Гудзий Н.К. Указ. соч. 219.

⁸² Эта апокрифическая легенда не может служить достаточным аргументом именно потому, что она транспонирована в философскую плоскость, ведь если мы исходим из ее дословного прочтения, она направлена против любой формы угнетения. Но «просвещенность» такого широкого масштаба в последнее время никто не считает свойственной Пересветову.

В приведенном отрывке «Сказания о Магмете-салтане» взгляды Пересветова выражены чрезвычайно четко: «Мудр царь, что воином сердце веселит, воинниками он силен и славен» (156). Отличительной чертой всего творчества публициста является его пристрастие к «воинникам». Собственную личность, личные нужды Пересветов проецирует на общество. Вполне понятно, что все социальные проблемы рассматриваются Пересветовым под углом зрения «воинников», публицист и решение этих проблем ищется в соответствии с интересами этого слоя. Поэтому пересветовская «теория государственного строя» не имеет всеобъемлющего характера, он заинтересован в улучшении условий лишь «воинников», а другие прослойки общества упоминаются им только в соотношении с «воинниками».

Не подлежит сомнению, что его протест против полного и кабального холопства не направлен на отмену рабства. Все эти вопросы трактуются им на фоне возможных путей «увеселения» «воинников». В.Ф. Ржига, аргументируя свое положение вышеприведенным отрывком, высказывает мысль, что Пересветов был вольнодумцем, отвергающим любую эксплуатацию⁸³. Между тем у Пересветова о судьбе крестьянства даже не упоминается. Можно предположить, что и положение рабов вряд ли волновало бы Пересветова, если бы воинникам в тот период на Руси не грозила опасность обратиться в них.

Пересветов выступает в интересах воинников, страдающих от гнета вельмож, внушая царю мысль угодить воинникам и представить им элементарное право на свободу⁸⁴. Свою позицию Пересветов аргументирует так: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга...» (157).

⁸³ Ржига И.Ф. Указ. соч. 22–23.

⁸⁴ Это на самом деле реализовано в Судебнике 1550 года, как на это указывает А. Саккетти (см.: Саккетти А., Сальников Ю. Указ. соч. 119).

То есть всему государству грозит гибель, если не обеспечена личная свобода «воинников», составляющих подавляющее большинство армии. Пересветов рассматривает вопрос о равенстве вовсе не сходно с еретиками. Об этом свидетельствует то, что он не требует отмены порабощения полоняников: «А полоняником учинил урок, доколе кому робить, в семь лет выробится, и в силах девять лет» (157). Такая идея продиктована усложненным мышлением «воинника»: кто не в состоянии избежать плена, тот обязан служить более сильным и достойным.

Затронутый вопрос вводит в глубь другого круга спорных проблем в связи с оценкой Пересветова. Считая Пересветова еретиком (гуманистом, вольнодумцем и т.д.), истинным патриотом⁸⁵, объективным противником феодального строя⁸⁶, прогрессивным дворянином⁸⁷, теоретиком государства, сопоставимым с Макиавелли, «одним из наиболее крупных мыслителей Европы того времени»⁸⁸ мы, в сущности, пошли бы по ложному пути. Такие положения могут привести к соблазнительной, но обманчивой мысли о расцвете дворянской публицистики середины XVI в.⁸⁹, связанной в основном, с именем Пересветова, о литературном «вольнодумстве» эпохи⁹⁰, а значит, к ошибочным представлениям о русском обществе и культуре XVI в. Не располагая достаточным количеством источников, нельзя судить о взглядах определенного общественного слоя на основе творчества одного его представителя; ср. «Сочинения И. Пересветова типичное явление

⁸⁵ Это сформулировано Л. Пушкаревым так: «Творчество Пересветова дорого нам своими патриотическими идеями» (см.: *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. 76).

⁸⁶ *Лурье Я.С.* Указ. соч. 405–406.

⁸⁷ *Зимин А.А.* Указ. соч. 311.

⁸⁸ *Donnert, E.* *Rußland an der Schwelle der Neuzeit. Der Moskauer Staat im 16. Jahrhundert.* Berlin, 1971. 142.

⁸⁹ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. 37.

⁹⁰ *Лурье Я.С.* Указ. соч. 507.

дворянской публицистики XVI века»⁹¹. Напротив, следует воздерживаться от поспешных обобщений и опираться на имеющийся в нашем распоряжении, пусть даже и скудный, материал.

В данном случае необходимо учесть, что автобиографические места сочинений публициста представляют собой не просто иллюстративный материал. В этом отношении исходным пунктом для нашего рассмотрения может послужить «Малая челобитная» Пересветова, столь характерная для жанровых особенностей «челобитных»⁹². Как жанр, так и само содержание этого произведения убеждает в том, что Пересветов написал настоящую «челобитную»: «Государю благоверному великому царю и великому князю Ивану Василиевичю всея Руси бьет челом холоп твой государев Ивашко Семенов сын Пересветов, чтобы еси, государь, пожаловал меня, холопа своего, велел службишка моего посмотри» (163).

Далее идет краткая биография Пересветова с перечислением его жалоб: «И твое, государь, жалование, поместье, от великих людей от обид нарядили пусто, а яз тебя, государя, благовернаго царя, достигити не могу пожаловатися на них; да и собинку еси, государь, истерял, которую вывез с собою из королевств, в моих обидах и в волокитах вся пропала. Служьбы твои государевы всякия служу, с Москвы на службу, а с службы к Москве, а в поместий, государь, в твоём жаловании, не дадут ни часу пожити недруги: нас, государь, приездих людей, не любят. И ныне, государь, от обид и от волокит наг и бос и пеш. Служил еси, государь, трем королем, а такая обиды ни в котором королевстве не видал...». В заключении дается собственная челобитная: «Государь благоверный царь и великий князь Иван Василиевич

⁹¹ Лихачев Д.С. Указ. соч. 56.

⁹² С. Шмидт рассматривает челобитные XVI века на основе подобных сочинении Пересветова (см.: Шмидт С.О. Челобитный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. № 5. М., 1950).

всея Руси! Умилосердися, обыщи своим царским обыском и оборони от насилных людей, чтобы холоп твой государев до конца не загибл и службы твоея не отстал» (164–165).

Можно ли найти что-либо гуманистическое в его «вере в разум, в силу убеждения»⁹³, то есть в его надежде на помощь Ивана Грозного, и в его «горячей любви к науке и книге»⁹⁴, упомянутой им в подтверждение своих заслуг, а также в царской «мудрости» (Ср. «что государю щедрость к воинником, то его и мудрость» [175]).

Не очевидно ли, какова настоящая роль ряда тенденциозных сцен (в том числе, выдвижения полоняников в паши, а также ссылки на то, что и Александр Македонский, и Август стали мудрыми благодаря «воиннику во убогом образе») (158, 172)? Совсем ясно, для чего служат притчи о греках и турках, проходящие через все произведения публициста. Совсем не случайно, что Пересветовым описана беспощадная расправа Магмета «с велможами, богатеющими от слез и от крови христианскаго нечистым собранием». Не случайно также, что публицист прибегает к форме «лирического монолога», когда внушает царю поддерживать дело воинников: «имена возвышати, и сердца им веселити, и жалованья им из казны своя государевы прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к себе их близко припушати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любити, аки отцу детей своих, и быти до них щедрю...» (175).

На наш взгляд, здесь налицо проведенная Пересветовым явная параллель между его настоящим и воображаемым положением, данным в притчах о греках и турках. В аллегориях о греках публицист обличает те пороки государственного строя Руси, от которых и сам страдает, а, ссылаясь на турок, дает также советы, которые одновременно служат и для улучшения его собственных жизненных условий.

⁹³ Лихачев Д.С. Указ. соч. 42.

⁹⁴ Зимин А.А. Указ. соч. 316.

И в этом его — не опасаясь слова — гениальность: свои личные нужды он рассматривает в тесной связи с государственными, свои интересы он представляет как государственные и царские. Умело пользуясь возможностями «челобитной», он дополняет ее описаниями, выходящими за рамки личных интересов, в то же время демонстрирующими многогранность и необходимую для государства мудрость автора.

Его основная цель, а также тот факт, что в своих сочинениях Пересветов затрагивает проблемы лишь одного определенного общественного слоя, жанровые особенности его произведений (аллегории-притчи), их внешняя форма (аргументы, не выходящие за пределы традиционной идеологии), некоторые приемы (повторяющиеся мотивы, представляемые в виде концентрических кругов) — все это свидетельствует о том, что публицист не создал цельной теории государства в современном смысле слова, и имеет мало общего с современными ему гуманистами-политическими мыслителями⁹⁵.

Все это, само по себе конечно, не противоречит положению, выдвинутому специалистами, что публицист — идеолог дворянства. Однако это положение слишком абстрактно и весьма упрощает сущность вопроса.

В связи с самим термином «дворянство» возникает немало трудностей. Неясно, например, входят ли в «дворянство» все служилые люди или только его высший, привилеги-

⁹⁵ В связи с этим вопросом особый интерес представляют некоторые работы зарубежных исследователей. А. Данти категорически опровергает теорию родства Пересветова и мыслителей-гуманистов той эпохи (см.: *Danti A.* Указ. соч. 59), в то время как А. Подраза, на основе во многом сходной аргументации, признает эту же теорию (см.: *Podraza, A.* Iwan Pereswietow, rosyjski pisarz polityczny XVI w. // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1961. VI. 219). Н. Андреев в своей короткой рецензии называет научный подход Зимина «модернизаторским» (см.: *Andreyev, X.* I.S. Peresvetov i yego sovremenniki // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 37. 1959. No. 89. 532–533).

рованный слой. Если исходить из общепринятого во время Пересветова смысла этого слова⁹⁶, мы склонны считать дворянством его верхушку. Однако Пересветов относит к дворянству и служилых людей. В советской исторической науке под дворянством, получившим впоследствии более широкое понимание, подразумеваются также «служилые люди».

В связи с термином «служилые люди», приводимым исследователями реже, также возникают проблемы, ибо весь господствующий класс стал «служилым» после рассматриваемого нами периода. В 1556 г. была установлена система всеобщей военной службы поземельно. В таком случае термин «служилые люди» включает в себя и бояр. Однако никто не утверждает, что публицист представляет интересы бояр, пороки которых он обличает в своих произведениях.

В поисках подходящего термина приходится сталкиваться с рядом весьма сложных проблем. Все это объясняется всей особенностью развития русского общества в середине XVI в. Под неоднозначным термином «дворянство» исследователи, очевидно, понимают то, что соответствует польскому «шляхта». Однако такого общественного слоя на Руси в рассматриваемый период не существовало. Расслоение господствующего класса на Руси происходило не по западной «модели». (Кстати, не совпадало оно с этой моделью и в Венгрии.) В структуре русского господствующего класса уменьшение власти князей и бояр при выдвижении низших слоев было результатом тенденции уравнивания подчиненных царя. Упомянутое выше «Уложение 1556 г.» было призвано впервые узаконить этот процесс.

Единый, на первый взгляд, господствующий класс, на самом деле был чрезвычайно дифференцирован, поскольку принцип местничества расслаивал его на многочисленные

⁹⁶ См. об этом работу венгерского исследователя: *Varga, I. Katonai szolgálat és a XVI–XVII. századi orosz uralkodó osztály rétegződése a besorolási prikáz dokumentumainak tükrében. Szeged, 1966 (Acta Universitatis Szegediensis Acta Historica XXII). 48.*

иерархические соотносящиеся подгруппы⁹⁷ и переход из низшей в высшую зависел исключительно от воли царя. Однако продвижению вперед в рамках данной структуры царь полностью не препятствовал, — обеспечив принципиальную основу для личного продвижения тем более, что экономические и правовые разграничения между отдельными слоями были порой нечеткими, а ущемление почестей или возможностей участия в политической власти уравнивалось — в случае необходимости — вмешательством великого князя. Таким образом, для господствующего класса, раздробленного благодаря этой сложной системе местничества, сословное единение становится не только невозможным, но и не нужным⁹⁸.

Возникает вопрос: интересы какой именно подгруппы (разряда) представлял Пересветов? Во-первых, он провозглашал идею неограниченной царской власти (ср. «А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако царство без грозы» 153) и объективно стоял на стороне всех тех, кто поддерживал царскую власть. Это значит — и бояр. (Давно изжита концепция, будто бояры были естественными противниками централизованной власти⁹⁹). С другой стороны, в действительности взгляды Пересветова полностью отражают интересы «воинников».

Однако нельзя ставить знак равенства между «воинниками» и «служилыми людьми». И не только потому, что в «воиннике» мы склонны видеть его «прообраз», И.С. Пересветова, но и потому, что и сам публицист приводит два аргумента в подтверждение этого тезиса:

⁹⁷ См.: *Varga, I.* Указ. соч. и *Она же.* *A zemszkij szoborok és az orosz rendiség kérdése // Századok.* 104 (1970). 644.

⁹⁸ Этому вопросу посвящена обширная литература. Венгерские исследователи Й. Перени (см.: *Perényi, J., Dolmányos I.* *Szovjetunió története.* I. Budapest, 1964 [egyetemi jegyzet]) и Илона Варга не разделяют мнения о сословно-представительном развитии русского государства.

⁹⁹ См.: *Шмидт С.О.* *Россия времени Ивана Грозного // История СССР.* 1971/1. 182.

1. Пересветовский «воинник» показан в войсках, на постоянной военной службе: «А войско его царское с коня не сседает николи же и орудия из рук не испущают» (155).
2. Нигде в произведениях Пересветова не упоминается «поместье», не упоминаются и крестьяне, работающие там, несмотря на то, что вся система военной службы на Руси основывалась на землевладении. Тем чаще говорится о денежном жаловании и пище, выдаваемых «воинникам»¹⁰⁰.

Эти обстоятельства убеждают нас в том, что у Пересветова «воинники» не равняются рядовым служилым людям, поскольку для последних земля являлась жизненно важным вопросом: они воевали, в зависимости от размера своего землевладения, они воевали за землю; воюя, они не были профессионалами, поскольку занимались и экономической деятельностью¹⁰¹.

Итак, «воинника» Пересветов создает по своему образу и подобию. Оставаясь кондотьером и после своего приезда на Русь, в своих сочинениях Пересветов представляет интересы именно военного-профессионала¹⁰².

Разумеется, прежде всего он старался улучшить свои собственные жизненные условия, осознавая, что для этого необходимо завоевать царя. Было бы странно поэтому, если

¹⁰⁰ См.: «...з году на год оброчил их своим царским жалованием из казны своея» (155).

¹⁰¹ Разумеется, чисто логически можно представить себе и другое решение проблемы, которое было бы связано с тем, что русские служилые люди напоминают турецкий правящий класс, не имевший земельной собственности. Однако подобная точка зрения не подтверждается современными исследователями.

¹⁰² Между прочим, этот взгляд на Пересветова разделяет во многом А. Данти, и у А.С. Орлова можно видеть намек на подобный подход: «Сердце Пересветова лежит к наемным воинам» (см.: Орлов А.С. Указ. соч. 314.)

бы в своих челобитных к царю публицист высказывал взгляды, чуждые и противостоящие официальной идеологии¹⁰³. Около 1538 г., в то смутное время, когда Пересветов прибыл на Русь, он хотел проявить себя в качестве воина. Но предложенное им изготовление македонских щитов не могло сделать ему карьеру. 11 лет, прошедшие в тяжелых условиях, заставили его взяться за перо. Начитанный, образованный, опытный «воинник» занялся творчеством, чтобы привлечь к себе внимание.

В произведениях Пересветова на поверхности — государственные проблемы, однако его взгляды относятся прежде всего к нуждам и потребностям «воинников». Так разворачивается в сочинениях Пересветова концепция государства «воинников», которая по существу перекликается с идеологией Ивана Грозного, приведшей впоследствии к опричнине. Однако мы не утверждаем, что «его надо признать одним из главных вдохновителей политики Ивана IV»¹⁰⁴. Ведь во время возникновения произведений И.С. Пересветова Иван Грозный не располагал еще возможностью ввести абсолютную власть, да и Русь тех лет не имела для этого объективных условий¹⁰⁵.

Как же оценить деятельность исторической личности Пересветова и как охарактеризовать его произведения? В нашем распоряжении нет материалов относительно того, что публицист-«воинник» оказал какое-либо влияние на ход событий в Московской Руси или же сыграл какую-либо роль в политике страны. Однако до нас дошли его произведения, ставшие жемчужиной древнерусской публицистики. Не потому, что в них кроются зачатки нового мировоззрения. И не

¹⁰³ А. Саккетти пишет об этом очень остроумно (см.: *Саккетти А.* Указ. соч. 205).

¹⁰⁴ *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1922. 56.

¹⁰⁵ Ср. известное определение В.И. Лениным русского государства XVII в., в еще большей степени распространенное на XVI в. (см.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 17. 346).

потому, что взгляды автора противостоят официальной идеологии эпохи, не потому, что Пересветов представляет наиболее прогрессивный слой русского дворянства, будучи одним из крупнейших политических мыслителей современной ему Европы. Итоги нашей работы не позволяют сказать этого.

Думается, не будет преуменьшением заслуг Пересветова перед историей рассматривать его произведения как литературный опыт гениального авантюриста эпохи Возрождения, в которых сделана попытка объединить русскую литературную традицию, материал зарубежных впечатлений, личные чаяния и потребности государства. Все это делалось с такой самоуверенностью и блестящей оригинальностью, что в результате родился неповторимый шедевр публицистической литературы, где историческая действительность отражается в резко субъективном преломлении. Поэтому на его произведения как на исторические источники можно опираться только с учетом всего сказанного.

Если при оценке деятельности Пересветова сделать такую оговорку, то, на наш взгляд, можно устранить ряд ошибок, выяснив недоразумения, возникшие в исторической науке по этому поводу и, таким образом, получить более достоверное представление о развитии на Руси общественно-политической мысли в XVI в. Как мы пытались показать на конкретном примере, концепция причастности Пересветова к «гуманистическому», явившаяся результатом терминологической неясности, может быть «подтверждена» только подобной же неясной терминологией.

Мы считаем, что наши представления о дворянской публицистике рассматриваемого периода и тем самым о дворянстве, а также о деятельности публициста будут, несомненно, реальнее, если мы учтем данную в настоящей работе оценку Пересветова. Для этого необходимо преодолеть концепцию, рассматривающую публициста как типичного дворянина, взгляды которого позволяют сделать вывод, буд-

то террор Ивана Грозного «по крайней мере до известной степени, в духе своего времени... соответствовал взглядам, нравам, и требованиям некоторой и притом, по своему, влиятельной части тогдашнего населения Московского государства»¹⁰⁶.

В Советском Союзе, начиная с середины 50-х годов, сделано много попыток преодолеть тенденциозно идеализированную оценку Ивана IV, данную в работах с догматичной исторической концепцией. Благодаря новым исследованиям, в науке начинает укрепляться концепция деспотической власти Ивана Грозного¹⁰⁷. В новейших работах ставится вопрос и об альтернативах, стоявших перед русским обществом в XVI в.¹⁰⁸. Есть все основания говорить, что деспотизм был не только не прогрессивным, но и не закономерным явлением в русской истории. Нельзя видеть в Пересветове, восхвалявшем царской деспотизм, наиболее прогрессивного представителя русского дворянства — мы должны указать скорее на то, что в рассматриваемый период существовала и другая, противоположная линия русской общественной мысли¹⁰⁹.

(1978)

¹⁰⁶ Плеханов Г.В. Указ. соч. 155–156.

¹⁰⁷ Научная дискуссия, организованная в 1956 г. Институтом истории АН СССР, имеет историографическое значение и с этой точки зрения (Об этой дискуссии см. отчет: Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956/9). Из серии работ, вышедших после этой дискуссии, достаточно назвать книгу А. Зимина (см.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964), работы С. Веселовского (см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963) и Р. Скрынникова (см.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975).

¹⁰⁸ См. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, 9–12, а также рецензию С.О. Шмидта на эту книгу (см.: Шмидт С.О. Ук. соч.).

¹⁰⁹ М. И. Тихомиров, Страница из жизни И. Пересветова: Российское государство XV–XVII вв. Москва 1973, 73.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА¹

I

«Процесс утверждения марксистско-ленинской методологии в советской исторической науке был сложным и длительным»², пришел к выводу Л.В. Черепин в разделе об истории советской исторической науки до середины 1920-х гг. книги «Очерки истории исторической науки в СССР». Ниже он заметил: в данный период «оставшиеся на родине и эмигрировавшие реакционные буржуазные ученые наводнили книжный рынок потоком литературы по философии, методологии истории, социологии, пронизанной идеями теософии и мистицизма»³. Эта идеологическая среда, таким образом, выработала и появившиеся в начале 20-х годов произведения об Иване IV, которые должны были выполнять определенные, в том числе и политические, функции.

Это утверждение относится прежде всего к книге Р.Ю. Виппера «Иван Грозный». Характеризуя Р. Виппера и одного из его коллег, В.И. Ленин писал в связи с другой его работой, что их произведения «разоблачают их как идейных рабов

¹ Основой статьи о советской историографии реформ середины XVI и oprичнины служила моя, защищенная в 1984 г. кандидатская диссертация: *Свак, Дюла*. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. ЛГУ, 1984 (Научный руководитель — проф. Р.Г. Скрынников, оппоненты: проф. Ю.Г. Алексеев, к.и.н. Н.А. Дворецкая).

² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 139.

³ Там же. С. 139–140.

буржуазии», как «дипломированных лакеев поповщины»⁴. В рассматриваемый период Р. Виппер обосновал тезис о кризисе исторической науки, а в действительности о кризисе общества, и оказывал влияние на слушателей апокалиптическим видением всемирного опустошения. На свою политическую направленность он бросил свет следующими недвусмысленными словами лекции «Кризис исторической науки», прочитанной 16-го ноября 1920 г. в Москве и напечатанной в следующем году в Казани: «По какой-то иронии судьбы, ослепленные провозвестники борьбы классов объявляют себя пламенными пацифистами, сторонниками всеобщего мира и притом мира немедленного, на самом деле междоусобная война, которую они ведут во имя установления мира — самая зверская и беспощадная из всех войн»⁵.

Обратившись (в свете прежней научной деятельности — неожиданно) к образу Ивана IV, Р. Виппер применил свои «теоретические», «историко-философские» и актуально-политические взгляды к конкретному историческому материалу⁶. Как утверждает С.М. Дубровский, пример царя Ивана IV был нужен ему потому, что в своей книге он, «исходя из своих политических воззрений, хотел в противовес бездарному Николаю II показать «настоящего царя», который даже после катастрофического поражения в Ливонской войне «сумел спасти и царство и династию»⁷. С.М. Дубровский замечает также, что это стремление Р. Виппера «вызвало возмущение революционного и вообще прогрессивного студенчества»⁸. Сходную позицию по этому вопросу заняла и тогдашняя критика в лице Ю.В. Готье, который заключил,

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 27.

⁵ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 32–33.

⁶ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.

⁷ Дубровский С.М. Еще раз о великом государе // Новые труды об опричнине // Знамя. 1965. №. 1. С. 212.

⁸ Там же.

что в книге Виппера «идеализация Грозного и России его времени заметна с первой страницы... до последней»⁹. Одной из причин этого, по мнению Ю.В. Готье, могло быть то, что «автору, изучая происхождение великодержавной России, жаль ее падения...»¹⁰.

К этим утверждениям, касающимся, прежде всего, политических мотивировок, можно добавить лишь то, что конструкция Р.Ю. Виппера об Иване IV была вредной и с узкой научной точки зрения, ибо наблюдающееся в его книге чрезмерное выделение личности и преобразующей историко-ролевой роли царя отбросило изучение вопроса на уровень дворянской историографии. В этой книге мы не находим следов социально-экономической проблематики. Эпоха Ивана IV интересует автора лишь в связи с личностью великого царя и великой — Ливонской — войной. Он не только не исследовал реформы середины века, но даже не считал нужным просто перечислить их. Таким образом, нельзя считать случайным, что даже С.Ф. Платонов, который в итоговой оценке вывел позитивный баланс деятельности Ивана IV, подверг критике книгу Виппера в первую очередь за идеализацию царя Ивана¹¹.

Сам С.Ф. Платонов также заявил о себе в рассматриваемый период небольшой популярной книгой об Иване IV¹². В сравнении с его имевшей большое значение монографией, содержащей и обстоятельный анализ опричнины¹³, эта работа Платонова не внесла нового в историографию вопроса. В течение пяти лет, прошедших после победы Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазная наука

⁹ Готье Ю.В. Рецензия на книгу Р.Ю. Виппера Иван Грозный // Русский исторический журнал. Кн. 8. П. 1922. С. 297.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ср.: Платонов С.Ф. Иван Грозный в русской историографии // Русское прошлое. 1923. № 1. С. 12.

¹² Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пб., 1923.

¹³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899.

сохраняла значительные позиции в историографии. Однако все решительнее требовало себе место в исторической науке марксистское направление. Из профессиональных историков важно отметить деятельность М.Н. Покровского, который, правда, специально не занимался эпохой Ивана IV, но в своих многочисленных работах уделил внимание реформам середины XVI века. Согласно его концепции, XVI век — век прихода к власти торгового капитала, что повлекло за собой в общественной жизни переход власти в руки союзного с торговой буржуазией дворянства и оттеснения бояр на задний план. В этом процессе историк отводит исключительное место опричнине, поэтому в своей работе «Русская история в самом сжатом очерке» он пишет: «В 1564 г. помещики вместе с богатым купечеством и произвели государственный переворот»¹⁴. И так, в его концепции здесь еще нет места для серии реформ, предваривших введение опричнины, и эти реформы остались неразработанными и в обобщающей работе «Очерк истории русской культуры». Однако в последней, говоря о военно-финансовой организации России, Покровский затрагивает уже и вопрос реформ середины XVI века. Приводя их в связь с нуждами завоевательной внешней политики, проведения которой требовали новый, возвышающийся «класс», дворянство и торговая буржуазия, он косвенно высказывает мнение о дворянском и торгово-буржуазном характере реформ¹⁵.

В книге «Русская история с древнейших времен», имевшей в свое время огромное значение благодаря роли, сыгранной ею в распространении марксистского понимания истории, М.Н. Покровский подробно остановился на интересующем нас вопросе. В его концепции русской истории XVI века определяющее значение получает «аграрный переворот» первой половины столетия, борьба, начавшаяся между круп-

¹⁴ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 6-е стереотипное издание. М. – Л. (без года выпуска). С. 44.

¹⁵ Ср.: Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. 1. Изд. 4-е. М. – Л., 1925. С. 136–138.

ными и средними землевладельцами, в которой «экономически все выгоды были на стороне последних»¹⁶. В период кризиса крупных вотчин, продолжает М.Н. Покровский, бояре попытались стабилизировать свое пошатнувшееся положение. Этой цели должна была служить система кормлений, и следствием этого был период боярской анархии в 30–40-х годах. Позже беспримерные злоупотребления бояр-кормленщиков привели к вспыхнувшему в 1547 г. московскому восстанию¹⁷. Поскольку же интересы кормленщиков находились в противоречии с интересами «*всего населения*»¹⁸, правительство должно было навести порядок. Ибо «...обществу, и как раз командующим слоям его, тем более нужно было порядка и обеспеченности, чем оно экономически было развитее...»¹⁹. Следовательно, «изображать (реформы. — Д. С.) как продукт государственной мудрости самого царя и тесного кружка его советников невозможно». Ведь все население участвовало в их проведении, «притом в качестве инициатора», — пишет М.Н. Покровский²⁰. Перейдя к доказательству (в первую очередь с помощью анализа сочинений Пересветова и проектов реформ, содержащихся в так называемых «Царских вопросах»), он приходит к следующему выводу: «Как служила программа нашла себе жизненное выражение в губных головах и губном сыске, так из посадской вышла “земская реформа” Ивана IV»²¹. Из этого, следовательно, в итоге можно сделать вывод, что классовый характер реформ был отчасти «буржуазным», отчасти «помещичьим».

Уже эта двойственность должна была означать определенный «компромисс» между двумя упомянутыми «классами», ведь интересы аграрного и менового капитала, согласно

¹⁶ Покровский М.Н.: Избранные произведения. Кн. I. М., 1966. С. 272–273.

¹⁷ Там же. С. 273–274.

¹⁸ Там же. С. 275.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 288.

концепции Покровского, противоречили друг другу, но в конце концов, по мнению Покровского, основным содержанием компромисса, сохранившего силу примерно до 1560 года, стало согласование интересов «феодалной знати, буржуазии и мелких помещиков»²². «Мелкий вассалитет» был удовлетворен губными учреждениями и отменой кормлений, а также земельными пожалованиями «избранной тысячи» под Москвой, а жители посада — «земской реформой» и переходом в их руки сбора косвенных налогов²³. Несмотря на это, быстро выясняется, по мнению Покровского, что реформ больше всех получило боярство: «Боярство Грозного сделало много уступок и капитальных: упразднение кормлений и введение в состав “избранной рады” торгового священника Сильвестра и “батожника” Алексея Адашева были главными из них... Боярство обнаружило большой политический такт: отказавшись от многих материально выгодных привилегий, оно удержало этой ценой в своих руках источник их всех — государственную власть»²⁴. И наконец, крушение компромисса было вызвано именно тем, что из «договаривающихся сторон» лишь боярство получило прочную выгоду от сделки²⁵.

Таким образом, М.Н. Покровский сначала объяснял серию реформ 50-х гг. XVI столетия народным недовольством по отношению к боярской власти, проявившимся в 30-е и 40-е годы, и подчеркивал «общенародный характер (исключая бояр) этих реформ. Однако позже он был склонен скорее выделять их «компромиссный» характер, откуда лишь один шаг (который он и сделал) отделял его от подчеркивания такого существа реформы, которое объективно выражало интересы бояр. В этой конструкции нетрудно заметить внутреннее противоречие, вытекающее из механического применения общей схемы. Приспособив к русским условиям так

²² Там же. С. 291.

²³ Там же. С. 291–292.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ Там же. С. 295–296.

называемую «теорию равновесия», выработанную для западноевропейских вариантов абсолютизма, Покровский показывает предысторию опричного перелома в качестве такого патового положения, при котором уже существует определенное равновесие между старым и возвышающимся новым «классом», но которое боярская государственная власть, принимая во внимание важнейшие интересы своего «класса» и думая о его защите, сумела путем компромиссной политики использовать для продления жизни старого строя.

Несмотря на в известной мере вульгарный социологизм концепции М.Н. Покровского, его работы многое внесли в историографию интересующего нас вопроса, прежде всего, тот подход к проблеме, при котором реформы изображаются в качестве равнодействующей борьбы различных социальных слоев, а в их осуществлении подчеркивается согласование разнообразных интересов, «компромиссный» характер.

Во многом похожа на взгляды М.Н. Покровского концепция другого известного историка, Н. Рожкова, который выступил в 1922 г. с крупной обобщающей работой. Однако это сходство едва ли можно объяснить непосредственным влиянием М.Н. Покровского. Н. Рожков еще задолго до победы Октябрьской революции опубликовал серьезные труды, в которых уже наметились контуры материалистического понимания истории — а точнее, экономического материализма, что в конечном итоге сближает его концепцию с концепцией М.Н. Покровского. Так, например, Н. Рожков также исходит из «экономического кризиса» XVI века, из перехода от натурального хозяйства к товарному производству, в результате которого «все общественные силы пришли в брожение, старые силы стали рушиться и разлагаться, новые едва начали еще строиться, организовываться»²⁶. Н. Рожков, следовательно, подобно М.Н. Покровско-

²⁶ *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении // Основы социальной динамики. Т. IV. Ч. I. Пг., 1922. С. 67–68.

му, предполагал наличие переходного состояния, начало которого можно приурочить к тому времени, когда Грозный, опираясь на восставшие против боярского правления слои населения, овладел реальной властью и с помощью компромиссной политики попытался лавировать между боярством и дворянством²⁷. И хотя Н. Рожков отметил, что земское самоуправление, финансовые приказы, земские соборы «и другие перемены в центральном управлении, тоже связанные с 50-ми годами XVI в.», были важны для служилого сословия²⁸, в итоге он (хотя в его аргументации и не делается акцент на «третьем сословии») пришел к выводу, похожему на вывод М.Н. Покровского: «Итак, ясно, что компромисс между боярством и дворянством построен был на уступках дворянам главным образом в деле организации и поддержки материальными средствами дворянского сословия и в сфере местного управления, а боярство сохранило львиную долю власти в центре и обеспечило полноту своего влияния на верховную власть и высшее управление, попыталось даже фактически захватить всю полноту этой власти»²⁹. Таким образом, компромисс принес выгоду боярству, следует из утверждения Н. Рожкова, поэтому было закономерным последовательное применение традиционной правительственной политики, направленной на ограничение власти бояр, иначе говоря — введение опричнины.

Следовательно, несмотря на то, что Н. Рожков построил свою концепцию не на тезисе об укреплении позиции торгового капитала, социально-политическую историю середины XVI столетия и он охарактеризовал понятием «компромисса», более того, подобно М.Н. Покровскому, он считал, что основную выгоду от этого компромисса получили бояре. В дальнейшем эта точка зрения все шире распространялась в советской историографии, однако сразу прозвучало и иное мнение.

²⁷ Там же. С. 79.

²⁸ Там же. С. 118, 126, 127, 129–130.

²⁹ Там же. С. 131–132.

Это мнение было высказано А. Пресняковым в его рецензии на книгу С.Ф. Платонова «Иван Грозный». В рамках рецензии А. Пресняков не смог дать всестороннее обоснование своих взглядов, поэтому его отдельные утверждения могут рассматриваться лишь как предложения, тем не менее, нужно признать, что они выражали однозначную позицию. Суть этой позиции заключается в том, что историк противопоставил Избранной Раде, выразившей «чисто княжескую, классовую тенденцию»³⁰, реформы середины века, заявив, что выступление Ивана IV в 1549 г. и его последствия, а главным образом мероприятия, проведенные после 1553 г., были «отнюдь не в духе классово-княжеской тенденции». И хотя в своей итоговой оценке историк уже более осмотрителен и не случайно выражает свое мнение в вопросительной форме, нет сомнений в том, что он дает положительный ответ на свой вопрос: «Не естественнее ли отнести многое в этих реформах за счет не “избранной рады”, а ее противников...»³¹. Тем самым А. Пресняков заложил основу исторического направления, подчеркивающего служилый — а не компромиссный — характер реформ середины XVI века.

Монографическое исследование реформ середины XVI в. на основании нового подхода, однако, еще заставляло себя ждать. И поскольку работы М.Н. Покровского пока заменяли или квалифицировали как ненужные специальные труды, упомянутые положения этих работ в конце 20-х — первой половине 30-х годов широко распространившись, сделались почти аксиомами³².

³⁰ Пресняков А. Рец. на кн. С.Ф. Платонова «Иван Грозный» // Века. Исторический журнал. Пг., 1924. С. 181.

³¹ Там же.

³² Это объясняется тем, что на исследования истории России эпохи феодализма долгое время накладывали отпечаток буржуазные исторические концепции, а также тем, что рождавшаяся марксистская историография в первое время по существу больше занималась историческими проблемами более поздних эпох (об этом

Пересмотр исторических воззрений М.Н. Покровского произошел лишь во второй половине 1930-х годов³³, после известных постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории, которые открыли новый этап и в изучении рассматриваемой эпохи. Но пока, на его первом этапе, о рождении нового понимания истории свидетельствовали все же не монографии, обобщающие конкретные исследования, а новый учебник «История СССР». Это одновременно означает, что по нашей непосредственной теме обработка научными методами истории реформ середины XVI в. по-прежнему задерживалась. Правда, несколько новых моментов содержала и соответствующая часть упомянутого учебника, написанная С.В. Бахрушиным. Прежде всего, нужно отметить толкование автором «социальной опасности» после событий 1547 г. в качестве силы, принуждавшей феодальный господствующий класс к соглашению. И хотя С.В. Бахрушин подчеркивал, что «реформы эти были произведены в интересах дворянства», он в то же время недвусмысленно указал на то, что бояре определенным образом ограничили дворян, то есть также подчеркивал компромиссный характер реформ³⁴. При этом очень важным было и дифференцированное изображение роли боярства, что дало возможность историку показать бояр как до определенного предела (в разгар социальной опасности) заинтересованных в усилении царской власти.

В 1962 г. С.О. Шмидт в работе «Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе» с основанием указал в связи с одной из историографических статей С.В.

подробнее см.: *Зимин А.А., Преображенский А.А.* Изучение истории феодализма в России // В сб.: *Очерки истории исторической науки в СССР*. Т. IV. М., 1966. С. 307–308).

³³ Ср.: Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб. статей. Ч. I – II. М. – Л., 1939–1940.

³⁴ История СССР. Т. I. М., 1939. С. 356, 357, 377.

Бахрушина, написанной в 1947 г.³⁵, на то, что автор «не мог назвать ни одной напечатанной монографии, посвященной истории России XVI века»³⁶. Таким образом, научное исследование вопроса не продвинулось даже несмотря на появление учебника «История СССР» и вновь проявившееся внимание к истории. Это обстоятельство, по всей видимости, объясняется тем, что Великая Отечественная война, борьба против фашизма возложили на историков другие задачи. Поэтому, хотя резко увеличилось число посвященных эпохе Ивана IV работ, по существу, количественный рост не перешел в качественный. Более того, поскольку по подходу к проблеме популярные сочинения были скорее близки к литературным, художественным произведениям, также сильно расплодившимся в рассматриваемый период³⁷, можно сказать, в изучении русской истории XVI в. наступило время, когда вместо широких социально-экономических процессов в центре внимания историков оказалась личность одного царя. Причины этого поворота в историческом подходе были исчерпывающе исследованы советскими историками после 1956 г.³⁸, поэтому в рамках этой работы было бы излишним

³⁵ Ср.: *Бахрушин С.В.* Иван Грозный в свете новейших исследований // Научные труды / Т. II. М., 1954.

³⁶ *Шмидт С.О.* Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 91.

³⁷ Среди драм, направленных на идеализацию Ивана IV, прежде всего нужно отметить произведения А. Толстого, И. Сельвинского, В. Соловьева. Среди прозаических произведений наиболее известной была трилогия Костылева (современную критику о ней и полемику см.: История и историки. М., 1973. Подробнее см.: *Петров С.* Советский исторический роман. М., 1958. С. 323; *Его же.* Исторический роман в русской литературе. М., 1961. С. 193–195).

³⁸ Ср. между прочим: *Шмидт С.О.* Вопросы истории России XVI в. ... С. 93; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 46; *Дубровский С.М.* Еще раз о «великом государе»... С. 212–213.

повторение этих вполне удовлетворительных объяснений. Вместо этого вспомним коротко, о каких работах идет речь.

В изучаемый период дважды была издана (и даже переведена на венгерский язык) книга Р.Ю. Виппера «Иван Грозный»³⁹, которая во время первого выхода в свет получила скорее отрицательную, чем положительную оценку. При новых изданиях ситуация изменилась, хотя сама книга по концепции не потерпела изменений. Конечно, были внесены изменения в текст и, особенно, во фразеологию. Так, например, глава «Колебания судьбы» в новом издании появилась уже в двух частях: «Успехи и неудачи военной монархии» и «Борьба с изменой». В новой версии книги имелось и множество вставок. Например, о выдающейся роли личностей, руководящих войной и политикой, в борьбе против немцев⁴⁰, о классовом характере политики Ивана IV⁴¹, кроме того, автор считал необходимым наряду с пассивными свойствами русского народа, пространно описанными в первом издании, упомянуть и о его активном качестве, «способности к революции»⁴². Этот перечень можно было бы продолжить. В новом издании книги были сделаны и пропуски по сравнению с ее первоначальным вариантом. Прежде всего, были выпущены историко-философские рассуждения, выражавшие идеалистическое мировоззрение автора⁴³, а также те места книги, которые первоначально придавали оценке Виппером личности и деятельности Ивана IV меньшую однозначность⁴⁴. Однако важнее то, что целые страницы и главы остались без изменений, и прежде всего в неприкосновенности осталась суть концепции: в центре внимания по-прежнему

³⁹ *Vipper R.Yu.* Иван Грозный. Изд. 2-е. Ташкент, 1942.

⁴⁰ *Vipper R.Yu.* Иван Грозный. М. – Л., 1944. С. 46.

⁴¹ Там же. С. 65.

⁴² Там же. С. 142–143.

⁴³ Ср. Там же. С. 149 и 1-е изд. С. 109.

⁴⁴ Ср. между прочим: *Vipper R.Yu.* Иван Грозный. М. – Л., 1944. С. 80, 133, 141.

находилась идеализированная личность⁴⁵. В этот период Р.Ю. Виппер популяризировал эту концепцию и в статьях⁴⁶.

В 40-х гг. об Иване IV появилось еще несколько популярных работ, авторами которых были И.И. Смирнов и С.В. Бахрушин⁴⁷. Эти историки были прекрасными знатоками русской истории XVI в., поэтому их произведения были конкретнее книги Р.Ю. Виппера. И.И. Смирнов, например, относительно подробно остановился в своей брошюре на реформах 1550-х годов и, практически сводя к нулю роль Избранной рады, высказался за дворянский характер этих реформ. Однако основное содержание брошюры роднит ее с книгой Р.Ю. Виппера. Не случайно, И.И. Смирнов характеризует основную заслугу современной ему исторической науки в изучении данной проблематики следующими словами: «В наши дни в работах советских историков образ Ивана Грозного наполняется новым, научным содержанием, сохраняя в себе то основное и положительное, что оценил в деятельности Грозного царя народ»⁴⁸. С такой оценкой Ивана IV полностью согласился и С.В. Бахрушин, и хотя он обратил внимание на опасность идеализации⁴⁹ (на словах это сделали и другие)⁵⁰, его окончательная оценка звучит так:

⁴⁵ И.У. Будовниц еще назвал позитивным изменением включение цитат из произведений К. Маркса и И.В. Сталина (Иван Грозный о русской исторической литературе // В кн.: Исторические записки. Т. 21. 1947. С. 322).

⁴⁶ Ср.: Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1945 (брошюра объемом в 32 страницы), Иван Грозный. К вопросу о характеристике личности Ивана как государственного деятеля и дипломата // Преподавание истории в школе. 1946. № 1.

⁴⁷ Бахрушин С.В. Иван Грозный. 1-е изд. М., 1942; 2-е изд. М., 1945; 3-е изд. // В кн.: Научные труды. Т. II. М., 1954; *Его же*. Самодержавие Ивана IV. М., 1946; Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944.

⁴⁸ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 7, 31 и 87.

⁴⁹ Бахрушин С.В.: Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 319.

⁵⁰ Ср. в том числе: Базилевич И.В. Рец. на кн. Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» // Пропагандист. 1945. № 17. С. 64; Полосин И.И.

«В лице Ивана Грозного мы имеем не “ангела добродетели” и не загадочного злодея мелодрамы, а крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа и боровшегося за их удовлетворение»⁵¹. В целом же, как подчеркивает редактор издания научных трудов С.В. Бахрушина, осуществленного уже после смерти ученого: «В ряде формулировок... личность Грозного выдвигается на первый план, создается ложное впечатление о нем, недостаточно подчеркивается классовый характер политики правительства Ивана IV»⁵².

Но мы были бы несправедливы к С.В. Бахрушину, если бы выделили только эту сторону его концепции. Ведь именно он попытался подкрепить общие оценки исследованиями. Следы этого можно обнаружить уже в популярном сочинении «Иван Грозный». В нем Бахрушин, хотя и подчеркивает, что после «большого пожара» 1547 г. царь взял в свои руки руководство государством⁵³, но несколько строк спустя уже пишет о том, что в период реформ страной управляла «Избранная рада» (которую он по существу отождествляет с «Ближней думой»)⁵⁴. Эти реформы по своей сущности выражали интересы дворян, ведь дворянство было их инициатором⁵⁵, но правление Избранной рады символизировало широкий союз правящего класса, поскольку «для проведения в жизнь широкой программы нововведений необходимо было достигнуть объединения всего класса феодалов и внутреннего его сплочения ввиду опасности, грозившей ему снизу»⁵⁶. Однако «реформы, проведенные Избранной радой,

Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 20.

⁵¹ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 319.

⁵² Там же. С. 256.

⁵³ Там же. С. 268.

⁵⁴ Там же. С. 269.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

вполне соответствовали требованиям, высказанным дворянством устами Пересветова»⁵⁷. Таким образом, Бахрушин подчеркивает дворянский характер реформ, когда заявляет: «В общем итоге все основные требования дворянства были приняты во внимание». Однако на практике, продолжает Бахрушин, «это было все-таки не то, чего хотело и добивалось дворянство... дворяне получили лишь крохи, падавшие с их (то есть бояр. — Д. С.) стола. Избранная рада остановилась на полпути, не доведя дворянской программы до логического конца»⁵⁸. В конце концов и падение ее произошло потому, что она стояла на пути абсолютной царской власти, призванной решительно реализовать интересы дворянства и — новый момент в рассуждениях Бахрушина — городского населения и, таким образом, выражавшей интересы широких слоев феодального общества⁵⁹.

Создается впечатление, что С.В. Бахрушину не удалось определить роль царя в упомянутый период, и, если не учитывать связанную с этим неуверенность, то заметно, что его позиция покоится на фундаменте мнения Покровского, конечно, за исключением отброшенного тезиса о роли торгового капитала и торговой буржуазии. Но эта позиция свободна от крайнего социологизма Покровского, поэтому Бахрушин на практике придает большее значение частичному осуществлению интересов дворян, что в конечном итоге приводит к перемещению центра тяжести оценки на сторону дворян.

Уже Покровский, да и вся советская историческая наука до того времени, подчеркивая «компромиссный», «застрявший на полпути», «объективно укрепляющий позиции бояр» характер реформ середины XVI в., делали это, чтобы подчеркнуть по-настоящему радикальный характер опричных «реформ», выражавших широкие интересы дворян, и выделить значение последних по сравнению с реформами сере-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 271.

⁵⁹ Там же. С. 292–293.

дины века. Именно С.В. Бахрушин в другой своей работе, хотя и в осторожной форме, но постарался исправить эту точку зрения: «Однако предшествующий опричнине период реформ 1550-х годов является, на мой взгляд, не менее, а может быть и более значительным моментом в истории формирования централизованного государства... реформы 1550-х годов не только оформили складывавшиеся в течение целого века политические и социальные порядки, но и дали определенное направление дальнейшему развитию русской государственности. На базе реформ 1550-х годов строилось Русское государство XVII в. и подготавливался переход к абсолютизму при Петре I»⁶⁰. Этим определением С.В. Бахрушин расположил реформы середины XVI в. в широкой исторической перспективе и в целом правильно указал на их суть.

Что пишет Бахрушин о собственном предмете его исследования, Избранной раде? Отправную точку историк и в этом случае выбрал правильно, ведь, несмотря на внимательный анализ состава Избранной рады (в ходе которого, между прочим, он приходит к выводу, что Рада равна «Ближней думе»)⁶¹, Бахрушин делает выводы, касающиеся реформ, не просто на основании анализа социального состава этого учреждения. В то же время он запутывается в логическом противоречии, настаивая, с одной стороны, на дворянском характере реформ (с небольшими уступками в пользу бояр)⁶² и доказывая, с другой стороны, что аппарат управления состоял в основном из бояр. Объяснением этого противоречия снова становится общее место о народной угрозе, ведущей к объединению правящих кругов, только это само по себе не дает достаточного объяснения, почему это боярское правительство, при практически одинаковом характере, стремится к укреплению центральной власти, а пре-

⁶⁰ Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // В кн.: Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 330-331.

⁶¹ Там же. С. 338.

⁶² Там же. С. 351.

дыдущее (в 1530-х и 1540-х гг.) стремилось к ее дроблению? Поэтому Бахрушин добавляет, что «в 1550-х годах государственная власть настолько укрепилась, что повторение подобных эксцессов было уже невозможно»⁶³. Но вопрос остается прежним: почему *те же* социальные силы вдруг сочли необходимым укрепить государственную власть? В невысказанной форме в этой интерпретации сама эта власть превращается в безличную силу, которая добивается того, что находящееся во всех отношениях в привилегированном положении боярство добровольно отказывается от многих привилегий в пользу массовой базы государственной власти, дворянства, еще неорганизованного и не располагающего самостоятельным политическим профилем.

Но настоящее значение рассматриваемой статьи, автор которой «примирил» некоторые противоречивые выводы, состоит в том, что она открыла полосу конкретной разработки вопроса о реформах 1550-х годов. В указанный период появилось много специальных исследований, авторы которых ставили перед собой задачу подробно проанализировать эти реформы, каждую в отдельности.

* * *

Нам хотелось бы начать разбор специальных исследований со статьи С.Б. Веселовского «Первый опыт преобразований центральной власти при Иване Грозном», занимающей в определенном смысле особое место. Автор статьи уделил особое внимание реформе 1550 г., связанной с «избранной тысячей». Правда, концептуально Веселовский не сформулировал свою точку зрения, но когда он пишет, что «реформа 1550 г. в очень значительной степени усиливала господствующую власть», и что «с этой точки зрения реформу 1550 г. следует рассматривать как одно из звеньев ряда реформ 50-х⁶⁴ годов»⁶⁵, он тем самым держится на от-

⁶³ Там же. С. 350.

⁶⁴ В публикации этой статьи С.Б. Веселовского, осуществ-

далении как от линии Бахрушина, так и от линии Смирнова, ведь вместо «компромисса» он подчеркивает радикализм, не связывая его, однако, ни с одним социальным слоем (следовательно, и с дворянством).

Остальные же статьи, увидевшие свет в десятилетие после 1945 г., по существу поляризуются между двумя указанными выше мнениями. И.И. Смирнов в нескольких работах конкретизировал свою точку зрения. С одной стороны, он попробовал с помощью анализа источников *документировать* положение о дворянском характере отдельных реформ⁶⁶, а с другой стороны, по-прежнему не отказался от такого подхода к тематике, при котором в центре внимания находится личность Ивана IV (по его мнению, например, реформы 1550-х гг. «осуществил Иван Грозный»⁶⁷). Таким образом, в этих работах царская власть по сути дела становится самостоятельной, решающей исторической категорией.

Впервые мнение, противоречащее концепции Смирнова, было высказано в решительной форме Б.А. Романовым. Как один из лучших специалистов своего времени, Романов, подчеркнув профессионально-методологическую «широту»

ленной на основании рукописи 1940 г., в цитированном отрывке и еще в одном месте на той же странице вместо 50-х годов фигурируют 60-е годы (ср.: *Веселовский С.Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // *Исторические записки*. Т. 15. М., 1945. С. 61, а также *Его же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 82). На основании контекста можно сделать вывод, что в последнем случае речь идет о типографской опечатке.

⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Первый опыт... С. 81.

⁶⁶ Ср.: *Смирнов И.И.* Судебник 1550 года // *Исторические записки*. Т. 24. М., 1947; *Его же.* Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // *Исторические записки*. Т. 43. М., 1953.

⁶⁷ *Смирнов И.И.* Рецензия на кн. «Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М. – Л., 1950 // *Вопросы истории*. 1951. № 7. С. 114.

обоих коллег⁶⁸, на основании источников показал недостатки интерпретации Смирнова. В связи с этим выделяется скорее критическая сторона статьи: «Так как ст. 85 (Судебника 1550 г. — *Д. С.*) имела в виду, конечно, и княжат, и бояр, а не только детей боярских и «вящих людей», то ее компромиссный характер представляется очевидным, поскольку невозможно отрицать в составе правительства царя Ивана в 1550 г. и представительства интересов “дворян-помещиков” и поскольку нельзя отрицать расхождения интересов крупных вотчинников и мелких помещиков уже в данный момент»⁶⁹. Это мнение ученый, между прочим, включил и в комментарии к тексту Судебника 1550 г., опубликованному на год позже⁷⁰, более того, еще раньше и еще более однозначной форме: «Не вижу в них (т.е. в соответствующих статьях Судебника. — *Д. С.*) “выражения антибоярской земельной политики правительства Ивана IV”, направляемой против “привилегированного землевладения” вообще: острие их направлено только против церковного землевладения»⁷¹.

Исследуя другие проблемы «периода реформ», ученые также сделали вывод о необходимости уточнения отдельных тезисов И.И. Смирнова и отклонения его концепции в целом. С.О. Шмидт пришел к положению о «компромиссной» политике на материале изучения деятельности Адашева⁷². Д.Н.

⁶⁸ Романов Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.) // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 252–254.

⁶⁹ Там же. С. 269.

⁷⁰ Судебники XV–XVI веков. М. – Л., 1952. С. 297–319.

⁷¹ Романов Б.А. Судебник Ивана Грозного. (По поводу исследования И.И. Смирнова) // Исторические записки. Т. 29. 1949. С. 235.

⁷² Он применяет термин «компромиссный» лишь к концу 1540-х – началу 1550-х годов (см.: Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // Ученые записки МГУ. Вып. СХVII. М., 1954. Ср. еще: Челобитный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. Т. 7. 1950. № 5).

Альшиц поколебал достоверность источников о событиях 1553 г., игравших ключевую роль в концепции И.И. Смирнова, хотя и не придал этому концептуального значения⁷³. А.А. Зимин же, предложив более позднюю дату возникновения приказов, ослабил одно из важнейших доказательств И.И. Смирнова⁷⁴, заключающееся в том, что одним из главных показателей усиления дворянства была его роль в деятельности приказов⁷⁵. А.А. Зимин занимался и военными реформами, осуществленными между 1549 и 1552 годами, намереваясь доказать с их помощью менее радикальный (для дворянства) характер реформ, проведенных до 1553 г., то есть, их в большей степени «компромиссную» сущность⁷⁶. Среди появившихся в то время статей нужно еще упомянуть статью А. Садикова «Кормленые дьяки и вопрос о происхождении четей в Московском государстве XVI в.», вышедшую в свет первоначально в 1922 г. и снова изданную после смерти автора в книге «Очерки по истории опричнины» (М. – Л., 1950). Эта работа в значительной степени обогатила изучение реформ в данный период времени.

Все эти статьи открыли новую главу в исследовании интересующей нас проблематики, сделав возможным замену общих концепций обобщающими работами в настоящем смысле этого слова, сложенными из «кирпичиков» специальных работ, основанных на подробном анализе источников.

⁷³ Ср.: *Альшиц Д.Н.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // *Исторические записки*. Т. 25. М., 1948. С. 292. Ср. еще *Его же*. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *Исторические записки*. Т. 23. М., 1947.

⁷⁴ Ср.: *Смирнов И.И.* Судебник 1550 года. С. 316-317.

⁷⁵ Ср.: *Зимин А.А.* О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 3. М., 1954.

⁷⁶ *Зимин А.А.* К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // *Исторические записки*. Т. 55. М., 1956. С. 358–359.

Однако за этим значительным шагом вперед очень скоро последовала новая обобщающая работа, автор которой по-прежнему смог опереться лишь на ограниченное количество предварительных исследований. Несмотря на это, автор соответствующей главы крупного произведения «Очерки истории СССР, конец XV в. – начало XVII в.» А.А. Зимин выступил с новой в некоторых отношениях концепцией. Его основное утверждение еще ничем не отличалось от хорошо известных мнений: «Правительство Адашева выступило с развернутой программой, имевшей своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти в интересах класса феодалов в целом. Это было правительство компромисса между отдельными группами феодалов, правительственная консолидация сил господствующего класса вокруг растущей великокняжеской власти»⁷⁷. Традиционным можно рассматривать и такое мнение, представители которого связывали «мысль» о реформах, их разработку с дворянством⁷⁸ или несколькими «более дальновидными элементами из числа бояр»⁷⁹ (при этом также традиционно не объяснялось, почему данные бояре были «более дальновидными»). Небольшое изменение в этой концепции, сделанное А.А. Зиминим, может быть сведено к тому, что косвенно он предложил наличие нескольких уровней компромисса. Во-первых, и главным образом, господствующий класс в целом заключил компромисс с нижними классами (под этим, видимо, нужно понимать жителей посада), поскольку стало ясно, что «подавить нарастающее движение и достигнуть укрепления централизованного государства одними лишь репрессиями правительство не могло»⁸⁰. С другой стороны, родился компромисс между дворянством и боярством, который на по-

⁷⁷ Очерки по истории СССР. Конец XV в. – начало XVII в. / Ред. Насонов А.Н., Черепнин Л.В., Зимин А.А. М., 1955. С. 293.

⁷⁸ Там же. С. 291.

⁷⁹ Там же. С. 293.

⁸⁰ Там же. С. 290.

верхности определил историю всей эпохи и содержание которого поэтапно изменялось. (Последний момент также внесит новый элемент по сравнению с изложенными выше мнениями). Согласно точке зрения Зимина, приблизительно до 1553 г. доминировал компромиссный характер, а затем на первый план выдвинулся дворянский характер реформ⁸¹. Наконец, был заключен компромисс между феодальной церковью и боярством⁸².

Разделив на два этапа период реформ, рассматривавшийся ранее как одно целое, А.А. Зимин крайне резко выразил необходимость дальнейшего, более обширного изучения отдельных реформ. Ведь периодизация, предложенная Зиминим, должна была остаться смелой гипотезой до тех пор, пока не будет доказано, что реформы, введенные после 1553 г., представляли интересы дворян «радикальнее», чем более ранние реформы, а также что «толчок извне» для этого был дан «изменой» 1553 г. (которая фигурирует в источниках особенно неясно, создавая возможность для коренным образом противоположных толкований и, таким образом, также требует подробного источниковедческого анализа).

Реализации требований, намеченных в соответствующей главе «Очерков...», не пришлось долго ждать. Не прошло и года со времени их появления, как Институт истории АН СССР на конференции, имевшей большое значение для историографии рассматриваемой нами темы, определил новое направление дальнейших исследований. Поскольку взгляды принявших участие в дискуссии сталкивались, прежде всего, по поводу опричнины, изложение характерных точек зрения, прозвучавших на конференции, будет сделано мной в статье посвященной советской историографии опричнины. Однако и в связи с серией реформ 1550-х гг. можно сказать, что обсуждение дало сильный толчок фундаментальным исследованиям, усилив тенденцию и без того существовавшую в послед-

⁸¹ Там же. С. 293.

⁸² Там же. С. 298.

ние годы изучения темы, освободив ее от балласта искаженного подхода к истории — от такого метода изучения ключевых социально-экономических проблем, при котором в центре изучения находится та или иная историческая личность.

Плодотворное влияние конференции проявилось в течение исторически необычайно короткого времени. Уже в 1958 г. появилась большая обобщающая работа И.И. Смирнова, которая была призвана синтезировать проведенные до того времени исследования. Прежде всего, она подвела итог результатам исследований самого автора⁸³. Поэтому понятно, что ее концепция находится в органической связи с содержанием прежних статей Смирнова⁸⁴.

Книга И.И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века» имеет немаловажное значение в советской историографии. Она явилась первой попыткой монографической обработки политической истории указанного периода и, следовательно, может считаться новаторским начинанием. Поскольку ее автор должен был ликвидировать множество «пробелов» в изучении данной темы, ему представилась хорошая возможность доказать свою высокую квалификацию. Таким образом, в книге И.И. Смирнова появилось источниковедческое искусство историка, которое выразилось, прежде всего, в привлечении целого ряда ранее неизвестных источников, нового толкования некоторых известных источников, показе их подлинности, достоверности с помощью сравнительного метода. С этой точки зрения на первом месте нужно упомянуть датировку Судебника 1550 годом, анализ его отдельных статей, который был

⁸³ Б.И. Бутанов указал на то, что для И.И. Смирнова результаты, достигнутые советской исторической наукой в исследовании данной темы, были важны прежде всего как объекты критики (ср.: *Буранов В.И.* Рецензия на кн. И.И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века» // *История СССР.* 1960. № 4. С. 176).

⁸⁴ См. работы И.И. Смирнова, указанные в примеч. 66, а также его другие произведения о политической истории 1530-х годов.

осуществлен И.И. Смирновым не изолированно, а в сопоставлении с другими документами. Такое же мастерство историк проявил и при описании бурной политической борьбы в детские годы Ивана IV, в ходе которого он первым в советской исторической науке привел и сопоставил все доступные источники. При этом И.И. Смирнов отнюдь не ограничился привлечением публицистических произведений, летописей, считавшихся в русской «буржуазной» историографии наиболее аутентичными, а принял во внимание различные юридические памятники, дипломатические документы и часто актовый материал. Благодаря этому он сумел, например, нарисовать достоверную картину московского восстания 1547 г., охарактеризовать в выразительных биографиях руководителей Избранной рады, документировать распространение поместий за счет черных земель, выдвинуть важные аргументы (прежде всего против мнения А.А. Зимина) о проведении реформы по созданию «избранной тысячи», о складывании приказной системы к 1550-м годам и т.д.

Обширная монография И.И. Смирнова представляла собой единое целое и с точки зрения построения концепции. Обрамлением позиции автора служило его утверждение, согласно которому: «Процесс образования Русского централизованного государства занимает целую историческую полосу продолжительностью более столетия (конец XV – начало XVII в.). Содержание политической истории этого периода составляют ликвидация старых форм и институтов государственной власти и управления, существовавших во времена феодальной раздробленности, и создание на их месте новых форм и институтов централизованного государства»⁸⁵. В этом обширном процессе И.И. Смирнов располагает и реформы середины XVI столетия, утверждая в предисловии: «Наиболее существенной чертой этих десятилетий является то, что в них отчетливо выступает основная тенденция исторического процесса периода образования русского централи-

⁸⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 3.

зованного государства: укрепление основ господства феодалов. Носителем этой тенденции и активным проводником ее в практику политического развития становится пришедшее к власти в 1547 г. правительство, опирающееся в своей деятельности на дворянско-помещичью группировку феодального класса и на посад и осуществляющее свою политику через многочисленные реформы 50-х годов XVI в.»⁸⁶.

В предисловии к своей книге И.И. Смирнов сделал попытку подкрепить свою общую концепцию русского государственного развития XV–XVI столетий аргументами из социально-экономической истории. Его отправной точкой становится следующее утверждение: «...XV–XVI вв. являются временем, когда создаются важнейшие экономические предпосылки образования всероссийского рынка. Наиболее существенным явлением в экономике России XV–XVI вв. является рост общественного разделения труда, находящий свое выражение в развитии ремесла, городов и торговли»⁸⁷. Обращаясь к социальным предпосылкам централизации, И.И. Смирнов подчеркивает прогрессивную роль в этом процессе великокняжеской власти: «Силой, возглавившей эту борьбу, явилась великокняжеская власть, игравшая в России роль, аналогичную роли королевской власти в Западной Европе, и являвшаяся, по выражению Энгельса, “представительницей образующейся нации”»⁸⁸. И.И. Смирнов много занимается и изображением политического облика боярства, подчеркивая по существу хронологически меняющееся поведение последнего. По мнению историка, боярство становится противником централизации начиная с конца XV в., когда великокняжеская власть провозгласила уничтожение старой структуры органов власти параллельно с проведением в жизнь программы «собирания» русских земель⁸⁹.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 5.

⁸⁸ Там же. С. 8.

⁸⁹ Там же. С. 10.

Одной из самых ярких страниц книги является, несомненно, описание складывания дворянства, важнейшей социальной базы великокняжеской власти. В связи с этим И.И. Смирнов замечает, что «дворянство окончательно складывается как особая группа внутри феодального класса во второй половине XV – первой половине XVI в. Юридическим выражением этого было создание поместного землевладения и военного сословия служилых людей»⁹⁰.

И.И. Смирнов считает, что, наряду с увеличением важности дворянства, другой определяющей переменной в классовых отношениях «было возрастание удельного веса и политической активности городского посадского населения»⁹¹.

Модификация классовых отношений, в свою очередь заключает И.И. Смирнов, привела к тому, что старой государственной форме, которая «была приспособлена к периоду “классического” феодализма времен феодальной раздробленности с замкнутым натуральным хозяйством...»⁹², в период обострившейся классовой борьбы пришлось уступить место «крепостническому государству». «Эта перестройка и нашла свое выражение в образовании русского централизованного государства»⁹³.

Отметим в скобках, что в этом последнем тезисе кажется проблематичным отождествление «классического феодализма» с эпохой феодальной раздробленности, которое уходит своими корнями к точке зрения Н.П. Павлова-Сильванского, в то время как в марксистской исторической литературе период натурального хозяйства принято отождествлять именно с эпохой раннего феодализма.

Надо сказать, что взгляды автора и в других важных пунктах отличались от мнения, выкристаллизовавшегося к тому времени в советской исторической науке, что в целом

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 13.

⁹² Там же. С. 14.

⁹³ Там же. с. 15.

придало полемическую остроту монографии И.И. Смирнова, отнюдь не претендовавшей на полноту (в ней едва затрагивались реформы второй половины 1550-х годов).

Специалисты, приведя веские доводы, подвергли критике книгу «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XV–XVI века» сразу после ее выхода в свет. Слишком крайнюю позицию, на наш взгляд, занял А.А. Зимин, который, ссылаясь на упомянутый недостаток, принизил значение этого крупного начинания⁹⁴. Но по источниковедческим соображениям подвергся критике и метод изучения подробно проанализированных реформ, было указано на недостаточное количество актового материала, а также на преобладание повествовательных источников (особенно полемики между Курбским и Иваном IV)⁹⁵. Резкое замечание сделал В.И. Буганов: «Явления политической жизни 30–50-х годов более сложны и противоречивы, чем это можно заключить при чтении книги И.И. Смирнова, построения которого на первый взгляд отличаются логичностью, стройностью, но при проверке фактами из источников вызывают сомнения и возмущение»⁹⁶.

Уже второе (цитированное выше) предложение книги И.И. Смирнова вызвало решительное возражение одного из рецензентов⁹⁷, ибо автор монографии датировал процесс образования Русского централизованного государства периодом с конца XV-го до начала XVII вв.⁹⁸. Конечно, было бы преждевременно квалифицировать такую точку зрения как ошибочную саму по себе, ведь (в том числе) именно за это критиковал в своей рецензии С.О. Шмидт А.А. Зими́на, при-

⁹⁴ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 51.

⁹⁵ *Буганов В.И.* Рец. на кн. И.И. Смирнова... С. 175.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Кобрин В.Б.* Рец. на кн. И.И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века» // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 153.

⁹⁸ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 3.

держивавшегося иного мнения⁹⁹. Но принимая во внимание, что упомянутое утверждение И.И. Смирнова основывалось на его упрощенном мнении об исторической роли боярства, даже и оно (заставляя, между прочим, задуматься) представляется уже менее обоснованным.

О боярстве 1530–40-х годов И.И. Смирнов писал следующее: «Историческое значение боярского правления 30–40-х годов заключалось в попытке феодальной реакции — княжат и бояр — задержать процесс строительства русского централизованного государства путем разрушения аппарата власти и управления централизованного государства и возрождения нравов и обычаев времен феодальной раздробленности»¹⁰⁰. Это мнение автора, высказанное в качестве введения, в полной мере наложило отпечаток и на конкретное изложение. И.И. Смирнов описывает весь период боярского правления как период интриг реакционных бояр, против чего затем, в 1542 г. (!) начало борьбу дворянство. В нашу задачу не входит изучение этих частей книги, для нас важен лишь тот искусственный контраст, который был создан И.И. Смирновым между боярским правлением и периодом реформ.

В 1547 г. (!), пишет И.И. Смирнов, к власти пришло правительство, которое со всей своей энергией работало над усилением центральной власти и удовлетворением интересов дворянства, ее социальной базы. И.И. Смирнов с использованием большого фактического материала попытался установить личный состав правительства и мобилизовал слишком крупные силы, чтобы доказать, что Избранная рада, как об этом заявлял уже Бахрушин, не что иное, как действительно Ближняя дума¹⁰¹. В ходе изложения автор переоценил значение некоторых представителей упомянутого органа (напр., Макария, Юрьевых), а значение других сильно недооценил

⁹⁹ Шмидт С.О. Рец. на кн. А.А. Зимина «Реформы Ивана Грозного» // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 135.

¹⁰⁰ Смирнов И.И. Очерки... С. 5.

¹⁰¹ Там же. С. 139–165.

(Адашева, Сильвестра)¹⁰². Вслед за этим И.И. Смирнов, нарушив хронологический порядок, исследовал боярский «мятеж» 1553 г., составлявший особенно важную часть его аргументации, ведь, если дословно принять показание приписки к Царственной книге, то описанное событие может действительно хорошо продемонстрировать происки бояр. При этом автор совсем не обратил внимания на источниковедческие замечания Д.Н. Альшица об использованном источнике, хотя последний убедительно показал его пристрастность¹⁰³.

Далее наступила очередь анализа самих реформ, которой, с одной стороны, коснулся лишь части реформ, а с другой стороны, даже в отношении исследованных преобразований лишь с натяжкой показал их дворянский характер. Иногда источники объяснялись ошибочно, а иногда среди альтернативных возможностей выбирались интерпретации, вписывавшиеся в предварительную схему¹⁰⁴. Категорически утверждая в каждом рассмотренном случае антибоярский и, следовательно, продворянский характер данных распоряжений, И.И. Смирнов в своей монографии иногда был склонен к противопоставлениям типа «черное-белое». В результате в этих случаях историк терял правильную перспективу не только потому, что он не сумел определить роль боярства в

¹⁰² Там же. С. 194–257.

¹⁰³ Ср. работы, указанные в примеч. 73.

¹⁰⁴ В исторической литературе (ср. напр.: *Романов Б.А.* Указ. соч.; цитированные рецензии В.И. Буганова и В.Б. Кобрина; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 231, 258, 262–264, 311, 320–321, 327–328, 342, 350–352, 354, 359–361, 369–372, 410, 456–457, 465–466; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 17, 20, 21, 72–73, 37–41, 64–68, 70, 75, 92–104, 113–115, 174–175, 369, 371, 373–376, 390–393) было указано на многие спорные положения И.И. Смирнова, обусловленные применением заранее выработанных концепций к конкретному историческому материалу, сравнительной ограниченностью источниковедческой базы и оставлением без внимания многих результатов, достигнутых исторической наукой.

процессе усиления централизации, но и потому, как указал В.Б. Кобрин¹⁰⁵, что он упростил содержание серии реформ до борьбы между боярами и дворянами и уделил меньше внимания фундаментальным классовым противоречиям между правящим классом и угнетенным крестьянством. Если бы И.И. Смирнов лучше подчеркнул последние, то, возможно, и он согласился бы со своим рецензентом: «Вряд ли во всех политических действиях в XVI в. нужно обязательно искать направленность, укладывающуюся в схему: либо на пользу дворянству, либо на пользу боярству...»¹⁰⁶. Отвергнув сложившееся мнение о «компромиссном» характере реформ, И.И. Смирнов не смог результативно применить тонкие различия при оценке сложных событий этой эпохи. Поэтому, несмотря на громадный материал, использованный в монографии, несмотря на во многом новаторский характер начинания и ценные результаты, работа Смирнова в итоге не внесла полной ясности в понимание основного содержания крайне важного периода в истории Русского централизованного государства.

В год появления книги И.И. Смирнова вышла в свет и большая монография об общественно-политической мысли 1540–50-х годов «И.С. Пересветов и его современники», принадлежавшая А.А. Зимину. Хотя А.А. Зимин в этом произведении не занимался непосредственно реформами середины века, его работа все же имеет большое значение в историографии вопроса. С одной стороны, потому, что в одно время с появлением монографии И.И. Смирнова в книге А.А. Зимина прозвучало иное мнение об основном содержании истории середины XVI столетия: «Политика в это время направлялась правительством компромисса, которое, лавируя между отдельными прослойками класса феодалов, стремилось осуществить требования всего господствующего класса в целом. Отсюда и непоследовательность этого правительства в вопросах, касающихся чисто дворянских требований. (Неразрешен-

¹⁰⁵ Кобрин В.Б. Рец. на кн. И.И. Смирнова... С. 157.

¹⁰⁶ Там же. С. 155.

ность земельного вопроса, незавершенность процесса централизации управления и др.)»¹⁰⁷. С другой стороны, поставив в центр своей работы личность И.С. Пересветова, монографически исследовав его взгляды, А.А. Зимин способствовал введению более прочного фундамента под оценку всей интересующей нас эпохи. Он показал И. Пересветова как типичного представителя прогрессивного дворянства, взгляды которого при их сопоставлении с политикой Избранной рады пластично подчеркивали «непоследовательность» последней¹⁰⁸. «Последовательность» же, которой столь жаждало дворянство, проявлялась в России лишь во времена опричнины, хотя и тогда недостаточно «последовательно и целенаправленно»,¹⁰⁹ — заключает свою мысль А.А. Зимин.

Несколько позже читатели получили возможность познакомиться с новой монографией А.А. Зимина «Реформы Ивана Грозного». Можно сказать, что это в известной степени был ответ на концепцию И.И. Смирнова, причем многим обязанный последней, поскольку оставленные в тени или совсем не рассмотренные И.И. Смирновым проблемы побуждали к более основательным исследованиям, к введению в оборот новых типов источников, а концептуально книга Смирнова возлагала на новую обобщающую работу простую задачу утверждать по всем принципиальным вопросам обратное по сравнению со своим предшественником. Со времен Бахрушина основа концепции была налицо, и ее разделяло большинство советских историков¹¹⁰, А.А. Зимину предстояло «лишь» монографически доказать ее.

¹⁰⁷ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 353–354.

¹⁰⁸ Там же. С. 354.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Противоположным примером, помимо И.И. Смирнова, может служить лишь книга: *Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е.* Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв. Л., 1957.

Ход рассуждений А.А. Зимина был следующим:

1. XVI столетие «было временем экономического подъема страны, выразившегося в росте производительных сил и углубления общественного разделения труда».
2. «Рост товарно-денежных отношений в стране привел к усилению эксплуатации крестьянства».
3. «Как город, так и деревня в середине XVI в. были охвачены пламенем народных движений».
4. «Среди класса феодалов интенсивно шел процесс перераспределения земельной собственности».
5. «В обстановке широкой волны народных движений представители различных прослоек класса феодалов вынуждены были на время прекратить распри и консолидировать свои усилия с тем, чтобы укрепить свое господство над массами непосредственных производителей»¹¹¹.

Такова историко-логическая схема так называемой теории «компромисса», которую наметил еще С.В. Бахрушин, но оформление которой в единую систему и монографическое подтверждение которой связаны с именем А.А. Зимина. Предварительно мы лишь отметим, что относительно первых четырех пунктов схемы в общих чертах было сходным и мнение И.И. Смирнова. Тем не менее в отношении 5-го пункта, т.е. собственно оценки политики середины XVI века, он пришел к совершенно иному выводу. Это до известной степени было следствием того, что И.И. Смирнов поместил данную проблематику в более широкие исторические рамки и заключил, что единственным адекватным ответом правящего класса на обостряющуюся классовую борьбу могло быть только крепостничество¹¹².

¹¹¹ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М, 1960. С. 4–5.

¹¹² *Смирнов И.И.* Очерки... С. 14–15.

Таким образом, по его мнению, давление снизу толкало правящий класс не на «компромисс», а на последовательную классовую политику, введение крепостничества. Однако этот вывод, верный в своей тенденции, основывался на упрощенном изображении социального положения, роли боярства середины XVI столетия.

В сравнении с точкой зрения И.И. Смирнова мнение А.А. Зимина было качественно иным уже в отношении боярского правления, предшествовавшего периоду реформ. Он писал: «Во время княжеско-боярских свар борьба шла не за расчленение государства на удельные “полугосударства”, а за овладение центральным правительственным аппаратом, за превращение его в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии»¹¹³. Далее, на страницах книги события периода боярского правления подтверждают это утверждение А.А. Зимина.

Задача А.А. Зимина была значительно облегчена исследованиями советских историков по данному периоду, среди которых во второй половине 50-х гг. заметную роль играла монография Н.Е. Носова «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века»¹¹⁴. Н.Е. Носов в этой книге подробно рассмотрел тот

¹¹³ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 224.

¹¹⁴ Сам А.А. Зимин вел исследования в связи с Боярской думой XV–XVI вв. и на основании изменения ее состава сделал выводы об изменении боярской политики (ср.: *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 59–60, 66). В этот период А.А. Зимин и Н.Е. Носов занимались «приговором» 1555/56 г. И хотя они подошли к проблеме с разных сторон — А.А. Зимин уделил особое внимание показу публицистического характера «приговора», а Н.Е. Носов, с помощью исследования «Боярской книги 1556 г», компенсации ликвидированных кормлений — их мнения значительно разошлись в отношении оценки классового смысла «приговора» 1555–1556 гг. (см.: *Зимин А.А.* «Приговор» 1555–56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // История СССР. 1958. № 1. С. 182; *Носов Н.Е.*

«парадоксальный» факт, что именно во время, казалось бы, самой «свирепой» боярской «анархии» произошел перелом во введении губной реформы, в целом усилившей государственную власть и соответствовавшей интересам дворян¹¹⁵. К тому же анализ содержания этой эпохи Носов обогатил введением нового аспекта, когда связал упомянутый перелом не с борьбой партий Шуйских и Бельских, а с различной политической ориентацией отдельных групп боярства, основанной на исторически сложившемся в ходе образования единого государства расслоении бояр¹¹⁶.

Этот аспект, однако, недостаточно подчеркнут в книге А.А. Зимина. Поэтому историк считает, например, что Бельские были объективно сторонниками централизации, а Шуйские — ее противниками¹¹⁷. Между тем, уже И.И. Смирнов указал, что нельзя делать такое различие в пользу Бель-

Боярская книга 1556 г. (Из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М., 1960. С. 219–221). Исследовавший позже эту же проблему С.О. Шмидт, подчеркивая дворянский характер, склоняется к мнению А.А. Зимина (К истории земской реформы. [Собор 1555–56 г.] // Города феодальной России. М., 1966. С. 134). То же самое можно сказать и о В.И. Буганове, который, анализируя «Государев разряд» 1556 г., подчеркивал компромиссный характер реформ середины столетия («Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х годов XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 220, 225). Но нужно заметить, что, несмотря на углубленные исследования, в области обобщающей оценки не было сделано существенного шага вперед. Доказательством этого является статья В.Б. Кобринина (Экономическое и политическое положение Русского государства в 40–50-х годах XVI в. // Преподавание истории в школе. 1958. № 5), в которой он, например, характеризовал опричнину как непосредственное продолжение реформ (С. 29).

¹¹⁵ Ср.: Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М – Л., 1957. С. 289.

¹¹⁶ Носов Н.Е. Очерки... С. 86.

¹¹⁷ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 249, 258.

ских¹¹⁸. А.А. Зимин, возможно, подошел бы ближе к истине, если бы последовательно провел свое мнение о том, что борьба внутри боярства шла «за овладение центральным правительственным аппаратом». В то же время овладение властью, как бы ни злоупотребляли ею бояре, накладывала на ее обладателя одни и те же задачи, так, ему всегда приходилось учитывать и важнейшую из этих задач, вытекавшую из необходимости поддерживать власть своего класса.

Определенный схематизм сказанного о периоде «боярского правления» предопределил то, что А.А. Зимин в итоге не вполне сумел вскрыть органическую связь между 30–40-ми годами и следующим десятилетием. По традиции в своих построениях он придает большое значение «великому восстанию» 1547 г., рассмотренному им в масштабе всей страны, как событию, вызвавшему сплочение бояр, прежде интриговавших друг против друга¹¹⁹. По ходу изложения А.А. Зимин справедливо поправил И.И. Смирнова и доказал, что «новый курс» начался не сразу после «большого пожара»¹²⁰. Однако его аргументация в значительной мере ослабляется тем, что вся книга пронизана попытками доказать усиление классовой борьбы и, хотя автору в целом удалось доказать это, ценность его вывода девальвируется тем, что автор пытается вывести из него — и только из него — все значительные политические переломы. Вследствие этого совсем непонятно, почему в условиях постоянной угрозы классовой борьбы боярство «образумилось» именно после 1547 г. По нашему мнению, С.О. Шмидт был ближе к истине, когда, не преуменьшая значения событий июня 1547 г., указал на комплексность причин, так например, на недовольство внутри правящего класса, на нужды, связанные с Казанской войной¹²¹.

¹¹⁸ Смирнов И.И. Очерки... С. 86.

¹¹⁹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 315.

¹²⁰ Там же. С. 311–313.

¹²¹ Шмидт С.О. Рецензия на кн. А.А. Зиминова «Реформы Ивана Грозного» // Вопросы истории. 1962. № 2. С. 138.

За главой о классовой борьбе в России следует глава с заранее раскрывающим её основную мысль названием «Реформы правительства компромисса 1549–1552 гг.», в которой А.А. Зимин после вступления, повествующего об Избранной раде, переходит (на 325-й странице книги) к изложению «реформ Ивана Грозного» (хотя даже после прочтения всей книги не становится ясно, насколько они были реформами Ивана Грозного). В ходе этого изложения — сохраняя верность оценке, авансированной в названии книги — автор последовательно доказывает «компромиссный» характер реформ. Основным же содержанием компромисса, как считает историк, было недостаточно последовательное нарушение интересов бояр, с одной стороны, и недостаточно последовательная реализация интересов дворян, с другой. Трудность состоит лишь в том, что, поскольку в то время дворянство было еще далеко от унификации, от создания самостоятельных организационных форм и форумов для выражения своего мнения, довольно трудно установить задним числом, в чем же состояли эти интересы дворян. По традиции здесь принято обращаться к фигуре И. Пересветова (это сделал в монографической форме и сам А.А. Зимин¹²²), однако спрашивается, можно ли на основании взглядов единственного профессионального «воинника» делать заключения о чаяниях русских служилых людей? А.А. Зимин и сам вместо этого выбрал другой метод, декларировал интересы дворянства (как он их себе представлял) от себя. В общем, историк квалифицировал дворянскими те интересы, которые могут быть связаны со стремлениями к последовательному укреплению центральной власти. За этим приёмом скрывается — хотя и в более сложной форме — точка зрения, согласно которой, дворянство — сторонник укрепления централизованного государства, следовательно, оно прогрессивно, боярство же объективно является его противником, то есть, объективно реакционно. Не нужно доказывать, что

¹²² Ср.: *Зимин А.А.* И. Пересветов и современники. М., 1958.

вместо подобных аксиоматичных утверждений мы скорее ожидали бы *документированного* ответа на вопрос: в чем же состояло (и существовало ли) реальное различие между боярством и служилым дворянством *того времени* в отношении к центральной власти?

Между прочим, при подходе к этой проблеме не на методологическом, а на методическом уровне мы во многих случаях приходим к выводу, что А.А. Зимин в своей интерпретации искусственно создает боярско-дворянскую вражду и квалифицирует отдельные распоряжения как выражавшие скорее дворянские или скорее боярские интересы¹²³.

Если же сравнить реформы, осуществленные после 1553 года с реформами 1549–1552 гг., то конкретный анализ не подтверждает тот вывод, что в данный период «правительство в большей мере проводит линию на осуществление требований широких кругов феодалов»¹²⁴, особенно если как в случае отдельных реформ, так и в обобщающей оценке сам А.А. Зимин подчеркивает первоначальный компромиссный характер¹²⁵. Таким образом, создается впечатление, что в своей аргументации автор придает гораздо большее значение усилению позиций Адашева и его соратников, якобы последовавшему после 1553 г., чем раскрытию содержания реформ последующего периода, делая на основании этого вывод о «более радикальном» характере этих реформ¹²⁶.

Весьма возможно — и А.А. Зимин косвенно указывает на это¹²⁷ — что сильно подчеркивая компромисс до 1553 г. (который всегда означает недостаточную последовательность) и говоря о раде после 1553 г., А.А. Зимин желает подготовить органический переход к опричнине, делая, таким образом,

¹²³ Зимин А.А.: Реформы Ивана Грозного. С. 326, 339, 341, 354, 355, 439, 460, 463–464, 470–471.

¹²⁴ Там же. С. 470.

¹²⁵ Там же. С. 478.

¹²⁶ Там же. С. 414.

¹²⁷ Там же. С. 371.

последнюю эталоном основных событий политической истории XVI в. в качестве логического и, следовательно, прогрессивного завершения того, что произошло ранее, в качестве первого адекватного ответа на проблемы, поднятые эпохой.

А.А. Зимин доказывал свой основной тезис, используя обширный научный материал, однако выводы ученого иногда были непропорциональны количеству использованных фактов. В конце концов историк оказался не в состоянии наполнить жизнью общий тезис о «компромиссной» политике, который пытались доказать уже многие исследователи, и дать убедительный ответ на вопрос, между какими социальными силами было достигнуто соглашение (за чей счет и в чью пользу). Иначе говоря, задача дальнейшего изучения реформ не сошла с повестки дня советской исторической науки и после появления крупной монографии А.А. Зимина, однако, ей принадлежит видное место в советской историографии, ведь она явилась первым полным научным обобщением реформ середины XVI столетия, содержащим результаты фундаментальных исследований, проведенных ее автором.

(1985)

II

Поскольку обобщающая работа, увенчавшая конкретное исследование реформ, во многих отношениях характеризовалась традиционной негибкой позицией, в последующий период основной задачей советской исторической науки стало распространение более диалектического подхода, иначе говоря, дальнейшую исследовательскую работу мог бы продвинуть вперед новый метод.

С.О. Шмидт в обширной историографической статье «Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе» взял на себя задачу по обобщению некоторых уроков пройденного пути, а также по формулировке некоторых задач с добавлением определенных ориентиров в помощь дальнейшим поискам. Принципиальную важность имела его характеристика боярства интересующей нас эпо-

хи, констатация «двойственности» поведения бояр: «Они (то есть бояре. — Д. С.) не склонны были уступать свои наследственные привилегии и в то же время, опасаясь возвышения какой-либо другой боярской группировки, готовы были ради ослабления ее поддержать в известный момент идею централизаторского преобразования¹²⁸». Не менее важным было и другое положение автора: «Вовсе не всегда можно найти какие-то четкие линии в этом клубке политических противоречий и личного соперничества...»¹²⁹.

Дифференцированный подход, соответствующий сложности исторической действительности, был предложен С.О. Шмидтом и при исследовании деятельности Избранной рады. Признавая, что сущность периода реформ составляла компромиссная политика, историк, исходя в основном из соображений логики (в соответствии с историографическим характером своей статьи), предлагает следующую поправку к устоявшейся позиции: «Она была направлена по существу к уравниванию в привилегиях боярства и дворянства. У крупных феодалов не столько отнимались их права, сколько распространяли эти права на дворянство, лишая тем самым боярство в какой-то мере привилегированного положения»¹³⁰. В этой ситуации, продолжает автор, возросло значение церкви, которая стала «помехой делу дальнейшей централизации государства»¹³¹. Если же довести до логического конца такой ход мысли, то борьба между церковными и светскими феодалами вырастает чуть ли не в главную проблему политической истории периода реформ, таким образом, и «компромиссная» политика Избранной рады по существу означала соглашение между этими двумя группами феодалов.

¹²⁸ Шмидт С.О. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // В кн.: Советская историческая наука от XX к XII съезду КПСС. История СССР. С. 119.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 124.

¹³¹ Там же.

С новой концепцией выступил в 1964 г. и А.А. Зимин. Если в книге, вышедшей четыре года назад, он под знаком полемики с И.И. Смирновым повторил некоторые из самых важных тезисов своего оппонента (прежде всего, об оппозиции бояр и дворян), то в пространной статье «О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма» А.А. Зимин резко порывает с этой позицией. Теперь он делает ударение именно на чертах, связывавших боярство и дворянство, доказывая, между прочим, и этим, что первые не могли быть априори противниками централизации¹³². Борьба *внутри* централизованного государства, пишет автор, велась против остатков раздробленности, однако носителями последних являлись не бояре, а уделы, церковь и Новгород¹³³. В связи с этим А.А. Зимин рассматривает и реформы середины XVI в., которые, по его мнению, с одной стороны, ущемляли привилегии церкви в интересах светского правящего класса, а с другой стороны, — здесь происходит неожиданный поворот в ходе рассуждений историка — нанесли ущерб привилегиям бояр, о которых в этом пункте все же выясняется, что они уходили «своими корнями во времена феодальной раздробленности»¹³⁴. После этого уже не приходится удивляться, что, как считает А.А. Зимин, бояр и дворян сталкивало такое важное противоречие, которое делало неотложным его разрешение в период, последовавший за закономерно введенной опричниной¹³⁵. Следовательно, желая сделать более дифференцированным представление о боярстве XVI века и, тем самым, о политической истории столетия, А.А. Зимин в конце концов не смог преодолеть предыдущую концепцию, даже несмотря на в основном перспективную отправную точку его рассуждений.

¹³² Зимин А.А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 21, 22.

¹³³ Там же. С. 27-31.

¹³⁴ Зимин А.А. О политических предпосылках... С. 40.

¹³⁵ Там же. С. 41.

Определенная двойственность концепции А.А. Зимина привела к тому, что в написанной им главе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», репрезентативный характер которой вынудил его сделать свою концепцию более однозначной, историк снова вернулся к основным положениям монографии 1960 года.

Исходный пункт А.А. Зимина: «Феодальная аристократия сопротивлялась централизации государственного аппарата»¹³⁶. Далее, перейдя к периоду боярского владычества после правления Елены Глинской, автор ставит в центр изложения борьбу Шуйских и Бельских, причем в этом соперничестве характеризует Бельских как сторонников централизации¹³⁷. В дальнейшем А.А. Зимин подробно занимается московским восстанием 1547 г., прибавляя к этому показ классовой борьбы следующих лет, а это объективно приводит к тому, что в его концепции события 1547 г. теряют часть своего влияния как определяющие факторы политической истории следующего периода. А из этого в свою очередь следует, что политику единства правящего класса ему не нужно выводить сразу из второй половины 1547 г., так как удлинение во времени классовой борьбы дает возможность обосновать и новую политику, датируемую приблизительно 1549-м годом.

В связи с реформами автор пишет, что около 1550 г. дворянству еще не удалось добиться осуществления своих основных требований («ограничения боярского землевладения и закрепощения крестьян»¹³⁸), потому что правительство Адашева «пыталось лавировать между дворянством и феодальной аристократией»¹³⁹. При этом он не приводит аргументов в доказательство того, что дворяне на самом деле выдвигали приписываемые им требования. Видя основной

¹³⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Тихомиров М.Н. Т. 11. М., 1960. С. 151.

¹³⁷ Ср.: Там же. С. 152–155.

¹³⁸ История СССР с древнейших времен... С. 162.

¹³⁹ Там же.

мотив компромисса в борьбе между боярами и дворянами, А.А. Зимин сводит ход борьбы между светскими и церковными феодалами, не удовлетворявший ни одну из сторон, практически к компромиссу между нестяжателями и иосифлянами *внутри церкви*¹⁴⁰.

В концепции А.А. Зимина большое значение получает положение об усилении так называемых «реформационных движений» в середине века. Очевидно, отсюда проистекает переоценка автором их значения¹⁴¹ как фактора, вынудившего государство оставить земельную политику, нарушавшую интересы церкви, и создавшего необходимость ликвидации крупных владений феодальной знати¹⁴². Однако это, продолжает А.А. Зимин, «вызывало решительное сопротивление даже той части бояр, которая поддерживала реформы Грозного в начале 50-х годов»¹⁴³. Правда, мы не узнаем какие боярские круги оказали сопротивление, и почему они так поступили в первой половине 1550-х годов, но, во всяком случае, автор счел нужным поместить это общее утверждение перед изложением событий 1553 г., чтобы должным образом обосновать последние. Таким образом, 1553 год, со всей очевидностью, получает большое значение в концепции А.А. Зимина, ведь, по его мнению, под влиянием опыта, извлеченного из событий этого года, изменил состав правительства Иван IV (который тем самым неожиданно предста-

¹⁴⁰ Там же. С. 165.

¹⁴¹ Ср.: *Сакетти А., - Сальников Ю.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1; *Сакетти А.* Из истории русского права // Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права. 1959. № 3; *Гуздый Н.К.* Рец. на кн. А.А. Зимина «И.С. Пересветов и его современники» // История СССР. 1959. № 1; *Данилова Л.В.* К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // *Данилова Л.В.* Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М.: АН СССР, 1962. С. 37–90.

¹⁴² История СССР с древнейших времен... С. 177.

¹⁴³ Там же.

ет перед нами в образе стрелки весов, третейского судьи). А новое правительство пытается более решительно осуществить теперь уже интересы дворян¹⁴⁴. Но в конечном итоге и это принесло не более, чем «отдельные поправки и дополнения к Судебнику 1550 г.»¹⁴⁵. Именно поэтому правительство Адашева в конце концов пало (в изложении А.А. Зимина это звучит так, что оно не могло «пойти на завершение борьбы с удельным сепаратизмом»¹⁴⁶. Следовательно, заколдованный круг замкнулся: в результате борьбы не примирившиеся с требованиями радикальных дворян превратились в представителей «удельного сепаратизма» (хотя требования дворян относительно ущемления боярского землевладения документировать нельзя, а выступление бояр в пользу централизации — можно), так стала объективно закономерной и, следовательно, прогрессивной причина.

Концепция А.А. Зимина, коренившаяся в построениях Бахрушина, по своей интерпретации истории данного периода в это время считалась уже традиционной, а множество результатов, полученных в конце 50-х – первой половине 60-х годов, сделало очевидным, что и в описании, интерпретации и источниковедческом подходе к некоторым реформам результаты А.А. Зимина не всегда могли быть приняты без уточнений¹⁴⁷. Таким образом, возникла необходимость нового исследования реформ, их свежей интерпретации на

¹⁴⁴ Там же. С. 178.

¹⁴⁵ Там же. с. 181.

¹⁴⁶ Там же. С. 182.

¹⁴⁷ На несколько проблем обратил внимание в своей рецензии уже С.О. Шмидт (см.: *Шмидт С.О.* Рецензия на кн. А.А. Зимина «Реформы Ивана Грозного». С. 137–139), и, как мы видели, Н.Е. Носов разошелся с А.А. Зиминим в оценке «приговора» 1555–56 г. А.К. Леонтьев критиковал А.А. Зимина по вопросам, касающимся образования приказов (см.: *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русской государстве. М., 1961), но разошлись мнения и в связи с оценкой «избранной тысячи».

основе обобщения результатов изучения за истекший период времени. Встала задача одновременного обновления индуктивного и дедуктивного метода.

Р.Г. Скрынников, хотя и не исследовавший специально этот период, уделил ему внимание во введении к своей книге «Начало опричнины», вышедшей в свет как раз в это время.

Сразу же в начале главы «Избранная рада и ее падение» автор пишет: «Живым носителем традиций феодальной раздробленности была могущественная боярская аристократия»¹⁴⁸. Но незамедлительно он уточняет свое общее положение: «Правящее московское боярство не представляло собой единой и однородной массы»¹⁴⁹. Именно декларация этого факта и последующее его доказательство, воплотившееся в показе пружин двигавших политические события периода реформ, составляют наибольшую заслугу Р.Г. Скрынникова в историографии данной проблематики. Выше мы видели, что уже Н.Е. Носов указал на факт наличия внутри боярства различных слоев и использовал его в своей монографии. Собственно говоря, эту линию продолжил Р.Г. Скрынников, подробно разработав эту проблему и положив ее в основу своей концепции.

В своей книге историк показал, что в процессе объединения русских земель исторически сложились три слоя бояр, потомки ростово-суздальских князей, удельная аристократия и представители старого московского нетитулованного боярства, отношение которых к царской власти было различным¹⁵⁰. Именно противоречия между различными слоями смогла использовать «неокрепшая монархия» для лавирования между ними, при этом ее естественной базой было старое московское боярство. В противовес же всему боярству она опиралась на дворянство и купеческую верхушку¹⁵¹. По-

¹⁴⁸ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 65.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 65–68.

¹⁵¹ Там же. С. 68.

следнее утверждение в известной мере содержит дань традиции и скрывает в себе определенный схематизм. Видимо, чувствуя это, автор в дальнейшем делает следующую оговорку: «Конечно, между титулованной и старомосковской знатью, между боярской прослойкой и верхами дворянства не было твердых перегородок: старомосковские и княжеские фамилии были связаны сложным клубком родственных отношений и, кроме того, наиболее глубокие социальные требования и интересы были общими для всего феодального сословия¹⁵². Однако, особенно в «переломные моменты», эти противоречия оказывали большое влияние на политическое развитие, заключенное в объективные рамки классовыми противоречиями и социально-экономическим развитием страны, пишет Р.Г. Скрынников¹⁵³.

Дифференцировав положение, роль боярства, Р.Г. Скрынников по-новому подошел к исследованию периода реформ, который ранее рассматривался с точки зрения столкновения интересов бояр и дворян (а также иногда, с течением времени все реже, посад). В этом ему помогло также определение роли дворянства в рассматриваемый период: давление общей массы дворянских интересов было весьма значительным. Тем не менее, непосредственное влияние этой прослойки феодального класса на дела управления государством далеко уступало ее удельному весу. Политическая слабость дворянства состояла в отсутствии у него необходимой корпоративной организации, недостаточном развитии социально-представительных органов, через которые оно могло бы участвовать в управлении государством»¹⁵⁴. Отсюда логично следует окончательный вывод, к которому Р.Г. Скрынников приходит после анализа политической истории интересующего нас десятилетия: «Избранную раду можно рассматривать как правительство компро-

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 79.

мисса лишь с существенными оговорками... уступки дворянству... не были равнозначны компромиссу»¹⁵⁵.

На наш взгляд, этот подход лишь на один шаг удален от полного отказа от определения «компромиссный» при оценке эпохи, ведь из сказанного выше ясно, что дворянство не представляло силу, позволившую ему конкурировать с боярством. Не была лишена функций в этом пункте ссылка Р.Г. Скрынникова на ленинское утверждение, определяющее политическую систему более широкой исторической эпохи¹⁵⁶, в котором аристократической боярской думе придается центральное значение на данном периоде развития самодержавной монархии¹⁵⁷.

Причиной того, что в конце концов Р.Г. Скрынников не отказался от использования определения «компромиссный», оставшись, следовательно, в итоге в рамках традиционной оценки эпохи, является то, что он противопоставил политическим событиям эпохи не реальный политический вес дворянства, а чаяния двух считающихся типичными представителями дворянства (И. Пересветова и Ермолая Еразма). И по сравнению с желаниями этих публицистов, реформы действительно могут быть истолкованы как компромиссные, между планами и реализацией действительно лежала пропасть¹⁵⁸. Однако вопрос остается прежним: был ли в действительности радикализм Ивана Пересветова и Ермолая Еразма типичным для настроений дворянства? Желали ли в действительности *служилые люди* эпохи дойти до границы, намеченной этими двумя публицистами? Я пишу «служилые люди», поскольку проблема, непосредственно вытекающая отсюда, имеет терминологическую природу: в каждом отдельном конкретном случае необходимо выяснить, говорим

¹⁵⁵ Там же. С. 127.

¹⁵⁶ Там же. С. 127.

¹⁵⁷ Ср.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 346; Т. 20. С. 121.

¹⁵⁸ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 124.

ли мы о дворянстве в широком (иначе говоря, характерном для более поздней исторической эпохи) или в узком (отражающем положение дел в середине XVI века) смысле этого понятия. Из сказанного выше ясно, что на практике повсеместно используется первое значение понятия. Это, в свою очередь, может внести путаницу в оценку периода, потому что собственно дворянство из-за своего привилегированного положения стояло ближе к боярству, чем провинциальные дети боярские, а значит и рождавшая «компромиссы» борьба шла не между ними. Если же понимать под дворянством широкие слои правящего класса, располагавшиеся под боярством, и квалифицировать упомянутых двух публицистов как типичных представителей этих слоев, то и тогда вызывает сомнение такой оценочный критерий, который выдвигает в качестве эталона требования, еще нереальные на данном этапе исторического развития, называя менее радикальным, менее прогрессивным, «компромиссным» шаг вперед, оказавшийся единственно реальным в объективных рамках социально-экономического развития, сложившихся в ходе длительной исторической эволюции, причем делает это во имя идеала, постулированного задним числом. Не говоря уж о том, что необходимо продумать до конца: действительно ли служит прогрессу то, что мы, правда, называем нереальными, но представляющими будущее целями? Следовательно: обоснованно ли определяются «компромиссными» (то есть, менее прогрессивными) распоряжения Избранной рады по сравнению с взглядами Пересветова (которые многие по праву называют в определенном смысле предвестниками опричнины)¹⁵⁹? Несомненно, первые были менее радикальными, однако совсем не очевидно, что они были одновременно и менее прогрессивными.

¹⁵⁹ Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследования социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 311.

Следующей задачей советской исторической науки стало специальное исследование совокупности реформ в зеркале новаторского толкования соотношения политических сил в России середины XVI века. Эту работу взял на себя Н.Е. Носов в своей огромной монографии, вышедшей в 1969 г.

После выхода этой книги многие вступили в спор с Н.Е. Носовым, но при этом ни один из критиков не оспаривал того, что автор постарался разместить реформы середины XVI века в новом, по сравнению с прежней точкой зрения, контексте. Еще менее оспаривалось значение использованного историком, в значительной степени им же добытого огромного материала и его интерпретации.

Однако уже С.О. Шмидт обратил внимание на своеобразный «жанр» этой книги. Наряду с подробным изложением той или иной проблемы, Н.Е. Носов более или менее пространно излагает вопросы, связанные с темой, пускается как в собственно исторические, так и в источниковедческие рассуждения, но его обобщения носят эпизодический характер, разбросаны по разным местам книги, в которой мы не находим настоящей обобщенной оценки¹⁶⁰. В скрытой форме С.О. Шмидт хотел выразить этим то, что смелые обобщения, размещенные во Введении, предварительная концепция в итоге остались недоказанными в этой огромной монографии, содержащей ценные результаты.

Посмотрим, что пишет Н.Е. Носов в самом начале своей книги: «Эпоха Ивана Грозного стоит на перепутье», потому что «вплоть до середины XVI в. наблюдается в целом такой интенсивный экономический подъем, который (при определенных благоприятных условиях) мог бы явиться началом весьма серьезных сдвигов во всех сферах ее жизни, сдвигов

¹⁶⁰ Ср.: Шмидт С.О. Рец. на кн. Н.Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России». Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969 // История СССР. 1971. № 1. С. 182–183.

буржуазного, вернее предбуржуазного, свойства»¹⁶¹. Следовательно, перед Россией до середины XVI в. стояла альтернатива — причем, по мнению Н.Е. Носова, реальная — которая позволила бы избежать победы крепостничества и самодержавия, более того, этот путь дал бы большие выгоды России — вот что выясняется из написанного Н.Е. Носовым введения, содержащего, по сравнению со своим объемом, целый ряд положений ключевой важности. Отсюда вытекает убеждение автора, что служение интересам централизованного государства не обязательно совпадает со служением самодержавию. Более того, в соответствии со сказанным выше, сторонники последнего должны считаться реакционерами, поскольку они задушили предкапиталистическое развитие. В этом случае роли меняются, и боярство, помимо того, что оно не было противником единого государства, «объективно» являлось более прогрессивным (хотя это определение не употребляется Н.Е. Носовым), ведь оно было в меньшей степени заинтересовано в изъятии черных земель и закрепощении, вследствие чего «его (боярства. — Д. С.) интересы иногда даже могли совпадать с интересами верхов купечества»¹⁶².

Переход предкапиталистического развития в капиталистическое, описывает далее ход русской истории XVI в. Н.Е. Носов, не состоялся из-за опричнины, отсюда такой резкий контраст между ней и «периодом реформ». Ведь реформы «закрепили политические устои сословно-представительной монархии и, казалось бы, способствовали укреплению государственного единства и централизации на базе широкой феодальной коалиции (объединения боярства с верхами дворянства), ограничения церковного землевладения и сравни-

¹⁶¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 9–10.

¹⁶² Там же, с. 11.

тельно широкого учета требований третьего сословия»¹⁶³. В этом, следовательно, состояла, согласно оценке Н.Е. Носова, сущность серии реформ 1550-х годов. Перечислим выводы автора еще раз: 1. Одновременное укрепление сословно представительной монархии и централизации. 2. Все это с помощью феодальной коалиции, из которой выпадают численно наиболее крупные массы феодалов, прослойки мелких и средних землевладельцев. 3. Ограничение феодальной земельной собственности в интересах последних. 4. Де-факто союз с «третьим сословием».

Помимо того, что эта конструкция уже сама по себе содержит противоречие (о котором будет сказано ниже), ее опровергает сам Н.Е. Носов через несколько строк после процитированного текста. Он пишет, что опричнину и закрепощение (со всеми его последствиями) можно было предотвратить, «если бы назревавшее в XV в. объединение посадов и черных волостей в борьбе против феодалов и феодального государства не было предотвращено (и парализовано) объединенными силами господствующего класса (и в том числе самого же боярства) еще в середине XVI в.»¹⁶⁴. Следовательно, тот же самый период реформ приводит к усилению и ослаблению «третьего сословия». В то же время, таким же парадоксальным образом тот же правящий класс, который ранее сплотился против сил, ведущих против него классовую борьбу (нескольким строками ниже) сплачивается и против опричнины, ведь, по мнению Н.Е. Носова, реформы Избранной рады были «непосредственно направлены на предотвращение уже тогда явно маячивших на политическом горизонте опричных порядков»¹⁶⁵.

Можно подойти ближе к решению, если выяснить, какие социальные силы Н.Е. Носов относит к правящему классу. Во-первых, как мы видели, правление Избранной рады он

¹⁶³ Там же, с. 12.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С. 13.

описал как союз боярства и дворянства. Говоря же о сплоченности против посада, он пишет о правящем классе вообще, то есть, очевидно, истолковывает его в самом широком смысле. Присваивая же Избранной раде одновременно и историческую заслугу противостояния опричнине, Н.Е. Носов удаляет из нее придворную бюрократию и столичное дворянство; ведь «и более крепостнически настроенные слои... повернули страну на рельсы опричнины»¹⁶⁶. По логике вещей из этого следует, что основной социальной базой периода реформ остается боярство, которое, правда в определенной степени благоволило и «третьему сословию», но в итоге больше вредило ему, чем приносило пользу, и что борьба внутри правящего класса шла между светскими и церковными феодалами.

Интересно, что концепции Н.Е. Носова и М.И. Покровского имеют много общих черт (даже в своей непоследовательности), что обусловлено их во многом схожими исходными точками («торговый капитал» у М.И. Покровского, «третье сословие» у Н.Е. Носова). Этих двух историков сближает и то, что оба они делали основным критерием оценки интересы народа (и вместе с этим прогресса в целом).

Несмотря на огромный материал, использованный Н.Е. Носовым, доказательный аппарат историка, как на это часто указывали¹⁶⁷, оказался недостаточным, чтобы заставить принять основное положение, высказанное в книге, которое заключается в том, что буржуазное развитие было *реальной* альтернативой развития России в конце XV – первой половине XVI в. В конечном итоге отсюда проистекают и показанные выше концептуальные противоречия историка. Ведь, если не принимать во внимание кажущийся передержанным тезис о «капиталистической альтернативе», то в основном

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Ср. рецензии С.О. Шмидта (История СССР. № 1. С. 182–183) и Л.В. Черепнина (Вопросы истории. 1970. № 6. С. 140–141), а также очерк А.М. Сахарова (В кн.: Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. I. М., 1988. С. 32).

утверждения Н.Е. Носова, касающиеся «периода реформ», мы считаем приемлемыми, составляющими в совокупности такую теоретико-методологическую базу, которая дает возможность вытеснить из историографии вопроса традиционный негибкий подход.

Если критики сочли недостаточными доказательства в пользу сказанного во введении книги о «русском третьем сословии», то нельзя утверждать, что монография Н.Е. Носова не подтвердила убеждение ее автора в отношении того, что «она позволяет взглянуть на все реформы 50-х годов XVI в. несколько с иных позиций, чем это обычно принято в советской и зарубежной историографии...»¹⁶⁸. Прослеживая историю «земской реформы», Н.Е. Носов подвергает исследованию почти все правительственные распоряжения с 1549 г. до второй половины следующего десятилетия и убедительно документирует, что они отнюдь не были антибоярскими. Их сущность, скорее, заключалась в «примирении» между царем и боярством, с одной стороны, и широкими слоями поднимающегося дворянства, а также «лучшими» посадскими и волостными черными мужиками, с другой...¹⁶⁹. «Земская реформа» и отмена кормлений доказывает, что состоялся политический компромисс «не двух (боярства и дворянства), а трех (боярства, дворянства и купечества) сил. Правда, компромисс с явным господством боярства и дворянства, но все же... компромисс. Именно он давал возможность растущему русскому самодержавию превратиться в особую, самодовлеющую над всеми слоями русского общества политическую силу...»¹⁷⁰. И поскольку Н.Е. Носов на один из поставленных им вопросов (была ли отмена кормлений для боярства «даже в какой-то степени выгодна, поскольку закрепляла его привилегированное положение в го-

¹⁶⁸ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений... С. 13.

¹⁶⁹ Там же. С. 74.

¹⁷⁰ Там же. С. 385.

сударстве уже в рамках складывающегося в стране сословно-представительного строя») дает положительный ответ, а на другой («были ли противоречия между боярством и во всяком случае верхами дворянства так существенны и радикальны, что именно они определили политические судьбы России середины XVI в.»¹⁷¹) — отрицательный, он действительно решительно отходит от традиционной интерпретации «компромиссной» политики. Тем самым историк, (несмотря на то, что в этой конструкции он придает слишком большое значение «третьему сословию» в ущерб выделению интересов казны и обнаруживает некоторую неуверенность при определении дворянства, или его верхнего слоя) приходит к важному выводу, что движущей пружиной политической истории периода реформ были не противоречия между боярами и дворянами (в широком смысле этого понятия). Благодаря этому русская история XVI в. на самом деле попала в совершенно иную перспективу.

Неоспоримой заслугой Н.Е. Носова является то, что он как методически, так и методологически дал новый толчок исследованиям реформ середины XVI столетия. Однако в его книге методика и методология в конце концов расходятся друг с другом, и, как мы видели, критики Н.Е. Носова отрицали, что его преконцепцию можно считать доказанной. И если Н.Е. Носов не сумел осуществить гармоничное единство индуктивного и дедуктивного методов исследования, то в каждом из них он достиг определенных результатов. В области методики он доказал, что еще далеко не исчерпаны возможности привлечения новых источников, иными словами, по-прежнему сохраняется необходимость в фундаментальных исследованиях. С другой стороны, в отношении исторической концепции в целом он пришел к выводу, что для удовлетворительного раскрытия проблематики нужны новые оценочные критерии, необходимо переосмысление закономерностей исторического развития средневековой России.

¹⁷¹ Там же.

В последующий период, продолжающийся вплоть до наших дней, в исследовании реформ ученые двигались именно в этих двух направлениях.

Нельзя сомневаться, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов внимание исследователей обратилось в первую очередь в сторону второго направления, т.е. в сторону общих вопросов теоретического значения. Это было время дискуссий, возбудивших все историческое общественное мнение в СССР, дискуссий, значение которых с точки зрения советской марксистской исторической науки трудно переоценить. В связи с этими дискуссиями нам хотелось бы указать на их непосредственную связь с изучением интересующей нас проблемы, отчасти, поскольку эта последняя иногда представляла собой часть исторической концепции, отчасти, поскольку полемика поставила реформы середины XVI века в новый исторический контекст, в рамки, по-иному изображаемого процесса исторического развития, что объективно оказало обратное действие на оценку этих реформ.

Конечно, в этих дискуссиях (мы здесь имеем в виду прежде всего дискуссию об абсолютизме на страницах журнала «История СССР»¹⁷², а также тесно связанную с проблемой абсолютизма полемику о переходе от феодализма к капитализму в России)¹⁷³ следует искать не непосредственную «выгоду», приложимую к анализу реформ середины XVI века, ведь оценкой последних участники дискуссий обычно не занимались. Гораздо более важными были ссылки некоторых участников дискуссий на новые аспекты исследований, возможности иного подхода к проблемам, недостатки прежнего изучения. Эти участники

¹⁷² Ср. следующие номера журнала «История СССР»: 1968. № 2, 4, 5; 1959. № 1, 3, 6; 1970. № 1, 4; 1971. № 1, 3, 4; 1972. № 4, а также: *Чистозвонов А.Н.* Некоторые аспекты генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 168. 5.

¹⁷³ Документы советско-итальянской конференции историков (8–10 апреля 1968 года). М., 1970.

дискуссий набросали контуры такой новой методологической базы, опираясь на которую советская историческая наука имеет возможность успешно двигаться по пути решения более сложных проблем, возникающих на новом этапе ее развития.

Однако, наряду с общими положениями принципиального характера, в ходе полемики сложилось множество мнений, определенно указавших место XVI столетия в социально-политическом развитии России и расположивших тем самым косвенно реформы середины XVI в. в широком историческом процессе. Большое значение, например, имело поражение, нанесенное на всесоюзной дискуссии 1965 г. «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой»¹⁷⁴ точке зрения, согласно которой начало развития капитализма в России датировалось XVI веком. Представителями этой точки зрения были, прежде всего, С.Г. Струмилин¹⁷⁵, а также Д.П. Маковский¹⁷⁶. Многие положения доклада, подготовленного к дискуссии под руководством Н.И. Павленко, вызвали оживленные споры, однако большинство участников дискуссии согласилось со следующей оценкой: «Время с конца XV века (или с XVI века, как считают некоторые историки) действительно было переломным в истории России. Но перелом сопровождался развитием не капиталистических, а феодальных отношений: укреплялась феодальная собственность на землю, расширялось дворянское землевладение за счет черносошных, дворцовых и пустовавших земель и захватов новых территорий на юго-востоке, в Поволжье, Приуралье. С ликвидацией феодальной раздробленности и образованием единого

¹⁷⁴ Ср.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969.

¹⁷⁵ Ср.: Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. 1961. № 9.

¹⁷⁶ Ср.: Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства. Смоленск, 1963.

русского государства крепостничество принимает все более суровые формы¹⁷⁷. Из этого следует, что интересующий нас непосредственно XVI в. «был периодом прогрессирующего феодализма. Спорадически возникавшие очаги капиталистических отношений не были устойчивыми, не составляли системы общественных отношений»¹⁷⁸.

Дискуссия о генезисе капитализма в России пролила свет на множество новых обстоятельств, способствовала более четкому выражению определенных взглядов, помогла добиться большего единства в выработке оценочных критериев, а главное — дала толчок новым исследованиям. Но не менее важен и тот простой факт, что по вопросу определяющего значения при проведении дискуссии была проявлена необычайная активность (в ней приняло участие около 300 историков)¹⁷⁹, столкнулись самые различные точки зрения, что жизненно важно для развития науки, для создания атмосферы открытой дискуссии, обеспечивающей это развитие. В этой благоприятной творческой атмосфере представилась возможность и к тому, чтобы некоторые ученые сделали поистине программные заявления по поводу проблем понимания истории. С мнением большинства венгерских историков, которые примерно в то же время вели ожесточенную полемику о «националистическом» и «космополитичном» (эти ярлыки нередко были склонны присваивать друг другу спорящие стороны) подходе к изучению венгерской истории, было созвучно, например, следующее замечание А.Л. Шапиро: «Меня несколько насторожило выступление Н.П. Долинина, который говорил, что ни разум, ни душа не приемлют очень значительной экономической отсталости России в прошлом. Но если в таких вопросах оперировать таким понятием, как

¹⁷⁷ Переход от феодализма к капитализму в России / Отв. ред. В.И. Шунков. М., 1969. С. 19.

¹⁷⁸ Там же. С. 35.

¹⁷⁹ Там же. С. 4.

душа, придется признать недопустимость отсталости не только на 150 лет, но и на 10 лет. Тогда уж придется признать, что в XVI в. экономически отсталой страной была не Россия, а Англия. Историк обязан восстанавливать объективную картину, а не писать то, что душе угодно. Что же касается до национальной гордости, то она не может быть ущемлена тем, что в силу неблагоприятных исторических условий страна была когда-то экономически отсталой...»¹⁸⁰.

Собственно говоря, продолжением дискуссии о переходе от феодализма к капитализму стал обмен мнениями о русском абсолютизме, организованный редакцией журнала «История СССР» (большинство мнений, высказанных на страницах журнала, было более лаконично изложено несколько ранее, на советско-итальянской конференции историков в 1968 г.). Это произошло по той простой причине, что определенная связь между русским капитализмом и русским абсолютизмом существует. Но дискуссия о последнем была связана с предыдущей темой еще и вследствие того, что на ней были подняты сходные проблемы, касающиеся понимания истории, причем в рамках такого же здорового обмена мнений, где были представлены самые крайние точки зрения.

В нашу задачу не входит подробное изложение дискуссии, охватившей временной период до начала XX века. В целом нам хотелось бы лишь отметить, что ее участники были гораздо более единодушны в критике окостеневших историографических традиций, нежели в вопросах, связанных с причинами и временем складывания абсолютизма, его характером, исторической ролью и определением. Мнение многих было выражено в словах М.П. Павловой-Сильванской: «Авторы исходят, по выражению А.Я. Авреха, из «генеральной идеи» о равновесии, как социальной атмосфере возникновения абсолютизма, а на практике подменяют ее данными о развитии товарного производства в недрах фео-

¹⁸⁰ Там же. С. 185.

дализма и обострении классовой борьбы. К этому неизбежно приводит попытка распространить, исходя из представления о полном единстве и однолинейности исторического развития, вывод, сделанный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом по отношению к ряду европейских государств, на Россию»¹⁸¹.

В конце концов в ходе полемики действительно была отвергнута теория равновесия, до основания потрясенная во вступительной статье А.Я. Авреха, в конечном итоге было достигнуто единогласие и в отрицании «полного единства» исторического развития России и Запада. Однако это не мешает одним ученым видеть в «относительном своеобразии» (выражение Г.В. Плеханова)¹⁸² скорее относительность¹⁸³, а другим — в основном, своеобразии¹⁸⁴.

Что касается XVI столетия, можно сказать, что на дискуссии сложилось мнение, согласно которому и в это время еще нельзя говорить об абсолютизме¹⁸⁵. Иную точку зрения по этому вопросу высказал Л. Шапиро, который, опираясь на две работы В.И. Ленина (где последний поставил знак равенства между абсолютизмом и самодержавием), а также подчеркивая сущность абсолютизма как *формы государства* рассматривал абсолютизм и качестве надстроечного явления и отнес его складывание в России к XVI веку¹⁸⁶. Поскольку в этом процессе историк придавал особое значение опричнине,

¹⁸¹ Павлова-Сильванская М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 76.

¹⁸² Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XX. М. – Л., 1925. С. 11–13.

¹⁸³ Мы имеем в виду прежде всего статью А.М. Давидовича и С.А. Покровского «О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма» (История СССР. 1969. № 1).

¹⁸⁴ В дискуссии эта точка зрения была представлена статьей М.П. Павловой-Сильванской (см.: Указ. соч. С. 82).

¹⁸⁵ Ср., напр.: Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 61.

¹⁸⁶ Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 70.

мы подробно рассмотрим его точку зрения в статье об опричнине. Здесь же нам хотелось бы выделить его крайне важное утверждение, касающееся «двоевластия» середины XVI века (которое было характерно уже для правления Ивана III): «Хотя в конце 1540–1550-х гг. сделаны были дальнейшие шаги к утверждению самодержавия, форму политического строя и для этого времени правильнее характеризовать как разделение власти царя и Боярской думы. При правительстве Избранной рады, пытавшемся согласовать интересы боярства и дворянства, в России была несамодержавная монархия с Боярской думой и сословно-представительными учреждениями»¹⁸⁷.

Хотя и не на страницах «Истории СССР», но в одно время с дискуссией вышла в свет статья А.Н. Чистозвонова, которая выделялась уже тем, что ее автор, оперируя сравнительно-историческим методом, рассмотрел русский абсолютизм в ряду абсолютных монархий западных стран и попытался дать типологизацию последних. Проведя такое сравнение, А.Н. Чистозвонов отделил русский абсолютизм от англо-французского, «классического», поставив первый рядом с австрийским, прусским, отчасти, испанским абсолютизмом и отнеся его к категории (пользуясь ленинским определением) «крепостнического абсолютизма». Начало складывания русского абсолютизма А.И. Чистозвонов, как и А.Л. Шапиро, приурочил к эпохе Ивана IV¹⁸⁸.

Поскольку абсолютизм по существу является высшей стадией централизованного государства при феодализме, в дискуссии о русском абсолютизме неизбежно была поднята и проблема русского централизованного государства.

В связи с этим, прежде всего, нужно упомянуть имя А.М. Сахарова, который в появившемся в 1969 г. учебном пособии «Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.» не обнаружил в истории России социально-

¹⁸⁷ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 73.

¹⁸⁸ Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 62, 55.

экономической основы не только для абсолютизма¹⁸⁹, но и для централизованного государства, поэтому он не применил к России понятие централизованного государства¹⁹⁰, широко распространенное в советской исторической науке, главным образом после выхода в свет большой монографии Л.В. Черепнина¹⁹¹. С точки зрения рассматриваемой нами темы очень важно, что, по мнению А.М. Сахарова, необходимость централизации возникла именно как ответ на борьбу боярских группировок 1540-х годов. Ведь эта борьба привела к усилению классовой борьбы, вследствие чего «борьба между соперничавшими группировками убедила господствующий класс — не только дворянство, но и многих крупных светских и духовных феодалов — в необходимости государственной централизации»¹⁹².

Заметно, что А.М. Сахаров в своем учебном пособии применил положение, широко распространенное в советской исторической науке. В то же время не совсем ясна хронология событий. Кажется, А.М. Сахаров датирует начало этой новой политики уже первой половиной 1540-х годов, хотя по-настоящему решительный шаг в этом направлении связывается им опять-таки с московским восстанием 1547 г.¹⁹³. Новым моментом представляется то, что среди причин усиления централизации историк придавал значение и нуждам, связанным с обороной от внешней опасности¹⁹⁴.

¹⁸⁹ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 88–89.

¹⁹⁰ Ср. также: Сахаров А.М. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1976. № 6.

¹⁹¹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

¹⁹² Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства... С. 92.

¹⁹³ Там же. С. 92–93.

¹⁹⁴ Там же. С. 92.

Оценивая политику Избранной рады, А.М. Сахаров снова прибегает к традиционному определению «компромиссная». Однако большее значение имеет то, что он описывает эту политику в качестве «реального компромисса», который был в полном соответствии с социально-экономическим порядком в стране: «Как ни тяготела царская власть к дворянству, она все же не могла отбросить феодальную аристократию. Поэтому оформившийся в середине XVI столетия государственный строй был самодержавием с боярской думой и боярской аристократией, как характеризовал его В.И. Ленин. Этот строй защищал интересы господствующего класса в целом, он был его орудием в классовой борьбе и имел заметные черты компромисса между различными слоями господствующего класса — служилыми людьми, светской феодальной аристократией и церковью»¹⁹⁵. В этой формуле заслуживает внимания появление, наряду с двумя «постоянными» участниками компромисса, боярством и дворянством, третьего члена, церкви, которая заняла место посада, фигурировавшего у М.Н. Покровского на видном месте, у И.И. Смирнова — декларативно, а позже у Н.Е. Носова, снова получившего существенное значение.

Но еще важнее то, что А.М. Сахаров применил эту разновидность компромисса (т.е. трехполусность социально-политической системы) не только для характеристики событий одного десятилетия, но и для диалектического описания более длительного исторического периода: «Формы этого компромисса и соотношения взаимодействовавших в нем сил менялись, но сущность оставалась прежней в течение довольно длительного времени, пока не определились черты нового этапа в развитии феодальной монархии — перехода ее к абсолютизму»¹⁹⁶.

Уже на основании сказанного выше видно, что в отношении определения формы русского государства XVI в. пе-

¹⁹⁵ Там же. С. 95.

¹⁹⁶ Там же. С. 95–96.

ред нами открывается очень пестрая картина, даже если учесть лишь наиболее значительные монографии. И.И. Смирнов считает его самодержавием, причем самодержавием, ограниченным боярской думой и боярской аристократией¹⁹⁷. А.А. Зимин, в противоположность этому рассматривает русское государство до 1549 г. сословной монархией, которая далее развивается в сословно-представительную монархию¹⁹⁸. Мнение Р.Г. Скрынникова в отношении периода до 1566 г. по существу совпадает с мнением И.И. Смирнова, однако русское государство после 1566 г. он считает сословно-представительной монархией¹⁹⁹. Н.Е. Носов как раз наоборот представляет себе доопричное государство середины века в качестве сословно-представительного, а позднее — в качестве военно-феодальной диктатуры²⁰⁰. Л.В. Черепнин определяет централизованное государство одновременно как сословно-представительное, начиная с конца XV в.²⁰¹

В 1970 г. А.А. Зимин попробовал прояснить эту терминологическую путаницу в поднимающей принципиальные вопросы статье «В.И. Ленин о “Московском царстве” и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века». В этой статье историк, ссылаясь на классиков марксизма, практически исключил из истории феодальных государств период централизованного государства²⁰². В то

¹⁹⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 262.

¹⁹⁸ Ср.: Зимин А.А. В.И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века // В кн.: Актуальные проблемы России эпохи феодализма. М., 1970. С. 288–293.

¹⁹⁹ Ср.: Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 246–247. Правда, Р.Г. Скрынников делает здесь оговорку, что террор быстро покончил с соборной практикой.

²⁰⁰ Ср.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений... С. 53.

²⁰¹ Ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 61–62, 68, 105.

²⁰² Зимин А.А. В.И. Ленин о «Московском царстве»... С. 291.

же время достаточно обратиться к произведению Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», в которой автор внутри феодальной системы использует термин «политическая централизация»²⁰³. По всей видимости, в данном случае А.А. Зимин, как и А.М. Сахаров, имел в виду относительную социально-экономическую отсталость России по сравнению со странами западной части Европы, то есть он не нашел в России социально-экономических предпосылок централизации. Только последние не просто определить количественно; иначе говоря, вряд ли найдется историк, который взялся бы установить, сколько процентов населения должно быть жителями городов (ремесленниками, купцами), какого уровня должен достичь годовой денежный оборот в стране, какой процент крестьянских повинностей должен уплачиваться деньгами и т.д., чтобы можно было говорить о наличии материальной основы централизации. В то же время множество элементов *политической* централизации имелось (хотя и в стадии постепенного формирования) в России в XVI в., поэтому едва ли можно обойтись без термина «централизация».

Следующий вопрос, требующий ответа, состоит в том, в каком отношении находились централизация и сословно-представительная форма. Изучение этого вопроса, по всей видимости, можно было бы продвинуть вперед с помощью сравнительно-исторического метода²⁰⁴. Мы лишь заметим, что, например, в венгерской марксистской историографии сложилась такая общая точка зрения, согласно которой централизованное государство считается одновременно сословным, но при этом не всякое сословное государство рассматривается как централизованное. Эта точка зрения подтверждается тем общеевропейским явлением, которое

²⁰³ Маркс, К.; Энгельс, Ф. Сочинения. Т. VII. С. 348.

²⁰⁴ Одна из таких попыток: Черепнин Л.В., Пауто В.Т. Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопросы истории. 1978. № 2.

говорит о невозможности перевернуть хронологически отношение между сословностью и централизацией, то есть приводит к выводу, что централизация вырастает из сословности. Это наблюдение — независимо от материальной основы централизации — противоречит мысли о возникновении русского централизованного государства в конце XV в. и заставляет искать решающие шаги на этом пути именно в период реформ середины XVI в.

Новые принципиальные проблемы поднимает отношение между сословностью и самодержавием. Многие указывали на тот парадоксальный факт, что в России сословно-представительная форма возникла как раз во время опричнины. Но еще более срочной задачей является точное определение понятия «самодержавие» и его отделение от понятий «централизованное государство», «абсолютизм», «деспотизм». Точнее: можно ли отделить это понятие от остальных? В.В. Мавродин с полным правом напоминает в своей статье «Феодальная Россия в трудах В.И. Ленина», что В.И. Ленин употреблял понятия абсолютизм и самодержавие в качестве синонимов²⁰⁵. Но именно В.И. Ленин определил форму русского государства XVII в. как самодержавие, ограниченное боярской аристократией и ее представительным органом, боярской думой²⁰⁶, что указывает на то, что В.И. Ленин не считал применимым к XVII в. отождествление в историческом смысле абсолютизма и самодержавия, проведенное им в отношении к своей эпохе. Следовательно, Р.Г. Скрынников совершенно прав, когда он считает, что понятие «самодержавие» в этом смысле можно распространить и на XVI век²⁰⁷, и это подтверждается тем, что им пользовались в то время в качестве перевода греческого термина «автократия». Конечно, автократическая власть была характерна и

²⁰⁵ Мавродин В.В. Феодальная Россия в трудах В.И. Ленина // Вопросы истории. 1970. № 4. С. 174.

²⁰⁶ Ср.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346; Т. 20. С. 121.

²⁰⁷ Скрынников Р.Г. Опричный террор... С. 228.

для абсолютизма, и для деспотизма, однако с той существенной разницей, что их не ограничивала боярская аристократия. Таким образом, возвращаясь к нашему первоначальному вопросу, можно сказать, что самодержавию не противоречит наличие земских соборов — как и сословно-представительные учреждения сами по себе не исключают абсолютизма. Только в этой системе они в меньшей степени выполняют первоначальную сословно-представительную функцию (ограничение центральной власти), а скорее, именно государственная власть обращается за помощью к стоящим ниже боярства слоям населения (в первую очередь к служилому дворянству) с целью уравновесить действительную представительную (то есть, ограничительную) роль боярства. Поэтому, может быть, стоит задуматься над предложением Л.В. Даниловой (первоначально — Е.В. Гутновой) употреблять вместо выражения «сословно-представительная монархия» термин «феодалная монархия с сословным представительством»²⁰⁸.

Многим из затронутых выше вопросов уделил внимание С.О. Шмидт в опубликованной в 1973 г. книге «Становление Российского самодержавства». В этой книге, которая по существу представляет собой сборник из трех не слишком тесно связанных друг с другом статей, автор обобщил свои исследования о земских соборах²⁰⁹ под заголовком «Становление “земских соборов”». Это обобщение, между прочим, дало возможность С.О. Шмидту еще раз подтвердить свою точку зрения, немногим ранее ставшую предметом решительной критики со стороны Н.И. Павленко. Последний в опубликованной в 1968 г. статье «К истории

²⁰⁸ Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // В сб.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС... С. 74.

²⁰⁹ Ср.: Шмидт С.О. Соборы середины XVI в. // История СССР. 1960. № 4; *Он же*. К истории соборов XVI в. // Исторические записки. 1964. Т. 76.

земских соборов XVI в.» считал преувеличением, что новейшие исследования выявили в XVI столетии больше земских соборов, чем их было известно из XVII в. На основании этого Н.И. Павленко задал вопрос: «Как увязать представления о деспотическом режиме Ивана Грозного с тем, что он (если учитывать новые данные о земских соборах) всякий раз, пользуясь терминологией К.С. Аксакова, вступал в «объяснения» с «народом» (вводит или не вводит опрочину, идти ли в поход на Казань, как организовать отпор крымцам т.д.)²¹⁰? К подобным абсурдным выводам историческая наука может прийти только при отсутствии точного определения, писал И.И. Павленко, «без дефиниции земского собора, совещания соборной формы и т.п. спор о земских соборах XVI в. может стать беспредметным»²¹¹.

Реагируя на эту критику, С.О. Шмидт высказался за иную методику изучения земских соборов: «Историю соборов можно изучать только в теснейшей связи с конкретно-историческими обстоятельствами. При этом желательно было бы в определенной мере отрешиться от представлений о заранее якобы известной модели земского собора, а также его дефиниции»²¹². В связи с этим историк упомянул, что «термин “земский собор” в XVI в., вероятно, еще не употреблялся»²¹³. Однако, несмотря на все это, сомнительно, можно ли, ссылаясь на «зигзагообразный» путь становления этого учреждения, пренебречь при его изучении дефиницией, хотя С.О. Шмидт, видимо, прав в том, что при определении понятия «земский собор» к нему нельзя автоматически применять западноевропейский шаблон²¹⁴. В споре о зем-

²¹⁰ Павленко Н.И. К истории земских соборов XVII в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 85.

²¹¹ Там же. С. 105.

²¹² Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства... С. 129.

²¹³ Там же. С. 132.

²¹⁴ Там же. С. 129.

ских соборах следующее слово было сказано Л.В. Черепниным, который сделал попытку разграничить различные типы соборов и занял среднюю позицию между точкой зрения С.О. Шмидта, насчитывавшего более десяти земских соборов XVI в., и точкой зрения Н.И. Павленко, признававшего в этом столетии три земских собора²¹⁵.

В книге С.О. Шмидта рассмотрены еще две темы. Одна из них, московское восстание 1547 г., активно изучалась и ранее, однако С.О. Шмидт впервые попытался реконструировать историю восстания на основе критического анализа всех доступных источников. Наконец, третья статья, помещенная в книгу, носит название «Местничество и абсолютизм» и, как на это указывает ее подзаголовок, имеет своей целью «постановку вопроса». В связи с этим автор сделал заслуживающие внимания замечания о роли местничества, при оценке которого в исторической науке в последнее время обычно подчеркивали его негативный характер по отношению к центральной власти. В противоположность этому С.О. Шмидт выдвинул на первый план «двойственную политическую природу» местничества²¹⁶. Согласно такой точке зрения: «Местничество явилось своеобразным компромиссом центральной власти с верхушечными группировками феодалов и этих группировок между собой. Центральная власть рассчитывала использовать местничество как средство преодоления остатков феодальной раздробленности и, опираясь на служебное начало местнической системы, еще подчинить себе княжат»²¹⁷.

Уже заголовок заключительной статьи говорит о том, что С.О. Шмидт не возражал против датировки начала русского

²¹⁵ Ср.: Черепнин Л.В. К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) // История СССР. 1974. № 5.

²¹⁶ Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства... С. 276.

²¹⁷ Там же.

абсолютизма XVI веком. В процессе становления последнего историк вместо социально-экономических предпосылок выделил процесс бюрократизации, распространения бюрократии²¹⁸. Конкретно С.О. Шмидт (правда, в вопросительной форме) считал похожими на реформы западно-европейских абсолютных монархий именно реформы, осуществленные Избранной радой²¹⁹. В связи с этим нам хотелось бы заметить, что, по всей видимости, можно подойти ближе к истине, сделав попытку провести различие между историческими этапами понятиями централизации и абсолютизма, с какими бы трудностями мы не столкнулись при реализации такой попытки на конкретном историческом материале.

Подводя итоги, можно сказать, что, хотя в книге С.О. Шмидта исследована лишь малая часть социально-политической истории XVI в., в рамках изученных проблем историк выполнил значительную исследовательскую работу. Не менее ценны многочисленные историографические замечания С.О. Шмидта, его методические указания в отношении дальнейшего изучения темы. Среди последних важнее всего то, что С.О. Шмидт обратил внимание на почти нехоженный путь в изучении реформ середины XVI в.: на необходимость сравнительного подхода в масштабах всемирной истории, с помощью которого централизацию в России того времени можно было бы сравнить с централизацией в современных ей западноевропейских странах²²⁰.

С.О. Шмидт не случайно ссылается в том числе и на задачи, стоящие в области привлечения новых источников и критики источников²²¹. После важных теоретических дискуссий конца 1960-х – начала 1970-х гг. в середине 1970-х гг. в изучении реформ середины XVI в., на первый план снова вышли фундаментальные исследования.

²¹⁸ Там же. С. 309–310.

²¹⁹ Там же. С. 311.

²²⁰ Там же. С. 308–310.

²²¹ Там же. С. 10.

Несколько статей было посвящено источниковедческим вопросам, связанным со структурой и составом «двора», и в этом факте воплотилось стремление историков пролить с помощью привлечения новых источников свет на остававшиеся до сих пор в тени подробности социально-политической истории середины XVI в. Б.Н. Флоря указал на то, что текст так называемой «Дворовой тетради», со времени выхода в свет монографии А.А. Зимина, служившей основным источником информации относительно «двора» середины века, в дошедших до нас копиях настолько изменился, что не дает достоверного ответа на вопрос: каково было первоначальное ядро «двора», какие изменения оно претерпело позже, и сколько членов насчитывал «двор»²²². В появившемся в 1975 г. сборнике статей «Общество и государство феодальной России» В.Д. Назаров и В.И. Буганов пошли дальше по этому пути и постарались дополнить и уточнить данные «Дворовой тетради», ценность которой как источника была поколеблена, с помощью других источников. В.Д. Назаров обратился к отрывкам подлинников боярских списков конца 40-х годов XVI в.»²²³ в то время как В.И. Буганов — к разрядным книгам²²⁴, что позволило обоим ученым сделать важные выводы. В.Д. Назаров в 1976 г. сделал существенные методические предложения и относительно расширения источниковедческой базы изучения центральных учреждений²²⁵. Также с привлечением новых источни-

²²² Флоря Б.Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археологический ежегодник за 1973 г. С. 57.

²²³ Назаров В.Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 51.

²²⁴ Буганов В.И. К изучению состава «Государева двора» XVI в. // Общество и государство феодальной России... С. 61.

²²⁵ Назаров В.Д. Из истории центральных и государственных учреждений России середины XVI в. (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76–77.

ков связано и повторное обращение А.А. Зимина к проблеме «избранной тысячи».

Сославшись именно на «Дворовую тетрадь» и на писцовые книги, А.А. Зимин подкрепил свое, встреченное многими скептически, мнение о том, что реформа избранной тысячи не была осуществлена на практике²²⁶. Наряду с этими статьями, посвященными отдельным проблемам, были сделаны и попытки обобщить достигнутые результаты в репрезентативной форме. Этой цели служило двухтомное издание МГУ «Очерки русской культуры XVI века». Во вступительной статье к этому изданию А.М. Сахаров попытался обрисовать путь исторического развития России в XVI веке. Наряду с наличием в его оценке реформ середины XVI века традиционных моментов, нужно выделить то, что рядом с термином «компромисс» историк поставил определение «вынужденный», чем снова подчеркнул вес боярства в социально-политической жизни²²⁷. Между прочим, на наш взгляд, в одном пункте можно заметить отклонение от прежнего мнения А.М. Сахарова и новейшей советской историографии вообще. А именно, в своей концепции автор еще сильнее подчеркивает фактор «внешней опасности», занимавший видное место уже в пособии «Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. У нас создается впечатление, что историк оставил сравнительно неразработанными внутренние факторы создания сильной центральной власти, зато тем подробнее остановился на роли внешней функции государства как катализатора в этом процессе. Это привело его к выводу, что «органическая связь развития централизованного государства с решением внешнеполитических проблем, более того — невозможность создания и укрепления этого государства без активной внешней политики — для России оказались специфическими, обу-

²²⁶ *Зимин А.А.* К изучению реформ «Избранной рады» // История СССР. 1976. № 4. С. 159.

²²⁷ *Сахаров А.М.* Россия и ее культура в XVI веке // Очерки русской культуры XVI века. Ч. I. М., 1977. С. 25.

словенными вполне конкретными историческими обстоятельствами»²²⁸.

Во втором томе «Очерков» А.К. Леонтьев посвятил отдельную статью характеристике государственного строя, права и суда в России XVI в. В отличие от А.М. Сахарова он употребил термин «централизованное государство» и установил: «С середины XVI в. политический строй в России принимает форму сословно-представительной монархии, характерную для ряда европейских феодальных монархий в период становления и укрепления централизованных государств»²²⁹. В то же время А.К. Леонтьев утверждал и следующее: «Феодальная монархия еще не приобрела характера абсолютной, при которой господствующий класс отстранялся от прямого участия в управлении, а вся полнота власти безраздельно и бесконтрольно принадлежала монарху, опиравшемуся на развитый бюрократический аппарат, армию и полицию»²³⁰. В итоге централизация, последовательно проводимая московскими великими князьями с конца XV в., по мнению А.К. Леонтьева, потому характеризовалась «половинчатостью и незавершенностью», что «острые классовые и внутриклассовые противоречия и борьба» вынуждали правительство на «колебания и временные отступления»²³¹.

Через год после появления этого двухтомника, рассчитанного на массового читателя, любители истории смогли познакомиться, по всей видимости, с одной из значительных монографий 70-х гг., книгой Л.В. Черепнина «Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв.». Поскольку хронологические рамки этой книги значительно шире темы данной работы, мы не беремся дать ее всесторонний анализ. Нам приходится удовлетвориться рассмотрением терминологичес-

²²⁸ Там же. С. 28.

²²⁹ Леонтьев А.К. Государственный строй, право и суд // Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. II. М., 1977. С. 10.

²³⁰ Там же. С. 6.

²³¹ Там же. С. 32.

кого, классификационного эксперимента Л.В. Черепнина, который, учитывая вековые разногласия по поводу земских соборов, должен быть назван необычайно перспективным.

При определении понятия «земский собор» Л.В. Черепнин исходил из определения современников; он установил, что «для современников земский собор — это совещание представителей “земли”, посвященное государственному строительству: “совет” “об устройении земском”, “о чинах, судах и управах земских”»²³². А поскольку термин «земский собор» отсутствует в документах XVI в., под «собором» же понималось совещание церковников, Л.В. Черепнин считал более удачным термин «земский совет»²³³. Но еще важнее названия, по мнению историка, классификация соборов середины XVI в. В связи с этим он перечислил несколько возможных критериев. Среди них наиболее важным можно считать «назначение собора или содержание его работы», на основании которого, согласно суждению Л.В. Черепнина, земскими соборами можно назвать лишь совещания, занимавшиеся так называемой «большой политикой». Отсюда следует, что из этого понятия нужно исключить так называемые «войсковые собрания», совещания, на которых «разбирались дела как церковные, так и государственные, в частности судебные», и, наконец, совещания, на которых Иван IV «обращался с воззваниями или политическими декларациями к людям разных “чинов”»²³⁴. Но эти последние хорошо различимы и на основании двух других критериев: 1) характера представительства и 2) происхождения или генетической связи с учреждениями предшествующего времени.

С помощью перечисленных критериев Л.В. Черепнин успешно справился с задачей научной систематизации, стоящей на повестке дня из-за непроясненности терминологии. Ему удалось, таким образом, избежать крайних точек

²³² Черепнин Л.В. Земские соборы... С. 64.

²³³ Там же. С. 66.

²³⁴ Там же. С. 66.

зрения, представленных С.О. Шмидтом и Н.И. Павленко, хотя в итоговой оценке Л.В. Черепнина²³⁵, посвященной сборам 1560–80-х гг., по сравнению с предшествующим конкретным анализом наблюдается больше неопределенности.

До сего дня последним словом в изучении социально-политической истории середины XVI в. является посвященный А.А. Зимину сборник статей «Россия на путях централизации». В этом сборнике несколько интересных статей, часть которых будет рассмотрена в отдельной статье, посвящено истории России XVI столетия. С точки зрения данной темы интересна статья В.Б. Кобрина, в которой автор рисует картину эволюции взглядов А.А. Зимина по вопросу централизации, причем сам он также делает в связи с этим ценные замечания, особенно по поводу так называемого «компромисса». В.В. Кобрин утверждает, что для опубликованной в 1960 г. монографии А.А. Зимина «характерна дань традиции»²³⁶, поскольку в ней использована теория компромисса, основанного на противоречии бояр и дворян. Другой вопрос, что, как считает В.Б. Кобрин, «выявленным Зиминым фактам уже было тесно в прокрустовом ложе давней схемы»²³⁷. Уже в монографии об опричнине А.А. Зимин отошел от этой конструкции, а в книге «Россия на пороге нового времени», появившейся в 1972 г., от нее не осталось и следа²³⁸. И это встречается с полным одобрением со стороны В.В. Кобрина, ведь, по мнению последнего, «централизация государства отвечала интересам не какой-то узкой группы внутри господствующего класса, а подавляющего его большинства; она привела к усилению феодального гнета, а затем и к закреплению крестьянства»²³⁹.

²³⁵ Там же. С. 132.

²³⁶ Кобрин В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. С. 226.

²³⁷ Там же. С. 266–267.

²³⁸ Там же. С. 267–268.

²³⁹ Там же. С. 268–269.

Проблема централизации, заставляющая затронуть, в том числе, немало спорных вопросов исторического подхода в целом, является темой опубликованной недавно статьи Ю.Г. Алексеева «Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства». Хотя конкретный доказательный материал к теоретической проблеме взят в этой статье из конца XV в., некоторые ее уроки справедливы и для изучения русской истории середины XVI в. Прежде всего то, что Ю.Г. Алексеев, опираясь на известное определение Ф. Энгельса, рассматривает централизацию в России в обще-европейской перспективе. Во-вторых, в тесной связи с этим историк подчеркивает особенности централизации в России. В-третьих, он располагает в фокусе своего внимания именно ту особенность, которая меньше всего обсуждалась в последнее время, — влияние политической надстройки на процесс централизации. И, в-четвертых, с учетом исторической обстановки в конце XV века, автор дает отрицательный ответ на поставленный им же вопрос: «Можно ли говорить, что политика государственной централизации была имманентно связана с усилением крепостнических отношений в деревне?»²⁴⁰. Не было ли это в известной степени характерно для правительственной политики предопричного времени, даже если положение к середине XVI в. и существенно изменилось? Если да, то эта точка зрения должна применяться и при оценке классового содержания реформ середины XVI в. (хотя и не в такой крайней форме, в какой это сделал Н.Е. Носов). В этом случае новое толкование могла бы получить и так называемая теория компромисса, поскольку под таким углом зрения на настоящий компромисс идет государство, функционирующее в качестве аппарата насилия правящего класса, причем на компромисс в пользу «черных земель», в разрез с непосредственными интересами господствующего класса.

²⁴⁰ Алексеев Ю.Г. Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 104.

В своей статье Ю.Г. Алексеев привлек внимание к спорной, требующей дальнейшего изучения проблеме в исторической литературе. Это же справедливо в отношении другого периода централизации в России, эпохи реформ середины XVI в. и ее изучения. Выше не случайно было уделено так много внимания терминологическим вопросам, их решение является очередной задачей советской исторической науки. Пока определенное явление называется различным образом, открывается возможность для смешения разных качественных явлений, что, в свою очередь, задерживает исследование конкретной проблемы, социального содержания реформ середины XVI века. Наряду с четким раскрытием общеупотребительных понятий, в исследовании этой проблематики необходимо решить множество других проблем. Эти задачи встают не столько в области описания отдельных правительственных планов, распоряжений, борьбы партий и социальных прослоек, то есть, не столько в области политической истории, а скорее в плане социальной истории. Мы считаем очень удачным следующее утверждение Л.В. Черепнина, В.Д. Назарова и В.Г. Пашуто: «В изучении социально-политической проблематики XVI в. наметилась определенная диспропорция. Исследование непосредственной политической борьбы в гораздо большей степени привлекало внимание историков, чем ее социальные основания и предпосылки. Нет достаточно отчетливого ответа на вопрос, какие противоречия внутри класса феодалов были определяющими для характера и особенностей политических столкновений, какие группы вступали на арену открытой борьбы, какие цели они преследовали»²⁴¹.

Для выяснения характера реформ середины XVI в. полезны были бы обобщающие монографии о боярской и дво-

²⁴¹ Черепнин Л.В., Пашуто В.Г., Назаров В.Д. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма // В сб.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Дооктябрьский период. М., 1978. С. 31.

рянской прослойках, а также сравнительное исследование, которое установит экономические, социальные, политические, правовые и идеологические различия и сходство между этими прослойками. Даже при известной скудости источников кажется перспективным проведение сравнительного исследования сходств и различий положений отдельных слоев служилого дворянства, сначала на местном уровне, а затем в крупных обобщающих работах, сравнение положения светских и духовных феодалов для получения ответа на вопрос: какое противоречие внутри господствующего класса с большей силой наложило отпечаток на реформы XVI века, противоречие между светскими и церковными феодалами или противоречие внутри класса светских феодалов? Было бы интересно заняться городским населением, но не в аспекте политической, а в аспекте экономической и социальной истории, с целью выяснить: вынудило ли оно к компромиссу правящий класс в качестве активной силы, опираясь на свой вес в экономике и обществе, или воплощающая правящий класс власть «протянуло ему руку помощи», имея в виду интересы казны? Кроме этого, принципиальное значение имело бы выяснить, что дало возможность власти государя в определенной степени функционировать в качестве «самостоятельного» фактора, в каких конкретных случаях проявилась эта «самостоятельность» государственной власти и в какой степени она могла быть одним из факторов компромисса? В дальнейшем при изучении интересующей нас проблематики большую помощь оказала бы более убедительная документация того, что классовая борьба представляла действительную опасность для господствующего класса.

Если оглянуться па историю изучения реформ середины XVI в. в советской историографии, подводя итоги, можно сказать, что в период распространения марксистского понимания истории ударение делалось на размещении реформ в рамках новой исторической концепции, то есть основные усилия затрачивались на общую характеристику. С середины

1940-х годов до конца 1960-х годов на первый план вышли исследования отдельных вопросов, описание конкретного содержания реформ, сопутствовавших им столкновений в сфере политики в рамках отдельных статей, а позже — в монографической форме. Новый размах исследования получили после 1956-го года. Крупные дискуссии второй половины 1960-х — первой половины 1970-х годов открыли продолжающийся до наших дней этап в изучении вопроса, поставив под сомнение некоторые взгляды, общепринятые в предыдущий период времени. На этом этапе, таким образом, многие результаты предыдущего периода были поставлены под вопрос на уровне исторической теории, пока без стремления к обобщению. Прочитанное утверждение из статьи Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и В.Д. Назарова показывает, что все историки сходятся на необходимости продолжения исследований, причем придерживаясь прежнего направления и перенеся центр тяжести на пока менее разработанные вопросы социальной истории. Это одновременно означает, что историография вопроса не может удовлетвориться достигнутыми результатами, среди которых нам хотелось бы выделить два момента. На один из них указал, между прочим, Ю.Г. Алексеев: «Крупным достижением советской исторической науки является всестороннее обоснование тезиса о феодальном характере русского централизованного государства»²⁴². И действительно, в изучении реформ середины XVI в. эта особенность — в отличие от русской историографии до 1917 года — с самого начала характеризовала советскую марксистскую историческую науку. Это же можно сказать и о другой характерной черте, о которой А.А. Зимин с полным основанием писал в 1960 г.: «В дореволюционной историографии время правления Избранной рады рассматривалось лишь как прелюдия к опричнине и поэтому оно не было предметом специального исследования. Только советские историки показали, что в 50-е гг. XVI в. происходили собы-

²⁴² Алексеев Ю.Г. Некоторые спорные вопросы... С. 102.

тия, сыгравшие большую роль в дальнейших исторических судьбах России»²⁴³.

(1987)

* * *

Здесь и в других местах я пользуюсь самоидентификацией советской историографии: «советская марксистская историческая наука», хотя не считал её гомогенной и анализировал разные её периоды. Сегодня уже ясно, что по существу это был «государственный марксизм». Впрочем, что касается моего марксистского подхода, то его отрицает, например, А.Л. Юрганов: «С такой итоговой характеристикой трудно согласиться. Взять хотя бы методологию марксизма... В глазах “традиционного марксиста” М.Н. Покровского венгерская научная школа, с идеями о самостоятельной роли государства в истории России, была бы объявлена злейшим врагом марксизма, ибо марксист, в духе Покровского, скорее признает историчность Иисуса Христа, чем самостоятельную роль государства, которое всегда было, есть и будет *производным* (вторичным) началом от экономического развития страны, от производственных отношений и их конфликта с производительными силами»²⁴⁴.

²⁴³ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 52.

²⁴⁴ См.: Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Ред. и сост. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2018. С. 81.

ВОПРОС ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ОПРИЧНИНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1. Первые шаги изучения

Можно усмотреть в том парадокс, но факт: в то время как советская историография не унаследовала от дореволюционной хоть сколько-нибудь полного исследования, посвященного первому периоду царствования Ивана IV, периоду реформ, до нас дошла крупная монография С.Ф. Платонова, «Очерки по истории смуты Русского государства в XVI–XVII веках», рассматривающая второй период его правления, период опричнины.

Историк, однако, не должен упускать из виду, что более спорной в русской исторической науке оказалась оценка именно этого второго периода, что противоречия во взглядах на нее были непримиримыми и что сохранению неясности вокруг этой проблемы способствовали в свою очередь и исследователи, опиравшиеся на скудные и предвзятые источники. Советской историографии, поэтому, предстояло решить при рассмотрении проблем опричнины не меньшие задачи, чем, например, при исследовании эпохи Избранной Рады.

Как известно, после 1917 г. еще долгое время приходилось вести борьбу с так называемым буржуазным пониманием истории. Проблему осложняло и то, что тогда как так называемая буржуазная историческая наука в первой половине 1920-х годов, благодаря книге С.Ф. Платонова «Иван Грозный» (которую по сравнению с его предыдущей монографией можно считать шагом назад), была представлена обобщающей работой, построенной на широких исследованиях,

ведь опричнина рассматривалась в ней на фоне социально-экономического развития России XVI в., объяснялась объективными причинами, выделялось ее значение в борьбе с боярами и ее историческая роль в обострении основной классовой борьбы¹, — то в упомянутый период получили распространение и взгляды, характерные в основном для дворянской историографии.

Эти взгляды выразились ярче всего в работе Р.Ю. Виппера, в которой автор, не считаясь с результатами платоновского направления, объявил историческими причинами опричнины следующие: «...опричнина была не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, не только жестом ужаса и отчаяния у царя, перед которым открылась вдруг бездна неверности со стороны лучших, казалось, слуг; это была также военная реформа, вызванная опытом новой труднейшей войны...»².

Аргументация Р.Ю. Виппера, оставлявшая без внимания социально-экономические причины и абсолютизовавшая значение субъективных факторов, не вызвала откликов в русской научной жизни того времени. Как раз наоборот, благодаря творческой деятельности П.А. Садикова, в центре внимания оказались фундаментальные, поистине научные исследования. Так как результаты исследований П.А. Садикова большей частью вышли в свет в 1950 г., в посмертном издании его трудов, здесь мы упомянем только статью «К истории управления в опричнине», опубликованную впервые в 1921 г. Уже в первой строчке этого очерка историк выражает солидарность с С.Ф. Платоновым, утверждая как факт: «Опричнина ликвидировала крупное княжеское и боярское землевладение со всеми его привилегиями»³. Статья знаменательна прежде всего тем, что она является, по сути дела, первым опытом описания управления в опричнине;

¹ Платонов С.Ф. Иван Грозный. Петроград, 1923. 120–125.

² Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. 83.

³ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.–Л., 1950. 64.

описания, документированного данными из источников нового типа. Расширению узкой до того базы источников содействовал и И.И. Полосин опубликованием в 1925 г. сочинения Г. Штадена: «О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника». С.В. Бахрушин, написавший предисловие, правильно указал на серьезную ценность данного произведения как источника⁴, но ценность эту в некоторой степени все-таки снижает то, что в глазах автора вводной статьи, И.И. Полосина, осветившего главным образом внешнеполитические вопросы, опричнина «по-прежнему остается психологически загадочной реминисценцией удельного быта»⁵.

Но указанные выше «загадки» уже в первой половине 1920-х годов всё меньше характеризовали историческую науку. В распространении новых воззрений сыграло важную роль, например, известное произведение Г.В. Плеханова об истории русской общественной мысли, написанное им задолго до Октябрьской революции. В соответствующей главе данной работы Г.В. Плеханов рассматривает опричнину как продукт борьбы между царем и боярами, и как таковую, считает ее необходимой, видит в ней органическую составную часть продолжительного исторического процесса, которая «предписывалась историческими условиями хозяйственного развития страны»⁶. По его мнению, историческое значение Ивану IV дает как раз его опричнина, помощью которой он «завершил превращение Московского государства... в монархию восточного типа»⁷. Другой вопрос, что, придерживаясь классового толкования истории, Г.В. Плеханов всё это оценивает отрицательно, так как «введенная им (Иваном IV. — Д. С.) новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превра-

⁴ Штаден Г.О. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925. 5.

⁵ Там же. 42.

⁶ Плеханов Г.В. Сочинения. 20. М. – Л., 1925, 185.

⁷ Там же.

щение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя...»⁸.

В своей обобщающей работе «Русская история с древнейших времен», изданной впервые еще в 1913 г., М.Н. Покровский разделял часто вульгарный экономический детерминизм Г.В. Плеханова. И все-таки их концепции в решающих пунктах расходились. Прежде всего, в том, что вместо восточного деспотизма М.Н. Покровский применял термин «феодализм» согласно пониманию Павлова-Сильванского, и в рамках феодализма он и старался определить место опричнины. Примером того, насколько он еще зависел от концепции Н.П. Павлова-Сильванского, может служить и то, что долгий исторический период вытеснения вотчины и распространения поместья, в котором историк отводит важную роль и опричнине, в то же время оценивался им и как смерть «старого московского феодализма»⁹.

Итак, выдвижение дворянства на передний план и уход боярства на задний было тем историческим периодом, в котором поместил М.Н. Покровский правление Ивана IV. Соответственно требованиям марксистской философии истории, ставящей перед собой цель раскрытие объективных закономерностей, этот крупный советский историк, в отличие от большинства представителей историографии до 1917 г., объяснял и возникновение опричнины объективными условиями. А именно тем, что война ни на западе, ни на востоке не утоляла жажду земли и денег «мелкого вассалитета». Но так как власть на самом деле была всё еще в руках бояр, положение созрело для «государственного переворота», который «диктовался объективно экономическими условиями и нашел теперь себе форму: он должен был стать актом династической и личной самообороны царя против покушений свергнуть его и его семью с московского трона»¹⁰. Поэтому, как это логически

⁸ Там же.

⁹ Покровский М.Н. Избранные произведения. I. М., 1966. 304.

¹⁰ Там же. 303.

следует из причин, приведенных историком, «нет ничего несправедливее, как отрицать принципиальность Грозного в его борьбе с боярством и видеть в этой борьбе какое-то политическое топтание на одном месте»¹¹.

Не повторяя ошибок историков, идеализировавших Ивана IV, и не забывая о субъективных моментах введения опричнины, М.Н. Покровский таким образом отстаивает тезис о закономерности возникновения опричнины. По его оценке, «...“опричина” была попыткой за полтора года до Петра основать личное самодержавие петровской монархии. Попытка была слишком преждевременна, и крушение ее было неизбежно, но кто на нее дерзнул, стоял, нельзя в этом сомневаться, выше своих современников»¹². Нас сейчас менее интересует оценка личности, показывающая почти дословные совпадения с характеристиками, данными Кавелиным и Белинским, важно то, что в этом представлении опричина считается разумным политическим поступком.

М.Н. Покровский идет дальше: опричнину, возникшую в результате союза между «посадскими» и «мелким вассалитетом», он называет «настоящей революцией»¹³. Она же не что иное, как попытка «установления нового *классового* режима»¹⁴. То, что эта попытка в конце концов не могла быть успешной, М.Н. Покровский объясняет главным образом хозяйственными трудностями, возникшими вследствие ливонской войны. В этих новых условиях «помещику мало было уже подачек из казны, ему нужна была вся казна. В дни опричнины он оставил власть боярству, взяв себе лишь самые жирные куски. Теперь он никому ничего не хотел оставлять ему нужна была власть целиком»¹⁵. Значит, в конечном счете, насколько опричина, с одной стороны, возникла в результате

¹¹ Там же. 304.

¹² Там же.

¹³ Там же. 310.

¹⁴ Там же. 313.

¹⁵ Там же. 328.

«экономической революции», настолько же, с другой стороны, и причиной ее крушения стала «экономическая реакция», которая началась во второй половине XVI в.¹⁶

Конструкция М.Н. Покровского пропитана, как часто отмечалось, «социологизмом», упрощением исторического процесса, его понимание «феодализма» и «класса» тоже не стоит на уровне современного марксизма, и всё это влияет на его мнение, сложившееся об опричнине. Но неоспоримы и его заслуги, прежде всего то, что он стремился вскрыть как объективные, так и субъективные причины опричнины.

Во многом похожа исходная точка и другого значительного историка эпохи, Н. Рожкова. Так же как и М.Н. Покровский, он придает важное значение в истории XVI в. борьбе между поместьем (дворянством) и вотчиной (боярством). Как раз в этой борьбе опричнина «сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политическое притязание боярства, и... в общем, и целиком политика правительства до конца века шла по той же стезе, т.е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы»¹⁷. И, хотя в изложении экономических причин между двумя историками наблюдается существенное концептуальное различие, в их взглядах на опричнину и в дальнейшем преобладают сходства.

Причину, вызвавшую опричнину, Н. Рожков также видит в том, что за время власти избранной рады боярство сохранило «львиную долю власти», и дворянство нуждалось в самодержавной власти¹⁸. И хотя «опричнина имела, конечно, значение политической полиции»¹⁹, она «была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дво-

¹⁶ Там же. 331.

¹⁷ *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. IV. С. I. Петроград, 1922. 79.

¹⁸ Там же. 132.

¹⁹ Там же. 133.

рянскому господству порядки»²⁰. По мнению Н. Рожкова, историческое значение опричнины заключается в том, что она «с корнем вырвала остатки феодализма»²¹. В этом пункте и у Н. Рожкова, подобно М.Н. Покровскому, наблюдается неуверенность в использовании понятия «феодализм», но через несколько страниц историк конкретизирует свое мнение: «Боярство получило при Грозном первый решительный удар, было поколеблено им, но далеко еще не сломлено»²². Именно из-за этого последнего обстоятельства связывает позже и Н. Рожков период опричнины со следующим этапом борьбы дворянства со смутным временем²³.

Из сказанного выше ясно, что в 1920-е годы главная задача марксистской науки состояла в объяснении опричнины рациональными причинами в контексте исторического процесса в целом, и освобождении ее от иррациональных наслоений, наложенных на нее некоторыми дореволюционными историками. Это в то же время означало, что пока могла идти речь только о приложении самых общих методологических основ к конкретному материалу; и то с часто наблюдавшейся непоследовательностью, упрощениями. В изучении интересующего нас вопроса не изменилось положение и в 1930-е годы. Значит, и далее не было фундаментальных исследований. Но в методологических основах наблюдается значительное смещение пропорций. В этом отношении можно считать классическим примером вышедший в 1933 г. очерк И.И. Смирнова, «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI-го века». Одностороннему экономическому подходу М. Покровского и Н. Рожкова в этой статье И. Смирнов противопоставляет аспект классовой борьбы, подчеркивая, насколько опричнина, требуемая дво-

²⁰ Там же. 134.

²¹ Там же. 135.

²² Там же. 137.

²³ Там же.

рянством, обострила классовые противоречия в деревне²⁴. В этом взгляде важно было не то, что вследствие опричнины рухнули позиции боярства, а то, что она «означала разгром крестьянского хозяйства и экспроприацию значительной части крестьянских земель в пользу феодалов»²⁵, и что между отдельными слоями господствующего класса шла борьба за рабочие руки, в результате чего настолько обострились классовые противоречия, что «классовая борьба начинала в отдельных случаях принимать форму гражданской войны между опричниками и крестьянами»²⁶. Это уже показывает, что в лице И. Смирнова марксистская историческая наука последовательно применяла аспект классовой борьбы и сделала его основным оценочным критерием. Но при таком подходе историческое значение опричнины может быть определено лишь как отрицательное. В последующие годы распространение получил именно этот последний взгляд, о чем свидетельствует и небольшая книга Б. Верховеня «Россия в царствование Ивана Грозного», в которой автор признает справедливость борьбы против боярского предательства, но не скрывает и того, что в ходе ее «было много произвола и насилий над трудящимся населением»²⁷.

Наступившие 1940-е годы внесли в изучение интересующего нас вопроса изменения в двух отношениях. С одной стороны, стали распространяться такие популярные издания, авторы которых были склонны забывать об оценочном критерии И. Смирнова; а с другой стороны, начали возобновляться конкретные исследования, стремившиеся раскрыть историю опричнины.

²⁴ Смирнов И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // ГАИМК Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. 63–64.

²⁵ Там же. 66.

²⁶ Там же.

²⁷ Верховень Б. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939. 34.

Первое направление отлично характеризуется книгой Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», которая к этому времени была дважды переиздана. Так как, по сути дела, изложенные здесь Р.Ю. Виппером взгляды не изменились по сравнению с 1922 г., считаем излишним заниматься ими подробнее. Ведь, если конкретные проблемы ставятся автором так же, как и прежде (он, например, снова выделяет внешнеполитические причины в возникновении опричнины), то «освежение» исторического подхода воплощается в следующей «критике» в адрес Ивана IV: «...недостаточная последовательность в борьбе с этой опасностью, которая грозила ему со стороны консервативной и реакционной оппозиции и которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал»²⁸.

Историческая наука не следовала за Р.Ю. Виппером до таких крайностей, но по своей конечной направленности она продолжала давать этому периоду царствования Ивана IV подобную же оценку.

И. Смирнов считал, что опричнина была вызвана «внутренним кризисом» и потребностями ливонской войны, а «переход к опричнине был облечен в форму своего рода государственного переворота сверху»²⁹. По мнению И.И. Смирнова, она в то же время была «особой формой проведения экономического и политического разгрома боярства». Он расценивал опричнину как «важнейший этап в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков»³⁰. Поэтому ее главное историческое значение состоит в том, что она «окончательно сделала поместье главной и господствующей формой феодального землевладения, оттеснив на задний план боярскую вотчину. Опричнина окончательно закрепила руководящее положение дворянства в Рус-

²⁸ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М. – Л., 1944. 92; Ср. также: Черкасов Н.К. Записки советского актера. М., 1953. 380–382.

²⁹ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. 89.

³⁰ Там же. 95.

ском государстве, отгеснив на задний план бояр и князей»³¹. После этого понятно, что историк придает большое значение опричнине и в усилении централизованной самодержавной монархии. Подчеркивая это свое мнение, он рискнул сделать и такой решительный вывод: «Опричнина окончательно и навсегда сломила боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности...»³². К 1572 г. она уже выполнила эту свою историческую задачу, хотя, как пишет И.И. Смирнов, отмена опричнины в 1572 г. не означала, что в последующие годы произошло изменение в последовательной политике Ивана IV³³.

Поразительно в этой конструкции то, до чего просто в ней воспринималась проблема опричнины. Даны бояре-предатели, пытающиеся восстановить феодальную раздробленность, осложняющие дело страны в борьбе с внешним врагом, значит, для восстановления внутреннего порядка нужен радикальный переворот, идущий «сверху». И.И. Смирнов не побоялся даже заявить, что опричнина была не только исторически необходимой и прогрессивной, но она и выполнила задачу, поставленную ей историей. Но в свете фактов даже при тогдашнем уровне развития исторической науки должно было быть очевидным, что историческая правда была сложнее.

С.В. Бахрушин в своей книге «Иван Грозный» тоже придерживался мнения, согласно которому «опричнина нам представляется как момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм», и что она «должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности». Упо-

³¹ Там же.

³² Там же. 96.

³³ Там же. Делится этим мнением и С. Покровский. Ср.: *Покровский С.* Рец. на кн. В. Снегирев. Иван III его время (М., 1942), *Бахрушин С.* Иван Грозный (М. 1942), *Виттер Р.* Иван Грозный (Ташкент, 1942) // Исторический журнал. 1943. № 3–4. 94.

минает он и о произволе и насилиях опричников³⁴, и примечательно, что в возникновении опричнины он предполагает сильное восточное влияние³⁵. В итоге, однако, он повторяет мнение И.И. Смирнова, хотя и не в такой категорической форме: «Между тем основная задача опричнины была достигнута: крупное землевладение было разгромлено и наиболее могущественные феодальные фамилии истреблены и обессилены»³⁶.

Приведенные выше обобщающие работы свидетельствуют о том, что в данный период получили широкое распространение подчас банальные оценки опричнины. Это было характерно для научно-популярной литературы, но еще сильнее проявилось в публицистике и художественных произведениях, число которых в то же время очень возросло³⁷.

Можно считать историографическим парадоксом, что в то же время выходят в свет и серьезные научные статьи, которые по самым важным пунктам оспаривают картину, начертанную в вышеприведенных обобщающих работах.

В этом отношении на первом месте следует упомянуть С.Б. Веселовского, который в последние годы своей жизни с особым вниманием занимался проблемой опричнины. К сожалению, при жизни он смог опубликовать только незначи-

³⁴ Бахрушин С.В. Иван Грозный // Научные труды. II. М., 1954. 300.

³⁵ Там же. 303, 297.

³⁶ Там же. 304.

³⁷ Современная профессиональная критика неслучайно подчеркивает преимущества исторических разработок, сопоставив их часто с идущими на сцену того времени пьесами (А.К. Толстого, В. Соловьева, И. Сельвинского) и удостоенной высокой премии трилогией В. Костылева (ср.: *Базилевич Я.Д.* Рец. на кн. И.И. Смирнова, Иван Грозный // Пропагандист. 1945. № 17. 75). Даже Р.Ю. Виппер больше критикует, чем хвалит произведение В. Костылева (см.: *Виппер Р.Ю.* Рец. на кн. В. Костылева // Исторический журнал. 1943. № 7. 85–86). По этому вопросу разворачивается и острая дискуссия между Бородиным, Костылевым и Веселовским (см. *ниже*).

тельную часть результатов своих исследований. Однако, значение их едва ли можно преувеличить, поскольку речь идет в первую очередь о его источниковедческих статьях, которые полностью разрушили платоновскую концепцию, принятую в вышеупомянутых обзорных работах. Самая большая заслуга академика С.Б. Веселовского состояла в том, что он поставил в центр внимания Синодик опальных царя Ивана Грозного, как один из самых важных источников истории опричнины. Он с полным правом считал, что «без преувеличения можно сказать, что этот ценный источник остается недоступным историком и даже непрочтенным, как будто он написан на неизвестном языке»³⁸. Как будет сказано в дальнейшем, и С.Б. Веселовскому не удалось полностью разгадать загадку Синодика, названного им самим «мутным источником»³⁹. Перечень казненных, составленный им на основе восьми списков, всё же дал ему основу, для важных выводов принципиального значения. (Правда, в тексте первой публикации статьи в 1940 г. в журнале «Проблемы источниковедения», вып. III, эти части были пропущены.) Дело в том, что из анализа состава казненных выясняется, что: «... на одного боярина или дворянина приходилось три-четыре рядовых служилых землевладельца, на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоев населения»⁴⁰.

При чтении другого источниковедческого очерка, опубликованного в 1947 г., перед нами также развертывается картина, противоречащая господствовавшим тогда взглядам об Иване IV⁴¹. Если в двух упомянутых статьях концепция

³⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. 323.

³⁹ Там же. 352.

⁴⁰ Там же. 478.

⁴¹ Ср.: *Веселовский С.Б.* Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. IV. № 6.

С.Б. Веселовского проявляется лишь в скрытой форме, то в статье, вышедшей в 1946 г. под заглавием «Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.», она выражается совершенно однозначно. Эта работа, в основном, является опровержением самых важных взглядов С.Ф. Платонова, опирающимся на большой фактический материал. Подробно рассмотрев земли, вошедшие в опричнину, С.Б. Веселовский приходит к следующему решительному выводу: «со времени С.Ф. Платонова в историографии пользуется незаслуженным успехом мнение, будто целью учреждения опричнины, и едва ли не главной, было искоренение старого землевладения бывших удельных княжат»⁴². Проведенные им исследования доказали: этот тезис действительно «незаслуженно пользуется успехом». В то же время, при изучении суздальских, ярославских территорий у него наблюдается неуверенность; несколько натянуто он старался показать, что присоединение различных территорий к опричнине было политически не продуманным. В этом отношении его взгляды по основным пунктам были созвучны мнению В.О. Ключевского, в чем признается и сам С.Б. Веселовский: «История Оболенских и их родовых вотчин подтверждает мнение Ключевского, что опричнина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц...»⁴³.

Значит, С.Б. Веселовский был склонен отказать опричнине в каком бы то ни было политическом значении, представляя тем самым, безусловно, крайнюю точку зрения. Но, как это подтвердили новейшие исследования, он был прав в том, что опричнина не была «глубоко продуманной, крупной государственной реформой»⁴⁴. Чтобы доказать это, С.Б. Веселовским было сделано много в выяснении обстоятельств отмены опричнины и возвращения на бывшее место высе-

⁴² *Веселовский С. Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. 88.

⁴³ Там же. 104.

⁴⁴ Там же. 98.

ленных, хотя сами по себе и эти факты нельзя считать решающими. Такого же принципиального значения можно считать и его строки, написанные о последствиях выселения: «Это было весьма существенной подготовкой для заповедных указов 1581 и следующих лет, положивших начало закреплению крестьянства»⁴⁵.

В этой статье, а также в статье о последних уделах⁴⁶ уже налицо все самые важные факторы концепции С.Б. Веселовского, которую мы позже рассмотрим подробно. Как об этом еще пойдет речь, исследования последующих лет во многом уточнили его результаты и не только в подробностях, но и в аспектах принципиального значения. Всё это не уменьшает той его заслуги, что он в целом правильно указал на неудовлетворительность платоновской концепции. Однако, его утверждения остались в эти годы без откликов, точнее вызвали критику. Один лишь Г.Н. Бибиков в одном из своих очерков излагает подобные мысли, правда, не решившись придать своим наблюдениям принципиальное значение.

Г.Н. Бибиков в своей статье «К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного», попытался обосновать свои выводы изучением состава известных ему 234 опричников. В итоге он смог заявить с полным основанием: «В опричнину были включены те уезды, для которых княжеское вотчинное земледелие вовсе не являлось типичным»⁴⁷.

На основе вышесказанного можно установить: к 1940-м годам создается несколько возможных вариантов суждения об Иване IV и его опричнине. Остроумно, хотя и немного односторонне, охарактеризовал самые типичные точки зрения И.И. Полосин в 1949 г. По его мнению, С.Б. Веселов-

⁴⁵ Там же. 97.

⁴⁶ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 22. М., 1947.

⁴⁷ *Бибиков Г.Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Сборник статей по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1941. 13–14.

ский «изучает опричнину с позиций кн. Курбского, позиций ненадежных, попросту сказать, насквозь прогнивших», С.В. Бахрушин «изучает опричнину с позиций Ивана Тимофеева, дьяка XVII в., но ведь сам дьяк не был уверен в их прочности», а Р.Ю. Виппер «увлеченный Пересветовым и Ломоносовым, идеализирует Грозного, что недопустимо для советской исторической науки». В противоположность этому «я, — подчеркивает И.И. Полосин, — пытаюсь утвердить четвертую позицию. Я изучаю Ливонскую войну как разрыв блокады в Прибалтике; опричнину — как систему феодально-крепостнических мер по укреплению и утверждению феодально-самодержавной дворянской монархии»⁴⁸.

И.И. Полосин обратил внимание в своей характеристике на важные аспекты, проблемы, классифицировал различные позиции по действительно имевшимся расхождениям и начертал более дифференцированную картину, чем И.У. Будовниц, выступивший в 1947 г. с обширной историографической статьей⁴⁹. Но, как на это указывал уже и Л.В. Черепнин, и сам И.И. Полосин, вопреки провозглашенному им намерению, был склонен к идеализации⁵⁰, и как раз эта склонность к идеализации роднит и названные раньше три последних позиции, на ее основе они могут быть сведены к общему знаменателю. Если мы хотим определить место Полосина в исторической литературе эпохи в его манере, то, видимо, можем сказать, что он смотрел на Ивана IV с позиций народных песен того времени (но не новгородских), тех, которые возлагали ответственность за свои обиды на бояр и идеализировали царя, боровшегося с ними. К такому выводу приводят нас работы И.И. Полосина, написанные им об опричнине в 1940-х годах и в начале 1950-х годов, и которые,

⁴⁸ Полосин И.И. Социально-политическая история России XV – начала XVII в. М., 1963. 20–21.

⁴⁹ Ср.: Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки 21. 1947. 322, 327.

⁵⁰ Полосин И.И. Социально-политическая история. 19–20.

за исключением одной, были напечатаны в 1963 г. И их изложение поэтому мы приведем позже. В подобном духе написана им и статья «Споры об опричнине на польских сеймах XVI века (1569–1582)», опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1945 г. Бесспорная его заслуга в этой статье состоит в том, что он попытался определить место опричнины в европейской истории, хотя сравнение польских и русских учреждений того времени оказалось несколько натянутым и было основано на описанном нами ниже спорном методическом подходе И.И. Полосина, проявлявшемся в чередовании то более узкого, то более широкого понимания опричнины.

В противовес идеализирующей, популяризирующей тенденции, издание книги П.А. Садикова в 1950 г. «Очерки по истории опричнины», содержащей его исследования с 1921 по 1941 гг., дало новые импульсы научному подходу к проблеме. Больше того, в вышеприведенном перечне И.И. Полосин незаслуженно пропустил имя П.А. Садикова, который выступил и в 1940-х годах, опубликовав большую статью «Из истории опричнины XVI в.», в которой он приводил мнения, совпадающие с его, излагаемыми ниже, взглядами⁵¹. Значительной заслугой П.А. Садикова было то, что базу источников опричнины — очень узкую, как это признавалось всеми, он обогатил большим количеством актового материала. Благодаря привлечению этих материалов он смог дать новую информацию о местном управлении, в особенности о финансовом управлении периода опричнины, но достиг важных результатов и в определении территории опричнины.

Эти достижения исследований П.А. Садикова высоко ценились и одобрялись тогдашней профессиональной критикой. Однако его очерк синтезирующего характера, «Опричнина Ивана Грозного», помещенный в том же томе, был принят критикой по-разному.

⁵¹ Садиков П.А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. III. М. – Л., 1940.

С идейным лейтмотивом П.А. Садикова («Уничтожение политической роли крупного феодального владельца путем ликвидации его экономической базы... выдвижение к верхам власти среднего феодального слоя... являлись совершенно необходимыми мерами для решения насущной задачи момента»)⁵² его критики соглашались так же, как и с гармонирующим с ним, конечным суждением об историческом значении опричнины: «Опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным историческим фактором...»⁵³. Было поддержано и его мнение о двойном «результате» опричнины: «В опричных репрессиях исчезли остатки феодальной раздробленности, и Московское царство становилось централизованным государством с сильной монархической властью во главе», но вместе с этим «разрушалась не только благоустроенная крупная вотчина... но... и масса “дворцовых” и “черных земель”»⁵⁴.

Рецензенты отметили необходимость более четкого показа последнего фактора, хотя критику С.О. Шмидта можно воспринять и как серьезную похвалу: «Раскрывается, хотя и недостаточно четко, относительность понятия прогрессивности применительно к опричнине»⁵⁵. Мы и ныне можем согласиться с таким подходом к опричнине, являющимся одной из самых больших историографических заслуг П.А. Садикова.

Однако мы не можем последовать за рецензентами во всех их похвальных отзывах. Едва ли можно назвать уместным сопоставление П.А. Садикова и С.Б. Веселовского, которые приводит А.А. Зимин, называя взгляды последнего

⁵² Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М. – Л., 1950. 6.

⁵³ Там же. 62.

⁵⁴ Там же. 63–64.

⁵⁵ Ср.: Черепнин Л.В. Рецензия на кн. П.А. Садиков. Очерки из истории опричнины // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 8. 1951. № 1. 95; Шмидт С.О. Рецензия на кн. П.А. Садиков. Очерки по истории опричнины // Советская книга. 1951. № 5. 71.

«антинаучными построениями»⁵⁶. С этим нельзя согласиться, тем более что взгляды обоих на классовый характер опричнины почти одинаковы.

Местами были преувеличены и критические отзывы. Например, С.О. Шмидт укорял П.А. Садикова в том, что тот не подчеркнул в достаточной мере преемственность между властью избранной рады и опричниной и преувеличивал в учреждении опричнины значение личных мотивов; он ждал бы от автора также и показа «большей прогрессивности и последовательности политики опричнины»⁵⁷. В противоположность этому, в свете современных исследований, мы можем считать большим достижением П.А. Садикова его многосторонний, сдержанный подход. П.А. Садиков, — который, правда, для историка наших дней уже неприемлемым образом «поверил» почти всем обвинениям царя против «предателей» бояр, — не умолчал о кровавой жестокости ни опричников, ни самого царя и назвал опричную реформу «спешной и бурной», которую создатель ее облек в архаическую форму и «даже не совсем ее продумал до конца»⁵⁸. К тому же, несмотря на то, что советская историческая наука во многих отношениях уточнила утверждения П.А. Садикова (в первую очередь в связи с территориями, включенными в опричнину, продолжением существования опричнины после 1572 г., боярскими «заговорами»), едва ли можно сомневаться в том, что написанный им в популярной форме обзор значительно превзошел все работы его времени.

Стало быть: «увертюра» 1950-х годов означала, что в противовес популярным работам, появившимся в 1940-х годах и умолчавшим об отрицательных сторонах опричнины или недостаточно раскрывшим их, всё сильнее давали о себе

⁵⁶ *Зимин А.А.* Рецензия на кн. П.А. Садиков. Очерки по истории опричнины // Вопросы истории. 1950. № 12. 145.

⁵⁷ *Шмидт С.О.* Рец. на кн. П.А. Садикова. 72.

⁵⁸ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. 15, 18, 21.

знать претензии на выявление подлинного классового характера опричнины. В эти годы, собственно говоря, эти две тенденции существовали параллельно⁵⁹.

Об этом же свидетельствует и материал раздела об опричнине в соответствующем томе «Очерков истории СССР». Концептуально сильно проявляются в нем взгляды одного из соавторов, П.А. Садикова, но, — по всей вероятности, благодаря участию в составлении редактора А.А. Зимина, — во многих важных пунктах в измененной, упрощенной форме. Итоговая оценка работы звучит так: «Опричнина, будучи продолжением реформ 50-х годов XVI в., знаменовала собой новый решительный шаг по пути укрепления централизованного аппарата власти, по пути борьбы с пережитками феодальной раздробленности, с сепаратистскими претензиями реакционного боярства, облегчала защиту западных и южных рубежей Русского государства»⁶⁰. Видно, следовательно, что в данной формулировке учтена критика в адрес П.А. Садикова, вследствие чего в этом понимании опричнина выступает продолжением периода реформ, но и ее внешняя функция подчеркивается иначе и характеристика бояр в нем намного драматичнее. Боярство обвиняется в том, что его стремление «к расчленению централизованного государства на множество удельных княжеств... могло привести к порабощению русского народа иноземными захватчика-

⁵⁹ Сборник «Послания Ивана Грозного» (М. – Л., 1951) способствовал формированию объективной картины, на важные изменения указывает и то, что издатели произведений С.В. Бахрушина обращают внимание на идеализацию Ивана IV в его творчестве (ср.: *Бахрушин С.* Научные труды. П. М., 1954. 9), с другой стороны, работа Н. Короткова «Иван Грозный. Военная деятельность» (М., 1952. 8), полностью повторяет еще прежние взгляды.

⁶⁰ Очерки истории СССР. Конец XV в. – начало XVII в. / Под ред. А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. М., 1955. 320–321.

ми»⁶¹. Интересно, однако, что тогда как в книге (справедливо) особо подчеркиваются обостренные опричниной классовые противоречия, открытая борьба населения против опричников⁶², то не указываются опасности, угрожающие в этой борьбе государственной власти.

Слишком категоричной получалась и интерпретация результатов опричнины. Едва ли можно согласиться с тем выводом, что «на первый план... вышли основные силы феодалов — поместные дворяне и дети боярские»⁶³, но приходится признать односторонним и такой подход, который приписывает опричнине в Ливонской войне только победы. Спорным остается и мнение о расширении опричнины после 1572 г.⁶⁴ И, наконец, если посмотреть на вопрос исходя из исследований последующих годов, можно поставить под вопрос и исходную позицию, объясняющую создание опричнины тройным натиском боярской аристократии, угнетенных народных масс и внешнего врага⁶⁵.

Работа, синтезирующая исследования 1940-х и начала 1950-х годов, разумеется, носила на себе отпечаток характерных черт тогдашнего исследования темы. Хотя ее авторы и опасались чрезмерного выдвижения личности на передний план, а в основном все-таки переняли платоновскую концепцию, без успеха стремясь соединить ее со взглядами 1933 г. И.И. Смирнова. Это привело к возникновению одностороннего изображения цели, функций и результатов опричнины. Но в виду того, что и по частичным проблемам в этой работе принимались спорные решения и оставлялись без внимания некоторые результаты, стали необходимыми, с одной стороны, дальнейшие обширные исследования, с другой, — приращение более современного исторического подхода.

⁶¹ Там же. 319.

⁶² Там же. 320.

⁶³ Там же. 318–319, 320.

⁶⁴ Там же. 313.

⁶⁵ Там же. 302.

2. Рождение больших монографий

После XX съезда КПСС в исторической науке получили яркое освещение определенные недостатки прежней историографии. 14–15 мая 1956 года в Институте истории АН СССР обсуждался доклад С. М. Дубровского «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)». Материал дискуссии был подробно изложен в сентябрьском номере за 1956 год журнала «Вопросы истории», а до этого, в этом же журнале опубликовали статью С.М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV».

С.М. Дубровский рассматривает в этой статье в первую очередь произведения Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова об Иване IV и подвергает их острой критике. Эта публикация выделялась, прежде всего, своей критической направленностью, в ней обоснованно указывалось на ошибки, допущенные вышеупомянутыми историками в связи с идеализацией Ивана IV. Так как сам С.М. Дубровский не был исследователем истории России XVI в., его выводы в большинстве случаев носили общий характер и касались методологических вопросов. При этом и он допустил подобную, хотя и противоположную ошибку: в центре его изложения и всей истории России XVI в. оказалась личность. Несмотря на это, его большая заслуга состоит в том, что он содействовал освобождению советской исторической науки от тяжелого балласта. Однако в качестве решения С.М. Дубровский мог предложить лишь более внимательный учет интересов народа: «народные восстания и вообще проявления народного недовольства того времени были прогрессивными»⁶⁶. В последующих прениях А.М. Сахаров заключил с полным правом: «Из доклада С.М. Дубровского получается, что, поскольку образование и укрепление Русского централизованного государства сопровождалось закрепощением крестьян, советский

⁶⁶ Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. 128.

историк должен отрицательно относиться к этому процессу»⁶⁷. А это тоже привело бы к очевидной односторонности.

В духе статьи С.М. Дубровского была написана и статья В.Н. Шевякова «К вопросу об опричнине при Иване IV», появившаяся в следующем номере журнала «Вопросы истории». Автор статьи оперировал, по-видимому, более конкретными средствами, ибо посвятил ее уже хорошо определенному историческому явлению. Более того, он обратил внимание и на многие проблемы, над которыми стоит задуматься. Например, на то, что бояре не хотели восстановить удельный период, что нельзя считать достоверными все ссылки на их предательство и что «опричнина не могла не задержать развитие производительных сил»⁶⁸. Бросается, однако, в глаза, насколько некритично автор относится к иностранным повествовательным источникам, можно сказать, что, если он ни в чем не верит Ивану IV, то без всякой критики принимает за правду каждое слово его врагов. Эта методическая слабость во многом снижает ценность его очерка, и поэтому не случайно, что его общие выводы, как, например, о восточном деспотическом характере опричнины, о существовании опричной системы до 1605 г.⁶⁹, — нельзя считать достаточно обоснованными.

Так как критики общепринятого мнения об опричнине до 1956 г. поступали не как историки-специалисты и допустили ряд методических ошибок, было закономерно, что в дискуссии по докладу С.М. Дубровского представители критикуемого взгляда в основном сохранили свои позиции. Они, хотя и признавали, что в свое время и допускали ошибочную идеализацию, но не видели причин изменить свои взгляды в отношении опричнины. Большинство выступивших присоединилось к мнению И.И. Смирнова, который

⁶⁷ Цит. по: Курмичева М.Д. Об оценке деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 9. 199.

⁶⁸ Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине при Иване IV // Вопросы истории. 1956. № 9. 72–73, 76.

⁶⁹ Там же. 74, 77.

сказал: «Опричный террор был определенной формой проявления борьбы против княжат и бояр, а не бессмысленным истреблением Иваном IV и опричниками всех слоев общества, не вызванным никакой объективной необходимостью»⁷⁰. В то же время они считали важным сделать и некоторые оговорки в связи с суждением об опричнине: «Средства, которыми проводилась опричная политика, были варварские, средневековые... Но нельзя, конечно, смешивать средства проведения опричной политики и ее формы с ее объективно прогрессивным содержанием»⁷¹, — как отметил А.А. Зимин. И так, в этом случае уже сильно подчеркивался «объективно» прогрессивный характер опричнины. Б.Ф. Поршнев этот подход возвел до методологического уровня: «Централизация русского государства являлась прогрессивным фактом, но монархическое устройство государственной власти носило антинародный характер и поэтому может быть названо прогрессивным лишь весьма условно»⁷². Значит, в концепцию внедрился оценочный критерий, предлагаемый С.М. Дубровским, но не ставилась под вопрос — хотя бы и «объективная» — необходимость опричнины. Это не оспаривалось, несмотря даже на то, что, например, А.И. Казарин приписывал опричнине трагические последствия: «Опричнина расшатала основы Русского государства и поставила его если не на край гибели, то весьма близко к нему»⁷³ и, что В.Н. Шевяков, открыто задал вопрос: в таких условиях «можно ли считать опричнину прогрессивной...»⁷⁴.

Дискуссия ознаменовалась результатами эпохального значения, ибо она открыла путь для исследователей, видевших свою главную задачу не в выделении одной историче-

⁷⁰ Цит. по: Курмичева М.Д. Указ. соч. 198.

⁷¹ Там же. 200.

⁷² Там же. 201.

⁷³ Там же. 199.

⁷⁴ Там же. 203.

ской роли личности. В этом отношении изучение опричнины получило новые перспективы, новый стимул. Пока, однако, новая концепция не располагала еще достаточным доказательным материалом, чтобы вытеснить старую.

Интересной характерной чертой новейших очерков после 1956 г., является то, что с публикацией своих новых результатов выступили как раз представители «традиционных» взглядов. Это снова подчеркивает значительность совещания, проведенного с 14 по 15 мая, поскольку именно оно сделало очевидным перед представителями этого мнения, что для аргументации своих взглядов, ограничивавшихся до тех пор в основном лишь общими методологическими установками и базировавшихся на мнении С.Ф. Платонова — опровергнутом С.Б. Веселовским — нужны обширные исследования.

Кажется очевидной, например, связь между опубликованными В.Б. Кобриным в 1958 г. несколькими поземельными актами и сделанными из них выводами, а также между критикой С.М. Дубровского и других. На основе документов, связанных с конфискацией владений И.П. Федорова, он дискутируя с критиками старой концепции опричнины, делает вывод, что «...феодалная антикрепостническая направленность опричнины проявлялась не в истреблении непосредственного производителя и орудий его труда (хотя и такие случаи были нередки), а в усилении феодальной эксплуатации крестьянства»⁷⁵. В связи с этим он с полным правом обратил внимание на важность актового материала и противоположность иностранным повествовательным источниками, принимаемым к тому же некритично. Идя по тому же пути, В.Б. Кобрин, продолжая исследования Г.Н. Бибикова, расширил число членов двора опричников до 237 человек, и также опубликовал их полный список⁷⁶.

⁷⁵ Из истории земельной политики в годы опричнины (публикация В.Б. Кобрин) // Исторический архив. 1958. № 3. 153.

⁷⁶ Ср.: *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960.

Платоновская концепция, разрушенная в основах своих исследованиями С.Б. Веселовского, была обновлена в богато документированной форме в статье Р.Г. Скрынникова, вышедшей в 1961 г. под заглавием «Опричная земельная реформа Грозного». В ней Р.Г. Скрынников признает правоту критики С.Б. Веселовского, но в результате тщательного изучения до тех пор менее исследованного момента истории опричнины приходит к выводу, что, «своим острием опричные мероприятия были направлены против оппозиционно настроенной феодальной аристократии, мешавшей укреплению дворянского государства», и, что этим опричина «ликвидировала значительную часть родового землевладения феодальной аристократии и тем самым подорвала ее политическое значение»⁷⁷. Благодаря этому итоговому выводу Р.Г. Скрынников во многом приблизился к мнению С.Ф. Платонова об опричной реформе, которая подорвала материальные основы боярства. Можно было бы сказать и так, что с привлечением почти не исследованной до тех пор группы источников — казанских и свияжских писцовых книг — Р.Г. Скрынников снова поставил на прочный фундамент известную концепцию, вернул ей достоверность, подорванную С.Б. Веселовским.

Другого мнения об этом придерживался А.А. Зимин, коснувшийся статьи Р.Г. Скрынникова всего лишь в подстрочном примечании, к своей работе на подобную тему, в «Земельной политике в годы опричнины (1565–1572 гг.)», опубликованной почти одновременно со статьей Р.Г. Скрынникова. Точнее, только заглавия двух публикаций были поразительно схожими, а рассматриваемые в них проблемы отличались друг от друга. А.А. Зимин сосредоточил свое внимание на изучении территорий, вовлеченных в опричнину, и на основе этого выделил этапы изменения земельной политики опричного периода. В результате о введении оп-

⁷⁷ Скрынников Р.Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // Исторические записки. 70. 1961. 248.

ричины в 1565 г. он признал, что ее «основная социальная сущность — стремление упрочить экономические позиции дворянства»⁷⁸. Период с 1565 по 1568 гг. он оценил как время взятия под контроль территорий земщины опричными форпостами, и, наконец, времени с 1569 по 1571 гг. приписывал значение ликвидации «очагов смуты»⁷⁹. Одновременно А.А. Зимин считал, что «конфискация вотчин многих ростовских, ярославских, стародубских княжат ... имела чисто политические цели»⁸⁰. Он пришел к этому выводу не учитывая результатов изучения казанских и свияжских писцовых книг Р.Г. Скрынниковым, хотя по некоторым вопросам и сам ссылался на них. В этом отношении, значит, мы можем заключить, что А.А. Зимин концептуально следовал С.Б. Веселовскому, хотя в оценке реформы 1565 г. он и отмежевался от мнения последнего⁸¹ — и отрицал тезис о подрыве материальных основ боярства. (А.А. Зимин отрицал это, между прочим, что не совсем понятно, — ссылаясь на то, что боярских латифундий и в XVII в. было не меньше, чем в XVI в.)⁸². Вместо этого он считал, что опричина между 1569–1571 гг. была направлена «своим острием против удельных пережитков»⁸³. Но историк не привел доказательств относительно того, почему взгляды Р.Г. Скрынникова — «преувеличение», и, главным образом, почему «конечно преувеличение»⁸⁴.

В упомянутых выше двух статьях в основном сразились два направления, правда, авторы этих статей развили и изменили взгляды своих предшественников. А.А. Зимин продолжал линию В.О. Ключевского — С.Б. Веселовского, а

⁷⁸ *Зимин А.А.* Земельная политика в годы опричины (1565–1572 гг.) // Вопросы истории. 1962. № 12. 62.

⁷⁹ Там же. 76.

⁸⁰ Там же. 79.

⁸¹ Там же. 64–65.

⁸² Там же. 79.

⁸³ Там же. 79.

⁸⁴ Там же. 79.

Р.Г. Скрынников — линию С.Ф. Платонова — П.А. Садикова. Эта концептуальная оппозиция предвещала появление обширных монографий, обещающих полное приведение аргументов и доказательств.

В этом отношении большое значение имел 1963-й год, хотя в нем можно усмотреть лишь увертюру указанного процесса. Ибо в этом году вместо синтезов, обобщающих новейшие исследования, по теме опричнины были изданы две книги, написанные главным образом в 1940-х годах.

В сборнике статей «Социально-политическая история России XVI–XVII вв.», содержащем преимущественно неопубликованные работы И.И. Полосина, видное место заняли статьи об опричнине. Особенно поучительным среди них можно считать историографический обзор «Опричнина Ивана Грозного и очередные задачи научного исследования», в котором автор счел большой заслугой советской исторической науки то, что она «вскрыла причинность и закономерность явления»⁸⁵. В других вопросах, однако, он не приписывал таких больших заслуг своим предшественникам и почти по всем основным вопросам давал свою интерпретацию. Так, например, в одно и то же время он считал опричнину «закономерной системой реформ феодально-самодержавной дворянско-бюрократической монархии»⁸⁶, и саркастической пародией, в которой «налицо» «загадочная реминисценция удельно-феодального быта»⁸⁷. По его мнению, «земщина — это феодально-самодержавная монархия, центром которой была опричнина»⁸⁸. Таким было в трактовке И.И. Полосина широкое понимание опричнины, которая «была новой, высшей фазой феодализма, крепостничества»⁸⁹.

⁸⁵ Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. 182.

⁸⁶ Там же, 182.

⁸⁷ Там же. 183.

⁸⁸ Там же. 184.

⁸⁹ Там же. 185.

В более узком смысле, однако, он считал опричнину просто государевым двором, который, что естественное следствие такого подхода, сохранился и после 1572 г. Но И.И. Полосин шел и дальше, и по другому его замечанию, опричнина «была ориентирована на Ватикан, как пародия на него»⁹⁰. В широком же смысле он определял сроки существования опричнины в 250 лет и считал, что «во всех странах Европы, Азии, Южной Америки — всюду, где действовала феодальная монархия, можно найти следы опричной политики»⁹¹.

И в другом очерке сборника И.И. Полосин излагает двойное толкование опричнины⁹². В свете всего этого, при всех похвалах Г.Д. Бурдея, — отмечавшего, между прочим, правильное выявление классового характера опричнины, описание вредных последствий Ливонской войны, новое толкование монастырских объездов Ивана IV⁹³, мы можем согласиться в первую очередь всё же со следующим его высказыванием: «отдельные выводы, наблюдения и оценки И.И. Полосина ныне уже устарели»⁹⁴. Мы имеем в виду, что «широкое» понимание оказалось слишком широким, а «узкое» — слишком узким для того, чтобы содействовать обнаружению конкретного содержания описываемого исторического явления.

Следовательно, можно установить, что посмертное издание вышеприведенных работ И.И. Полосина не дало нового размаха исследованиям, направленным на раскрытие истории опричнины. Это же, собственно, можно сказать и о другом посмертном сборнике, изданном в этом же году, о книге С.Б. Веселовского: «Исследования по истории опричнины», вопреки тому, что она вызвала много откликов. Мы,

⁹⁰ Там же. 188.

⁹¹ Там же. 189–190.

⁹² Там же. 131.

⁹³ *Бурдей Г.Д.* Рецензия на кн. И.И. Полосина. Социально-политическая история России XVI начала XVII вв. // Вопросы истории. 1964. № 6. 150.

⁹⁴ Там же. 151.

конечно, не станем оспаривать огромное значение издания его очерков, умалчивать о том, какую реакцию вызвал этот сборник в общественном мнении. Но отнюдь не случайно, что самые страстные отклики исходили не из профессиональной среды⁹⁵. Дело в том, что историки могли ознакомиться с важнейшими положениями концепции и с результатами исследований С.Б. Веселовского уже раньше, так что неопубликованные или не полностью изданные ранее очерки в большинстве случаев были новыми лишь по своему тону. Но нельзя не признать историографического значения сборника в том отношении, что широкая публика увидела в нем первый серьезный удар по глубоко укоренившемуся в общественном мнении до 1956 г. интерпретации опричнины, а это сыграло свою роль в становлении новых исторических взглядов.

Сборник работ С.Б. Веселовского, начинающийся и кончающийся источниковедческими очерками, между которыми помещены статьи, расположенные в порядке хронологии исторических событий, в целом не содержит полной монографической разработки опричнины, так как подобная разработка, не могла осуществиться из-за смерти С.Б. Веселовского. Всё же эти работы являются в советской историографии первым систематическим обобщением истории различных сторон опричнины.

В отличие от сборника И.И. Полосина, о книге С.Б. Веселовского нельзя сказать, чтобы почти два десятилетия, прошедших между ее написанием и опубликованием, снизили ценность отдельных выводов ее. Естественно, что к этому времени выводы, прежде всего историографического характера, во многом утратили свою актуальность. Так, например, в 1963 г. едва ли было уместно писать о «самоуверенности историков», «которые через 300–400 лет после событий берутся задним числом истолковывать и осмысливать явления далекого

⁹⁵ Ср.: *Дорош Е.* Книга о Грозном Царе // *Новый мир.* 1964. № 4. 260–263.

прошлого, с высоты профессорской кафедры судят и рядят и с пренебрежением отвергают, иногда без рассмотрения, не-угодные им высказывания современников, как необразованных и ограниченных обывателей, не получивших образования в вузах, не прослушавших университетского курса истории СССР и поэтому неспособных понимать происходившие на их глазах события»⁹⁶. В противоположность этому, думается, позволительно предполагать, что сам С.Б. Веселовский, который хотя и во многих местах уточнил заключения иностранных повествовательных источников, был под сильным влиянием дьяка Ивана Тимофеева, как это показывают следующие строчки: «учреждение опричнины, его двора привело к разделению государства на две враждебные части, никаких реформаторских целей учреждение опричнины не преследовало; учредив опричнину, царь не только “пустил”, т.е. направил одну часть населения на другую, но и “заповедал”, т.е. приказал опричникам насиловать, грабить и (убивать)»⁹⁷.

Было бы, конечно, ошибкой полностью отвергать мнения Ивана Тимофеева и С.Б. Веселовского, поскольку именно С.Б. Веселовский доказывал отрицательные последствия, вытекающие из анархистских условий разделенного на две части государства. Рассматривая роль боярства при Иване IV на основе источников, он, в частности, полным правом оспаривает правомерность противопоставления, при котором выдвигается «величественная фигура царя, чуть не революционера на троне, точно всю жизнь боровшегося с косным, невежественным и своекорыстным боярством»⁹⁸. Он многое сделал и для конкретизации понятия боярского «сопротивления», обстоятельно изучив побег и поручные записи; подвел нас ближе к пониманию направленности опричнины, установил личность первых ее жертв; а выводы, сделанные им

⁹⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. 39.

⁹⁷ Там же. 53.

⁹⁸ Там же. 118.

при изучении территории опричнины, как уже отмечалось, привели к переосмыслению существовавшей до тех пор концепции опричнины. Особенно важны те его исследования, которые посвящены хозяйствам выселенных, а позже поселенных обратно опальных, хозяйствованию опричников, экономическим, социальным, политическим, военными последствиям всего этого. С.Б. Веселовскому принадлежат большие заслуги и в разъяснении условий отмены опричнины. Важное значение имел в методологическом отношении такой подход к опричнине, при котором обращалось внимание и на изучение личности царя, значит, делалась попытка осмыслить объективные и субъективные факторы в их единстве. Самая большая заслуга С.Б. Веселовского, однако, в том, что свои выводы он, по возможности, всегда пытался подтвердить документами, а это стремление часто наводило его на неизвестные до тех пор или плохо изученные источники. Он не случайно приходит к самому значительному выводу именно в одной из своих источниковедческих работ: «Очевидно, что пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов и что лица из низших слоев населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала»⁹⁹.

Не умаляя заслуг С.Б. Веселовского, следует указать и на то, что в свете достижений советских исследований, которые велись после написания им своих статей и очерков, в 1963 г., было обнаружено несколько проблематичных моментов в его концепции, подходе и даже в источниковедческих работах.

По мнению С.Б. Веселовского, Иван IV пришел к мысли о создании опричного параллельного двора «в результате борьбы с (отдельными) лицами»¹⁰⁰, и «учреждение опричнины было направлено с первых же шагов не против боярства, а против всего старого двора, начиная от царского родственника и знатнейшего боярина и включая самого незначитель-

⁹⁹ Там же. 478.

¹⁰⁰ Там же. 143.

ного жильца из дьяческого рода или из захудалых княжат белозерских, ярославских и др.»¹⁰¹. Из этого следует, что, по мнению С.Б. Веселовского, «опричные выселения первого года не преследовали никаких политических целей»¹⁰² и лишь в выселениях второго и третьего года обнаруживается политическая тенденция. Из этого видно, что С.Б. Веселовский отказывал опричнине во всяком политическом смысле и был склонен видеть ее причины в таких чертах характера Ивана IV, как «вспыльчивость, подозрительность и сознание беспредельной власти», которые и «приводили Ивана Грозного к злоупотреблению княжеской опалой»¹⁰³.

Выше мы признали большой заслугой С.Б. Веселовского то, что по прошествии долгого времени он снова стал углубленно заниматься личностью Ивана IV, который, безусловно, оказал большое влияние на события второй половины XVI в. Но сейчас мы должны констатировать и то, что он переоценил роль царя¹⁰⁴. Нельзя думать, конечно, что это было последствием того, что «С.Б. Веселовский не считал себя марксистом и не стремился дать марксистский анализ исследуемых проблем...»¹⁰⁵, или что он сделал свои выводы «в субъективно-идеалистическом аспекте»¹⁰⁶. Речь идет скорее о том, что, по логике дискуссии, он слишком сильно концентрировал внимание на тех факторах комплекса проблем, о которых историческая литература в то время умалчивала. После этого понятно, что наряду с действительно сильными описательными частями в его произведениях

¹⁰¹ Там же. 155.

¹⁰² Там же. 70.

¹⁰³ Там же. 317.

¹⁰⁴ Ср.: *Зимин А.А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки. М., 1973. 353.

¹⁰⁵ *Дубровский С.М.* Еще раз о «великом государстве» // Знамя. 1965. № 1. 213.

¹⁰⁶ *Бурдей Г.Д.* Опричнина в новой исторической литературе // Преподавание истории в школе. 1964. № 6. 28.

встречаются менее удачные попытки объяснения событий; пожалуй, даже В.О. Ключевский видел в опричнине намного больше необходимости, чем С.Б. Веселовский. Способствовало этому и то, что и в источниковедческих работах — на это мы ниже еще будем указывать — он часто не доводил свои исследования до логического конца, так что его конечные выводы легче могли стать односторонними.

В 1963 г. профессиональная критика с полным правом отметила эти недостатки, а в лице Р.Г. Скрынникова обоснованно оспаривала один из самых важных его результатов. Историческая точность, однако, требует сказать: С.Б. Веселовский во время написания своих произведений об опричнине — в 1940-х годах вел более обширную, документированную и сложную исследовательскую работу, чем его современники, и вследствие этого его результаты были более обоснованными. Кажется, никто не подошел ближе, чем он, к начертанному идеалу историка: «Историк, как всякий ученый, должен быть отзывчивым к запросам современности, но одновременно идеалом всякого историка остается задача, которую поставил себе более двух тысячи лет тому назад величайший историк античного мира Фукидид — писать так, чтобы его произведения были “приобретением навеки”»¹⁰⁷.

В том же 1963 г., в противовес двум принятым до тех пор подходам к опричнине (средство централизации в борьбе между боярами и дворянами, а также личное дело царя), С.М. Каштанов в статье «К изучению опричнины Ивана Грозного» на уровне исследований возвращается к отправной точке статьи И.И. Смирнова, опубликованной в 1933 г., и обращает внимание на классовую суть опричнины. С помощью территориального изучения опричнины, а позже, главным образом, анализа жалованных грамот монастырей, он приходит к выводу, что классовая направленность опричнины «состояла в проведении мероприятий, содействовав-

¹⁰⁷ *Веселовский С.Б.* По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемики // *История и историки.* М., 1973. 376.

ших дальнему закреплению крестьян»¹⁰⁸. Оригинальным можно назвать его замечание, что «опричина появилась именно в тот момент, когда в силу неравномерности развития крепостнического процесса в разных районах страны еще имелась реальная перспектива, не нарушая коренных интересов всего класса феодалов в целом, обеспечить помещиков землей и крестьянами»¹⁰⁹, и в этом смысле опричину можно считать продолжением периода избранной рады. Между двумя периодами, однако, он выявляет различие в том отношении, что опричина опирается и на монастыри, а со средними слоями горожан ее связь становится слабее¹¹⁰. Важно было далее, что он — так же, как до него и А.А. Зимин¹¹¹ — упадок хозяйства второй половины века считал не последствием опричины, а нашел, как раз наоборот, что опричина развернулась именно во время упадка хозяйства¹¹².

Из сказанного выше явствует, что в основу концепции С.М. Каштанова лег так называемый «компромисс» 1550-х годов. Но чем более спорным становился сам факт существования этого «компромисса», тем более сомнительной оказывалась конструкция опричины, выдвинутая С.М. Каштановым. Но если даже принять, что такой компромисс и имел место, нужно еще доказать: служила ли опричина интересам «дворянства» в целом? Это последнее С.М. Каштанов считал фактом, поэтому, с точки зрения политической централизации, оценивал ее положительно, хотя — как и А.А. Зимин — признавал ее явлением не антикняжеского, а антиудельного характера. С другой стороны — со стороны клас-

¹⁰⁸ Каштанов С.М. К изучению опричины Ивана Грозного // История СССР. 1963. №2. 108.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. 113.

¹¹¹ Ср.: Зимин А.А. Хозяйственный кризис 60–70-х годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. Сб. V. М., 1962.

¹¹² Каштанов С.М. Указ. соч. 114.

совой направленности — автор оценивал опричнину отрицательно¹¹³, присоединившись, таким образом, по существу к цитированной выше оценке Б.Ф. Поршнева.

Именно работы, вышедшие в 1963 г. и имевшие большое значение, сделали насущной потребность в обширной монографии, содержащей полную историю опричнины, ибо в прежних работах, при всех их заслугах, отсутствовал многосторонний анализ, основывающийся на известных источниках этого исторического явления и на всегдашней специальной литературе; кроме того, не было в них и систематического изложения. Эту потребность удовлетворил своей обобщающей работой «Опричнина Ивана Грозного» А.А. Зимин. Его работа уже по этой причине должна быть признана работой историографического значения. Самым существенным и в то же время самым остроумным было замечание одного из рецензентов, В.Б. Кобрин, осветившего значение работы А.А. Зимина в истории советской исторической науки. По его мнению, до появления данной работы «при иллюзии исследованности опричнина продолжала оставаться в определенной степени “белым пятном” в истории нашей страны»¹¹⁴.

А.А. Зимин, привлекая все известные источники, сделал опыт комплексного изучения опричнины; он не терял из виду ни одной области, исследованной до него специальной литературой. Путем подробного изучения внешних и внутренних причин он многосторонне осветил предысторию опричнины, указывая на объективные и субъективные причины, вызвавшие ее; привлекая большой архивный материал он описал преобразование местного и центрального опричного управления, изложив с соответствующей весу проблемы серьезностью усиление феодального гнета в период опричнины. Исходя из своей концепции, А.А. Зимин чрезвычайно подробно занимался вопросом уделов внутри

¹¹³ Там же. 117.

¹¹⁴ Кобрин В.Б. Рецензия на кн. А.А. Зимина, Опричнина Ивана Грозного // Вопросы истории. 1965. № 12. 155.

опричнины, соотношением государства и церкви в данный период. В ходе этого он часто прибегал к неизвестным доселе документам, критически перечитывал уже издавна известные источники и с их помощью пришел к новым по сравнению с прежними работами выводами.

Его исследования по отдельным проблемам «обрамляется» следующей концепцией: «Царь Иван IV сумел по-своему почувствовать историческую неизбежность ликвидации последних столпов феодальной раздробленности на Руси и возглавить борьбу за укрепление централизованной государственности»¹¹⁵. Такая исходная позиция обоснована взглядами, изложенными им в других работах, где А.А. Зимин, с одной стороны, выступает с положительной оценкой процесса образования централизованного государства, который охватил весь XVI в., а с другой стороны, считает главным препятствием этого процесса не боярскую аристократию, а уделы¹¹⁶. В нем, однако, можно подметить некоторую двойственность: несколькими строчками ниже, за цитированным предложением, А.А. Зимин уточняет свое мнение следующим образом: «Выбранные Иваном IV формы и методы усиления самодержавия превращали власть монарха в самовластие деспота»¹¹⁷.

В подтверждении его концепции сыграло важную роль изучение опал 1565 г. По его мнению, они «направлены были в первую очередь против тех, кто еще в 1553 г. поддержал В. Старицкого...» и явились превентивным мероприятием, имевшим целью «подорвать основную опору старицкого князя среди московской аристократии»¹¹⁸. Подобно этому он объяснил и поволжские ссылки¹¹⁹.

¹¹⁵ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 361.

¹¹⁶ Зимин А.А. Земельная политика в годы опричнины. 79; *Его же*. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. 20, 23.

¹¹⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. 361.

¹¹⁸ Там же. 141.

¹¹⁹ Там же. 148.

Такое же принципиальное значение получило в его книге мнение об отношении церкви и государства, сводившемся по сути к тому, что для московских государей союз с церковью был необходим лишь до тех пор, пока он нужен был «в их борьбе за установление самодержавия»¹²⁰.

По концепции А.А. Зимина, наряду с уже указанными выше факторами — князь В. Старицкий и воинствующая церковь, — третьим главным «форпостом феодальной раздробленности» был Новгород. По его мнению, Новгород для Ивана IV «представлял опасность и как крупный феодальный центр, и как союзник старицкого князя, и как потенциальный сторонник Литвы, и как крупнейшая цитадель сильной воинствующей церкви»¹²¹.

Расправившись с ним, согласно мнению А.А. Зимина, «опричнина Ивана Грозного выполнила свои основные задачи. Дальнейшее ее существование было лишено уже всякого исторического смысла»¹²². Не случайно после этого, что окончательная оценка опричнины звучит так: «Вызванная коренными интересами широких кругов феодалов, эта борьба в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных междоусобных распрей феодальной аристократии»¹²³. Следовательно, опричнина, по мнению А.А. Зимина, была направлена на преодоление препятствий, стоявших на пути централизации государства, она являлась орудием борьбы в руках широких кругов правящего класса (в этом отношении ее можно считать продолжением периода избранной рады), при этом опричнина в известной мере привлекла на свою сторону и народ, так что ее можно считать в основном прогрессивной. Далее А.А. Зимин делал несколько оговорок. Важнейшей из них была следующая: «Ее особенностью было то, что централизаторская по-

¹²⁰ Там же. 259.

¹²¹ Там же. 365.

¹²² Там же. 430.

¹²³ Там же. 479.

литика проводилась в крайне архаичных формах, подчас под лозунгом возврата к старине. Так, ликвидации последних уделов правительство стремилось добиться путем создания нового государственного удела — опричнины»¹²⁴. Ниже А.А. Зимин, привнеся в свою оценку некоторую долю субъективности, подытоживает свое мнение об опричнине следующим образом: «Варварские, средневековые методы борьбы царя Ивана со своими политическими противниками, его безудержно жестокий характер накладывали на все мероприятия опричных лет зловещий отпечаток деспотизма и насилия»¹²⁵.

Такое понимание проблемы во многих случаях вызывает недоразумения. Несмотря на то, что А.А. Зимин считает важнейшие задачи опричнины решенными, он в то же время пишет о ее объективной неосуществимости, поскольку предполагает противоречие между «сущностью мероприятий» и их формой¹²⁶, что в свою очередь объясняется историком отсталостью экономического базиса¹²⁷. Вследствие этого неясно, что еще должна была выполнить опричнина и не выполнила, поскольку в этом ей мешали социально-экономические отношения эпохи. Но проблематичными можно назвать и те выводы А.А. Зимины, которые касаются задач, решенных опричниной. Исследователь подходит к опричнине в основном с точки зрения ее политической направленности, что, по-видимому, подтверждает мнение об опричнине, как прежде всего политическом средстве в борьбе с раздробленностью. (Следующий вопрос: насколько силы, которые А.А. Зимин назвал «форпостами раздробленности», были таковыми в действительности? Во всяком случае, кажется, что если представить уделы в таком свете, то факторы, препятствовавшие централизации, потеряют конкрет-

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. 307.

¹²⁷ Там же. 388.

ное социальное содержание). Можно опасаться, что благодаря интерпретациям, подобным той, которую предложил А.А. Зимин, образуется определенный разрыв между конкретным историческим описанием и его осмыслением. Дело в том, что из книги А.А. Зимина в итоге не ясно, насколько необходимой и прогрессивной была опричнина в данной, конкретно описанной ее форме, потребности каких социальных сил она должна была удовлетворить и против каких социальных сил она была направлена, и вообще — имела ли опричнина какую-либо социальную направленность, и, если имела, то реализовалась ли эта направленность неизменно в течение всего времени существования опричнины?

Быть может, сам жанр монографии обусловил то, что книга А.А. Зимина выделялась, прежде всего, своей описательной стороной. В свою очередь в вышедшем в свет в 1966 г. втором томе 12-томной «Истории СССР с древнейших времен» на первое место выдвинулась задача создания единой концепции.

Поскольку и в этой книге раздел об опричнине был написан А.А. Зиминим, в ней по существу была воспроизведена позиция, уже изложенная историком в его монографии и последней научно-популярной статье¹²⁸. Однако, именно вследствие обобщающего характера «Истории СССР...», те положения А.А. Зимина, которые в предыдущих работах присутствовали завуалировано, теперь получили более определенную формулировку. Так, например, наряду с антиудельной направленностью опричнины, А.А. Зимин упоминает здесь и о противоречиях между боярами и дворянами, эти противоречия представляются ему объективно важнейшей причиной установления опричнины. Разделяло же эти две социальные группы, по заключавшему в себе серьезную опасность упрощения мнению А.А. Зимина, различие во

¹²⁸ См.: *Зимин А.А.* Новое об опричнине // Наука и жизнь. 1964. № 1.

взглядах по вопросу закрепощения крестьян¹²⁹. В дальнейшем исследователь, верный своей концепции, выдвигает на первый план отношения между опричниной и уделами, высказывая при этом (опять же побуждаемый особенностью жанра книги) множество представляющихся категоричными утверждений. Так, например, едва ли оправдано отнести слова В.И. Ленина¹³⁰ к XVI в. («Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения»). Несколько необычно прозвучала в советской исторической науке 60-х годов и формулировка, согласно которой новгородский погром «необходимое условие» в «завершении борьбы с политической раздробленностью страны»¹³¹.

Несмотря на подобные спорные положения, в разбираемой обобщающей работе больше положительных черт. Правда, в ее концепции не были учтены все достижения советской исторической науки, но, в общем, авторам книги удалось справиться с задачей опровержения многочисленных ошибочных оценок, содержащихся в «Очерках истории СССР» и бытовавших в общественном мнении. Особенно чувствительный удар по традиционной концепции нанесла глава, написанная В.И. Корецким, где сказано, между прочим, следующее: «Власть Ивана Грозного приобрела черты деспотизма. Резкое усиление самодержавия было достигнуто искусственным, насильственным путем, требовало огромного напряжения сил страны и потому не могло быть длительным... Тяжелое наследство оставял Иван IV своим преемникам: разоренную, закрепощаемую деревню и обезлюдевший город, пустую казну и в конец, оскудевшее воинство, беззаконие и произвол в судах и приказах, многочисленных врагов за рубежом и недовольство внутри страны, грозившее, как заметил один современник, разразиться всеобщим восстанием»¹³².

¹²⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. 183.

¹³⁰ Там же. 191.

¹³¹ Там же. 193.

¹³² Там же. 214.

В «Истории СССР» получила место определенная концепция опричнины, однако в советской исторической науке существовала и иная позиция, во многих отношениях расходящаяся с первой. Выше мы видели, что эта иная позиция дала о себе знать еще в 1961 г., а в 1965 г. был сделан новый шаг вперед; концепции А.А. Зимина, покоившейся во многом на фундаменте, заложенном С.Б. Веселовским, были противопоставлены дополнительные аргументы. В 1965 г. вышла в свет большая статья Р.Г. Скрынникова «Опричина и последние удельные княжения на Руси», в которой подвергается тщательному анализу один из главных элементов упомянутой концепции. Прежде всего, Р.Г. Скрынников обращается к А.А. Зимину с обоснованным вопросом: «Почему носителями традиций феодальной раздробленности в середине XVI в. выступает не княжеско-боярская знать, а московская церковь и одна из земель, в которой местное боярство было экспроприровано еще в XV в.?», и почему из удельных князей один лишь Старицкий «выступает как проводник удельной раздробленности и децентрализации?»¹³³. В дальнейшем автор статьи предлагает следующий методический подход при исследовании земельной политики опричнины: «Надо четко разграничить два различных вопроса: о территории опричнины и об отношении опричного правительства к крупному землевладению»¹³⁴. Ведь первой управляли главным образом потребности организации опричного войска, в то время как последнее было производной более сложных политических проблем¹³⁵.

Далее Р.Г. Скрынников анализирует один за другим уделы, существовавшие во второй половине XVI в., и приходит к такому заключению: «Ни Грозный, ни его опричная дума никогда не выступали последовательными противни-

¹³³ См.: Скрынников Р.Г. Опричина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. 153.

¹³⁴ Там же. 154.

¹³⁵ Там же.

ками крупнейшего удельно-княжеского землевладения»¹³⁶. Больше того, царь как раз щедро жаловал уделы, потому что «в момент острого столкновения с княжеско-боярской аристократией в годы опричнины правительство нуждалось в поддержке удельных владык»¹³⁷. На основании всего этого Р.Г. Скрынников считает, что опричная политика в отношении уделов носила «опосредствованный характер» в процессе превращения русской монархии в абсолютную¹³⁸.

Статьи Р.Г. Скрынникова, в которых автор, опираясь на широкую источниковедческую базу, выступил со своей интерпретацией исторического значения опричнины, предвещали рождение новой, крупной монографии. Ее первая часть, «Начало опричнины», была опубликована в 1966 г. В 1969 г. за нею последовала вторая часть, «Опричный террор». Поскольку эти книги по существу тождественны докторской диссертации Р.Г. Скрынникова, историки даже несмотря на задержку выхода в свет второй части, могли познакомиться с важнейшими результатами Р.Г. Скрынникова и его взглядами уже в 1967 г. по автореферату его диссертации. В этом же году появилась его же статья «Самодержавие и опричина», содержащая концептуальное обобщение исследований историка. В этих работах Р.Г. Скрынников сделал попытку более полной разработки истории опричнины.

В своих указанных выше работах Р.Г. Скрынников занимался всеми существенными моментами истории опричнины, поэтому анализ его положений, относящихся к отдельным проблемам данной темы, мы вынуждены уступить авторам специальных историографических работ. В этом исследовании мы можем уделить внимание лишь общей концепции историка, которая помогла ему сделать принципиальные выводы. Уже в начале своей книги «Начало оп-

¹³⁶ Там же. 173.

¹³⁷ Там же. 174.

¹³⁸ Там же.

ричины» Р.Г. Скрынников подверг скрупулезному анализу имеющиеся в наличии повествовательные источники, давая им во многих случаях иное, чем его предшественники, объяснение¹³⁹. Важнейшим достижением историка стало то, что он практически заново открыл и впервые систематически рассмотрел две другие группы источников. Выше мы видели, что Р.Г. Скрынников еще за два года до издания работ С.Б. Веселовского об опричнине опубликовал результаты своих исследований, связанных с реконструкцией указа Грозного о казанской ссылке и с изучением казанских писцовых книг. Эти исследования позволили ему увеличить количество казанских ссыльных до 170–180 человек. Их число С.Б. Веселовский (из-за отрывочной публикации писцовых книг) определил в 58 человек. В книге «Начало опричнины» Р.Г. Скрынников напечатал составленные им на основании архивного материала списки лиц, сосланных в Казань, Свияжск и Чебоксары по указу Грозного в 1565 г.¹⁴⁰, на основании чего он пришел к концептуально новым выводам. То же самое произошло и при реконструкции Синодика опальных царя Ивана Грозного. Внимательный разбор этого источника, изученного до того времени лишь частично, и обнаружение в результате архивных поисков новых списков Синодика дали возможность Р. Г. Скрынникову сформулировать новые положения относительно облика опричнины. Р.Г. Скрынникову, продолжавшему исследования С.Б. Веселовского и пришедшему, в конце концов, к совершенно иному результату, обязана советская историческая наука следующим результатом: «Список опальных царя Ивана Грозного принадлежит к категории зашифрованных источников. Но поскольку найден метод его разработки, этот, казалось бы, бедный содержанием и однообразный памятник превращается в один из основных источников по истории опричнины»¹⁴¹.

¹³⁹ Ср.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. 20, 64.

¹⁴⁰ Там же. 413–417.

¹⁴¹ См.: Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. 264–265.

Кропотливая источниковедческая работа дала Р.Г. Скрынникову право на создание новой концепции. Этому же способствовала и выбранная историком методологическая отправная точка, намеченная, собственно, В.И. Лениным (а еще раньше, В.О. Ключевским), определившими русское государство XVII в., как «самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией». Р.Г. Скрынников считал эти слова справедливыми и в отношении русского государства XVI в.¹⁴² В то же время это мнение полностью подтверждалось конкретными исследованиями, в том числе и обширной вводной главой книги «Начало опричнины». Последняя, между прочим, послужила для историка средством изображения связи между Избранной радой и опричниной. Мнение Р.Г. Скрынникова о «политической слабости дворянства»¹⁴³ является одним из важнейших положений этой главы, ведь в дальнейшем оно дало ему возможность высказать новое по сравнению с традиционной точкой зрения мнение о преемственности между «периодом реформ» и опричниной, а также и о социальной базе опричнины.

Р.Г. Скрынников не отрицал многих элементов прежней, широко распространенной концепции: «Опричный террор, ограничение компетенции боярской думы, включение служилых дворян и дьяков в состав думы, расширение роли и значения дворянской служилой бюрократии и, наконец, земский собор в годы опричнины бесспорно способствовали ослаблению политического влияния боярской аристократии и укреплению централизованной монархии, развивавшейся в направлении к абсолютизму»¹⁴⁴. Здесь, следовательно, Р.Г. Скрынников и сам рассматривает опричнину, как исторический этап развития централизованного государства, и как таковая, опричина по его мнению была

¹⁴² См.: *Скрынников Р.Г.* Опричина Ивана Грозного (Авто-реферат). Л., 1967. 35.

¹⁴³ См.: *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. 125.

¹⁴⁴ См.: *Скрынников Р.Г.* Опричина Ивана Грозного. 41.

направлена против главного препятствия на пути централизации, а именно боярской аристократии.

При этом заслуга Р.Г. Скрынникова состояла в том, что он не довольствовался этим общим утверждением, не видел в боярстве единый лагерь противников централизации, а сделал попытку полной реконструкции политической борьбы, предшествовавшей установлению опричнины, показал различного характера отношения к центральной власти разных боярских группировок, принявших участие в этой борьбе. Такой подход позволил достичь двух важных результатов. С одной стороны, ему удалось показать, что в первые 5–6 лет опричнины главной политической опорой являлось старое московское боярство и дворянство, к тому же лишь незначительная часть последнего¹⁴⁵, что логично проистекало из относительного бессилия дворянства, о котором говорилось выше, а также из традиционно сильных позиций боярства в жизни общества. В свете этого можно принять вывод Р.Г. Скрынникова, согласно которому результаты опричнины уже априори должны были быть половинчатыми и не способными изменить формулы русского государства: «самодержавие с боярской думой и боярской аристократией»¹⁴⁶.

Опричина не могла изменить эту формулу уже потому, — следует из концепции Р.Г. Скрынникова — что подрыв позиций боярства как сознательная политическая программа характеризовала опричину лишь в год ее создания. Эта мысль Р.Г. Скрынникова в особенно четкой формулировке содержится в последней, вышедшей в 1975 г., книге трилогии об опричине: «Как мера, антикняжеская опричина просуществовала не более года. В 1566–1572 гг. опричные репрессии всей своей тяжестью обрушились на старомосковское боярство, высшую приказную бюрократию,

¹⁴⁵ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. 191.

¹⁴⁶ См.: Скрынников Р.Г. Опричный террор. 248; *Его же*. Иван Грозный. 192.

отчасти дворянство и духовенство, т.е. те социальные слои, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии»¹⁴⁷. В интерпретации Р.Г. Скрынникова, следовательно, опричнина может быть разделена на два, резко отличающихся друг от друга этапа. В своей популярной обобщающей книге историк с выразительной силой, достойной В.О. Ключевского и С.Б. Веселовского, пишет, что между 1567 и 1570 гг. «стержнем политической истории опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру государства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов»¹⁴⁸. К этому выводу Р.Г. Скрынникова подвела прежде всего реконструкция Синодика опальных Ивана Грозного. В результате нового подхода к этому источнику на первый взгляд независимые друг от друга события указанного периода (напр. выступление митрополита Филиппа) расположились в тесной зависимости друг от друга: все они стали этапами «чудовищного процесса».

Что следует из этого деления опричнины на два периода? Отчасти то, что «бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий»¹⁴⁹, иначе говоря, главная историческая заслуга большего этапа существования опричнины сводилась к тому, что погромы «не могли изменить основных тенденций политического развития, отчетливо обнаружив-

¹⁴⁷ См.: Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. 7.

¹⁴⁸ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. 191.

¹⁴⁹ Там же. 195.

шихся в период реформ Избранной рады»¹⁵⁰. В таком толковании опричнина представляется концом политической линии (содействие централизации) предшествовавшего ей периода, ибо террор обернулся острием против социальных групп, составлявших естественную базу централизованного государства¹⁵¹, а с другой стороны, разделила его надвое, ведь «опричнина стала своеобразным государством в государстве или, точнее, государством над государством»¹⁵².

Несмотря на перечисленные выше «объективные» результаты опричнины, крайне проблематичным кажется вопрос об ее исторической целесообразности. Выяснилось, что в течение большего времени существования опричнины характерный для нее террор «был полной бессмыслицей»¹⁵³, и это имело самые тяжелые последствия для государства. Р.Г. Скрынников не сомневается в политическом смысле самой опричнины, рассматривая ее как «своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления»¹⁵⁴ и объясняя рациональными причинами даже то, как эта мера обернулась (неизбежно должна была обернуться) против самой себя (прежде всего из-за потери своей социальной базы). Однако в свете исследований историка существенное значение получает его утверждение, что «опричнина никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования»¹⁵⁵. Исследования Р.Г. Скрынникова убедительно доказали, что опричнина обладала объективным политическим смыслом в год своего создания; также можно считать доказанным, что в дальнейшем этот смысл был потерян, поэтому по-прежнему проблематично, в каком смысле был «период опричнины... важным этапом в процессе

¹⁵⁰ См.: Скрынников Р.Г. Опричный террор. 247–248.

¹⁵¹ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. 412.

¹⁵² Там же. 270.

¹⁵³ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. 191.

¹⁵⁴ Там же. 192.

¹⁵⁵ См.: Скрынников Р.Г. Опричнина Ивана Грозного. 21.

длительного исторического развития от феодальной раздробленности к абсолютной монархии»¹⁵⁶.

Представляется справедливой постановка вопроса одного из критиков Р.Г. Скрынникова, В.В. Дорошенко: почему опричнина «бесспорно» «вела к укреплению централизованной монархии?»¹⁵⁷. Однако нельзя согласиться с мнением, что Р.Г. Скрынников якобы вернулся «в целом к традиционному взгляду на опричнину как антикняжескую политику» (С.М. Каштанов)¹⁵⁸. Едва ли правомерно утверждать, что Р.Г. Скрынников «вернулся» к линии Платонова — Садикова. Всё, сказанное нами выше, служит подтверждением не этого. Речь идет скорее о том, что Р.Г. Скрынников принял и развил те результаты двух основных концепций, которые выдержали проверку временем, а в результате этого у него родилась новая, третья, оригинальная концепция.

В этой последней, конечно, имеются и проблематичные пункты. Выше мы касались того, что, по нашему мнению, в ней недостаточно однозначно определено отношение между опричниной и централизацией. С этим тесно связан и следующий вопрос: в какой степени можно считать могущественную боярскую аристократию носителем пережитков феодальной раздробленности. Возможно, дело просто в том, что боярство являлось противником неограниченной самодержавной монархии? В этом случае возникает общий, оценочный вопрос: в каком смысле можно назвать прогрессивной неограниченную самодержавную монархию и регрессивными борющимися против нее силы? Конкретно: можно ли называть то же самое историческое явление в 1565 г. прогрес-

¹⁵⁶ См.: *Скрынников Р.Г.* Самодержавие и опричнина // *Внутренняя политика царизма (сер. XVI – нач. XX в.)*. Л., 1967. 71.

¹⁵⁷ См.: *Дорошенко В.В., З.К. Янель.* Заметки о новой литературе по истории феодальной России // *История СССР*. 1968. № 5. 159.

¹⁵⁸ См.: *Каштанов С.М., Клокман Ю.П.* Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX века // *История СССР*. 1967. № 5. 169.

сивным, а в 1566 г. регрессивным, если очевидно, что происшедшая с ним перемена не случайна?

3. Изыскания продолжаются

В 1960-х гг. советские историки достигли значительных результатов в изучении опричнины. Благодаря этому изученность этого важного периода русской истории перестала быть «иллюзией». Однако две большие монографии, появившиеся в 60-е гг., концептуально исключали друг друга, и это вызвало необходимость унификации оценочных критериев.

В этом отношении особого внимания заслуживает дискуссионная статья А.Л. Шапиро о русском абсолютизме, напечатанная в 1968 г. В этой статье автором уделено значительное внимание и проблеме опричнины как мероприятию, ставшему решительным шагом на начавшемся в эпоху Ивана III пути к установлению самодержавной монархии. В этом отношении исследователь все же подчеркивает разницу между периодом правления Избранной рады, за время которого «в России была несамодержавная монархия с Боярской думой и сословно-представительными учреждениями»¹⁵⁹, и периодом опричнины, которая была «спазматическим самодержавием, проявившимся резко, но непоследовательно»¹⁶⁰. Но поскольку «из трех китов самодержавия — армии, бюрократии и полиции — Грозный вместе с отрядами преторианцев использовал в качестве своей опоры прежде всего политический гнет», это обстоятельство «помешало самодержавию прочно утвердиться в то время на Руси»¹⁶¹.

А.Л. Шапиро считает, что связанные с именами А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова «новейшие попытки расценить опричнину как удар по тенденциям к феодальной раздробленности исследователями взаимно опровергнуты»¹⁶². На

¹⁵⁹ См.: Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. 73.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. 74.

¹⁶² Там же. 79.

этом основании историк чувствует себя вправе отрицать положительное значение опричнины в укреплении централизации, поскольку «опричный террор способствовал разорению страны, усилил тяжелое запустение главных жизненных центров страны и содействовал поражению России в Ливонской войне»¹⁶³. Но прежде всего опричина должна получить отрицательную оценку по сравнению с правлением Избранной рады потому, что «русское самодержавие пришло в опричные времена на смену монархии с менее произвольным... режимом. И шаг от него к самодержавию никак нельзя признать шагом вперед»¹⁶⁴.

А.Л. Шапиро впервые сделал критерием оценки не цели опричнины, с трудом поддающиеся реконструкции, якобы «объективно прогрессивные», а ее отрицательные исторические последствия. Помимо того, что историк прибавил к двум оспариваемым им концепциям третью, свою (согласно которой опричина не имела никакого исторического значения), он вместе с тем придал и концептуальное обрамление тем конкретным исследованиям, в центре которых находятся «результаты», исторические последствия опричнины.

Множество конкретных данных о социальных последствиях опричнины, добытых в результате обработки большого количества архивных материалов, содержит появившаяся в 1966 г. монография Ю.Г. Алексева «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.». И хотя автор поставил в фокус своего исследования только Переяславский уезд, сделанные им выводы во многих отношениях могут быть распространены на всю Северо-Восточную Русь. Один из важнейших среди этих выводов касается черных волостей: «Если на протяжении XV в. черная волость была одним из основных элементов аграрного и социального строя, а в середине XVI в. сохранялась во многих частях уезда, то десятиле-

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. 80.

тия правления Ивана IV оказались для него роковыми¹⁶⁵, поскольку эти земли раздавались феодалам». Другой важный вывод автора, сделанный им на основании актового материала, указывает на рост монастырского землевладения за счет землевладения светского, что свидетельствует «о серьезных потрясениях всей традиционной системы феодального землевладения в уезде. При этом рядовой феодал страдает под ударами опричной политики не меньше, чем боярин, а может быть, и больше, будучи экономически более слабым»¹⁶⁶. Важнейшим теоретическим последствием этих исследований было то, что после них уже вряд ли можно было интерпретировать опричнину как союз народа и средних слоев правящего класса, поскольку в свете новых данных эти последние не могли быть социальной базой этого исторического явления.

Во многом сходные с этим заключения можно сделать и на основании монографии Н.Е. Носова (1969 г.), в которой на опричнину возлагается еще и ответственность за пересечение якобы прогрессивного развития страны: «Распадение же волости в результате расхищения и захвата ее земель, а также попадание определенных групп волощан в имущественную и личную зависимость от соседних феодалов подрывали устойчивость волостного крестьянского мира, лишали волостных богатеев их основной опоры, а следовательно, закрывали пути для обуржуазивания крестьянства в целом, что и произошло в центральных районах Северо-Восточной Руси в XVI в., во время и после опричнины Ивана Грозного»¹⁶⁷.

Спустя менее, чем десять лет авторы книги историографического значения «Аграрная история Северо-запада

¹⁶⁵ См.: *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV– XVI вв., Переяславский уезд. М. –Л., 1966. 184–185.

¹⁶⁶ Там же. 198.

¹⁶⁷ См.: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 283.

России XVI века», созданной под руководством А.Л. Шапиро, подвергли анализу социально-экономические отношения другой важной территории Русского государства. И хотя составители этого издания уделили особое внимание комплексному исследованию причин экономического, социального, политического, военного и династического кризиса, обозначавшегося к концу правления Ивана IV, они не скрывали, что одной из причин опустошения была опричнина¹⁶⁸.

В указанных выше монографиях подчеркивались прежде всего отрицательные стороны опричнины. Поэтому субъективно понятно, что снова дало о себе знать стоящее вне исторической науки направление, коренящееся в деятельности психиатров конца XIX в. В 1965 г. доктор медицинских наук А. Личко выразил мнение, согласно которому «несомненно, что психическое заболевание Ивана Грозного сыграло свою роль в истории»¹⁶⁹. То, что снова стало уделяться внимание исторической личности, оказавшей влияние на ход событий, несомненно, заслуживает положительной оценки, но едва ли можно поверить в возможность диагностирования болезни примерно четырехсотлетней давности. Поэтому, приведенное выше утверждение с исторической точки зрения приходится считать недостаточно обоснованным. Намного перспективней в разбираемый период кажется деятельность историков литературы, строивших свои выводы относительно психической лабильности Ивана IV на приписываемых ему произведениях, на своеобразии их индивидуального стиля. В этой связи Д. С. Лихачев, например, выделяет «своеобразное скоморошество Грозного»¹⁷⁰, и указывает, что «Грозный страдал страхом

¹⁶⁸ См.: Аграрная история Северо-запада России XVI века / Рук. авт. коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1978. 198.

¹⁶⁹ Ср.: Личко А. Глазами психиатра // Наука и религия. 1965. № 11. 43.

¹⁷⁰ См.: Лихачев Д.С. Лицедейство Грозного // Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. 38.

смерти и страхом преследования»¹⁷¹. Подобного же мнения придерживается и Я. С. Лурье, отмечая, что «Иван IV был одной из наиболее страшных фигур в истории России»¹⁷².

Но было бы ошибкой думать, что только историки литературы подчеркивают влияние личности царя на ход исторических событий. А.М. Сахаров, например, в своем учебном пособии (1969 г.), пытаясь между прочим в силу обобщающего характера работы примирить противоположные концепции опричнины¹⁷³, говорит с доселе беспримерной в советской историографии однозначностью о роли характера царя в борьбе за укрепление самодержавия¹⁷⁴. В то же время он считает важным добавить, что «гнев Ивана Грозного был проявлением не только его ненормальной жестокости, но и определенных политических тенденций»¹⁷⁵. Однако произведение А.М. Сахарова выделяется из других работ, написанных в это время, не только тем, что в нем открыто обсуждается патологическая психика царя, но и тем, что А.М. Сахаров приписывает опричнине двойную цель: «Опричнина была направлена против пережитков феодальной раздробленности и против антифеодальных выступлений народа». В то же время, продолжает автор, она была заранее обречена на провал, поскольку противоречила экономическому базису¹⁷⁶.

Примерно десять лет спустя А.М. Сахаров несколько видоизменил свое мнение и сделал шаг вперед по пути приведения к общему знаменателю концепций А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова, приписав опричнине, между прочим, выступление против социального слоя, определенного туман-

¹⁷¹ См.: Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975. 286.

¹⁷² История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. 322.

¹⁷³ См.: Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. 105–106.

¹⁷⁴ Там же. 104–105.

¹⁷⁵ Там же. 108.

¹⁷⁶ Там же. 110.

ным термином «знать»¹⁷⁷. Кроме этого, он еще сильнее подчеркнул значение потребностей, связанных с ведением Ливонской войны, и в соответствии с этим нарисовал более положительную картину опричнины¹⁷⁸.

Несколько эклектичный характер данного выше обзора указывает на то, что для раскрытия «тайны» опричнины были нужны дальнейшие исследования. В 1970-х гг. они шли в нескольких направлениях. Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков осуществили важное начинание, критическое издание переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ю.Д. Рыков обобщил дискуссию¹⁷⁹, которую начал Р.Г. Скрынников, выступив в 1973 г. против концепции Э. Кинана¹⁸⁰, который, как известно, оспаривал датировку переписки XVI веком. Уже из сказанного видно, что эта дискуссия мобилизовала значительные силы в советском источниковедении. Целый ряд ученых пытался прояснить с различных точек зрения оставшиеся в тени вопросы, и им удалось совместными усилиями доказать гипотетический характер конструкции.

В последнее время снова стали появляться работы, которые освещали противоречивый характер опричнины с точки зрения судеб централизации. Так, например, С.М. Каштанов в связи с финансовой политикой опричнины пришел к выводу, что «тенденция централизации финансов уступали место тенденциям их децентрализации»¹⁸¹. Г.В. Аб-

¹⁷⁷ См.: *Сахаров А.М.* Россия и ее культура в XVI веке // Очерки русской культуры XVI века. С. 1 / Под ред. А.В. Арциховского. М., 1977. 30.

¹⁷⁸ Там же. 34.

¹⁷⁹ См.: *Лурье Я.С., Рыков Ю.Д.* Археологический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1979. 251, 257.

¹⁸⁰ Ср.: *Скрынников Р.Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

¹⁸¹ См.: *Каштанов С.М.* Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982. 89.

рамович отметил полную безрезультатность поместной политики и, в тесной связи с ней, стремительное ухудшение мобилизационных возможностей¹⁸². А.А. Зимин же с помощью местнических дел из описи Царского архива осветил время складывания опричнины и снова подчеркнул продуманный характер опричной «реформы»¹⁸³.

В 1970-х гг. несколько исследователей занималось проблемой, выходящей, строго говоря, за пределы нашей темы, а именно: «вторым изданием опричнины», ее «частичным восстановлением», иначе говоря, кратковременным правлением Симеона Бекбулатовича¹⁸⁴. Но ни один из названных авторов не сомневался в том, что в 1572–1573 гг. опричнина прекратила свое существование. В свете этого приобретает особое значение защищенная в 1983 г. докторская диссертация Д.Н. Альшица, возродившая одно из прежних направлений исторической науки. Поскольку мы сумели познакомиться лишь с авторефератом диссертации, нам придется ограничиться несколькими замечаниями. Основное положение Д.Н. Альшица сводится к тому, что «возникновение самодержавного строя теснейшим образом связано с учреждением опричнины»¹⁸⁵. Такой подход несколько напоминает использованное И.И. Полосиным, широкое понятие опричнины, поскольку опричнина в данном случае отождествляется вообще с неограни-

¹⁸² См.: *Абрамович Г.В.* Дворянское войско в царствование Ивана Грозного // *Россия на путях централизации.* 191–192.

¹⁸³ См.: *Зимин А.А.* Государственный архив и учреждение опричнины // *Общество и государство феодальной России.* М., 1975. 304.

¹⁸⁴ Ср.: *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // *Вопросы истории.* 1976. № 5; *Зимин А.А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. (Из истории Татарии. Сб. IV) // *Ученые записки Казанского гос. педагогического института.* 1970. Вып. 80; *Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. 5–39.

¹⁸⁵ См.: *Альшиц Д.Н.* Опричнина и формирование аппарата власти самодержавия / Автореф. дис. доктора ист. наук. Л., 1982. 3.

ченным правлением. Однако такой подход таит в себе множество опасностей, прежде всего опасность потери исторической перспективы, так как четко ограниченная во времени и пространстве историческая проблема лишается своей конкретности и переносится в сфере абстрактных обобщений. Таким способом на основании поверхностных совпадений можно легко выявить аналогии, генетические связи.

Что же касается самой конкретной проблемы, то написанное о ней Д.Н. Альшицем во многих случаях кажется довольно проблематичным.

Прежде всего, здесь нужно упомянуть то, что историк считает опричнину фатально неизбежной и видит в опричной форме единовластия нечто логично вытекающее из прежнего социально-экономического развития страны¹⁸⁶. В то же время, как это ни странно, когда заходит речь о социальной базе опричнины, почти все слои общества оказываются в оппозиции¹⁸⁷. Естественно возникает вопрос: каково же социальное содержание опричнины? Д.Н. Альшиц отвечает, что намного большую важность имеют вооруженные отряды и аппарат власти¹⁸⁸. Но если этот вид единовластия был настолько лишен социальной поддержки, трудно понять, как он мог стать следствием всего предшествовавшего развития, а главное, как он мог так долго существовать? К тому же оценка Д.Н. Альшица неоднозначна: на основании того, что он выводит самодержавие, сохранившееся до 1917 г., из опричнины (между прочим, при такой аргументации его начало можно было датировать эпохой Ивана III, а то и возвратиться к княжению Андрея Боголюбского), нельзя понять, плюс это или минус с точки зрения оценки опричнины?

В значительной мере против некоторых «традиционных» представлений была направлена и недавно защищенная диссертация В.Б. Кобринина «Землевладение светских

¹⁸⁶ Там же. 15.

¹⁸⁷ Там же. 18, 19, 20.

¹⁸⁸ Там же. 24.

феодалов и социально-политический строй России XV–XVI веков». Она имела определенное значение с точки зрения интересующей нас проблематики, ибо значительная часть ее посвящена земельной политике при опричнине. Нам нельзя не согласиться с исходной позицией автора: «крупные феодалы в меньшей степени, чем мелкие, были заинтересованы в единстве страны и в ее централизации», а далее: «концепция борьбы боярства против централизации вступает в противоречие с логикой»¹⁸⁹. Однако ряд положений В.Б. Кобрин, конкретизирующих процитированное высказывание, представляется нам спорным. Так, например, мнение о практическом отождествлении поместья и вотчины в данный период¹⁹⁰, его скепсис в связи с массовыми опричниками выселениями,¹⁹¹ отрицание им перелома во время опричнины княжеского землевладения¹⁹², все это нуждается, по крайней мере, в дальнейших доказательствах. К тому же в доказательствах корректных, точно таких, каких требует В.Б. Кобрин от некоторых других историков¹⁹³.

В статье «О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории», вышедшей в свет в 1975 г., Л.В. Черепнин, исходя из наличия во многом исключаящих друг от друга новейших концепций опричнины, сделал следующий вывод: «В целом вопрос об опричнине пока не может считаться решенным, ибо не до конца обследованы источники, не полностью устранены все неясности»¹⁹⁴. Следует согласиться с той частью мнения Л.В. Черепнина, которая побуждает к даль-

¹⁸⁹ См.: *Кобрин В.Б.* Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI веков / Автореф. дис. на соискание уч. ст. доктора наук. Л., 1983. 8.

¹⁹⁰ Там же. 25.

¹⁹¹ Там же. 30.

¹⁹² Там же. 31.

¹⁹³ Там же. 30.

¹⁹⁴ См.: *Черепин Л.В.* О некоторых нерешенных проблемах отечественной истории // Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. 268.

нейшим исследованиям, однако работы об опричнине, вышедшие в 1960–1970-х годах, заслуживают более положительной оценки, чем та, которую им дает Л.В. Черепнин.

Ниже мы перечислим некоторые из решений и результатов советской историографии последнего времени. Представляется бесспорным, что опричнина:

- 1) прервала реформы середины XVI в.;
- 2) объективно являлась выражением противоречия между аристократией и принципом неограниченного единовластия, хотя субъективно причины столкновения не ясны;
- 3) существовала связь между опричниной и потребностями Ливонской войны, а также обеспечением безопасности царя и его семьи;
- 4) однако ни в момент своего возникновения, ни, тем более, позже опричнина не регулировалась единой политической концепцией, целью, единым принципом;
- 5) в ее функционировании за всё время ее существования большое значение имела личность царя;
- 6) в сложившейся форме опричнина содержала в себе глубоко архаичное начало, неотъемлемым элементом которого являлось применение необоснованно крайних средств;
- 7) с помощью этих средств были резко ослаблены экономические, социальные и политические позиции аристократии;
- 8) однако не меньше пострадала и та часть правящего класса, которая следовала по чину за боярством, а также народ, в том числе и крестьянство;
- 9) в результате этого опричнина покоилась на резко сузившемся, позже практически исчезнувшем социальном фундаменте, недостаточность которого должен был возместить бессмысленный террор;

10) последний, однако, стал одной из причин экономического, социального, политического, военного и династического кризиса, сложившегося ко времени смерти Ивана IV;

11) следовательно, в итоге опричнина принесла гораздо больше вреда, чем пользы.

Нам представляется, что перечисленные выше результаты имеют огромное значение, достойно завершают продолжительный период изучения проблемы. И не только потому, что прояснено главное содержание одного из сложнейших периодов русской истории (этого тоже нельзя недооценивать), но и потому, что тем самым в новой перспективе видится вся проблематика централизации, самодержавия, абсолютизма, получен импульс для дальнейшего изучения этой проблематики. Перед нами хороший пример того, как исследование эпохи (реформ 1550-х годов и опричнины) освободилось от накопившегося в течение столетий балласта.

(1987)

SOME PARALLELS BETWEEN THE IMAGES OF IVAN THE TERRIBLE AND PETER THE GREAT IN RUSSIAN HISTORICAL THOUGHT¹

Today I would like to present to you a lecture: how the Russian people have judged Ivan the Terrible and Peter the Great, these two remarkable historical personalities in Russian history. You may ask: why just these and why not some other Russian rulers have been chosen as the main characters of my presentation. Well, first of all because I feel myself more or less competent to speak about these two personalities. But the main reason is that Ivan the Terrible as well as Peter the Great are to a certain degree key-figures in Russian history. If we could correctly define the predominate trends of their reigns we would be able to get much closer to understanding the peculiarities of Russian historical development.

All of you know it well that Ivan the Terrible is famous in Russian history for his attempt to initiate totalitarian dictatorship in Russia and you also know that he failed to accomplish it. In this sense — and only in this sense — the policy of Ivan IV was continued and accomplished by Peter I. But in the case of Peter the Great we are interested both in his quasi-absolutistic power and his attempt to turn his country towards Europe. Generally

¹ «Посмертной истории» Ивана IV и Петра I позже я посвятил монографию. См.: *Szvák, Gyula*. IV. Iván és I. Péter utóélete. Ruzsisztikai Könyvek VIII. Budapest: ELTE Ruzsisztikai Intézet, 2001 (256 p.).

speaking this fact makes our assessment a little complicated because at least in Eastern Europe the historical development of Western Europe is regarded as the classical example of the historical development in general. For Ivan the Terrible the question seems to be easy: since he was representative of autocratic power our judgement concerning him depends on whether we accept theoretically this kind of power or not. As far as Peter I is concerned even if we reject the tyranny we may appreciate his sympathy towards Europe. Precisely from this detail is derived the so-called duality of the judgement concerning Peter the Great in Russian historical thought in contrast with the unified — although chronologically changing — judgement on Ivan IV.

Probably this is enough for a brief and general introduction and now let's see how succeeding generations of Russian historians have regarded these "heroes".

Usually I tend to start my lectures on the Russian historiography with Karamzin's History of the Russian State. It is a commonplace of Russian historiography that Karamzin's great work was the first in Russian historical science to make the Russian historical past available to the educated public in Russia in the first decades of the 19th century — due to his popular style. You remember he was once a novelist. But it would be in just not to mention the long period of the emergence of the Russian historical science, the epoch of the so-called Russian Enlightenment.

Curiously enough but it was one of the peculiarities of the Russian Enlightenment that representatives of the autocracy were highly appreciated that time in Russian historical thought. During the reign of Peter I this behaviour could be easily understood but the situation did not change even in the second half of the 18th century. But it can be regarded as a regular phenomenon since official ideology tried to legitimate contemporary absolutist power idealizing the previous autocrats. In this sense there were no significant differences between views about Ivan IV and Peter I. Only prince Scherbatov in his History of Russia criticized the cruelties of Ivan the Terrible and he never openly criticized the cruelties of

Peter the Great. However, in his famous unpublished pamphlet, *The Corruption of Morals in Russia* he showed a negative attitude to the reign of Peter I since he belonged to the quasi-opposition of the aristocracy during the time of Catherine II. You know the reign of Catherine the Great was still very close to that of Peter I...

Actually, we may say until Karamzin it was prohibited to criticize an autocrat in Russia. What changed by the second decade of the 19th century? Nikolai Karamzin who had got the job of the royal historian in the Kremlin became the revolutionary innovator who dared to blame a legal Russian monarch. Of course, Karamzin was not a revolutionary, he was simply an honest citizen, a moralist who could not tolerate the excesses of despotic power, that's why he blamed Ivan the Terrible. He was also a conservative who tried to make his tsar, Alexander I avoid the barbaric means of Ivan the Terrible for his and his country's own good. This point of view is clearly reflected in the following quoting: "Among the other cruel experiences of the Fate, besides the evols of the Appanage system, and the Mongol Yoke, Russia also had to suffer the tyranny of the autocrat, but Russia still retained affection for the autocracy, because the Russian people believed that God had sent pestilence and earthquakes and tyrans and for 24 years injured this assassins, and invoking every possible prayer so that these would be better times during the reigns of Peter the Great and Catherine II (but history does not like us to speak of the living)".

So, Karamzin personally wished to protect absolutist power by blaming excesses on individual of rulers like Ivan and Peter. This is the reason why he never could grasp the reaction of the Decemberists in his famous 9th volume of the *History of the Russian State*. As you know the revolutionary minded Decemberist generation regarded this volume as their Bible ever since they allowed to read openly critical words about a Russian tsar. And they did not care whether the name of the tsar was Ivan, Peter or Alexander.

As for Peter the Great Karamzin's position was a little more complicated and it changed during his lifetime. In 1792 as a nov-

elist he wrote enthusiastically about Peter I but two decades later as a historian he became more moderate since he was opposed to every sort of radical change including even the reforms of Peter I. However, the main reason becomes clear in the following text: “We became citizens of the world but ceased in certain respects to be the citizens of Russia. The fault is Peter’s”. Consequently, the origin of Karamzin’s criticism was the new ideology on nationalism. In fact, he as a russophile charged Peter with having cosmopolitan manners. It is interesting to note that Karamzin and Decemberists held many views in common even in the case of Peter I. However — as a professor Riasanovsky has stated in his book about the Image of Peter the Great in Russian History and Thought — the criticism of the Decemberists came from the Enlightenment Left and Karamzin became the major critic of the reformer in the first quarter of the 19th century from the position of the new Right.

The decade after the Decemberists movement is regarded as an ice-age in the history of Russian ideas — maybe it was the second ice-age if we consider the first the oprichnina of Ivan IV — that is the reason why we have to pause for a minute at the figure of Piotr Chaadayev who was the first to attack openly the official ideology of that time in his famous Philosophical Letters. To tell the truth he did not pay much attention to the personality of Peter I but he blamed the whole Russian past including this tsar for Russia’s backward condition. For his harsh criticism he was proclaimed a madman, the editor banished and even the censor was dismissed. A year later Chaadayev changed his views in his unpublished Apology of a Madman. It is characteristic that his views on Peter the Great also altered. I’m going to quote only one of his sentences, I suppose it accurately reflects his new point of view: “In his hand Peter the Great found only a blank sheet of paper and he wrote on it: Europe and the West, since then we belonged to Europe and to the West”. There were serious reasons why he idealized Peter the Great. That time it was well-known among the Russian public that Nicholas I greatly loved Peter the

Great. And Chaadayev in order to make his fate better decided to write some favourable pages about Peter. During the reign of Nicholas I the idealization of Peter I reached its height in the whole history of Russia. In fact, during these decades it was prohibited to criticize even Ivan the Terrible. This means that this period can be regarded as a time of the cult of despotic tsars to whom Nicholas I felt himself similar. He had no difficulty forgetting Peter's reforms and he concentrated only on Peter's absolutistic power. That's why the treatment of Peter I and Ivan IV was the same during the reign of Nicholas I.

This helps us to understand how the assessment of Peter I and Ivan IV throughout all phases of Russian history had very deep ideological and political motivations. But there was more. Along with the emergence of modern Russian historiography especially the so-called state school there was spread a rational explanation of Russian history. For representatives of the state school the greatest value in the people's history was the state. Since they considered Ivan the Terrible and Peter the Great as men who strengthened the Russian state they highly admired both of them. We should notice here the name of Kavelin and above all of Sergei Solov'ev, the author of the grandiose History of Russia.

From the point of view of the centralized state Solov'ev idealized even Ivan the Terrible because he thought Ivan had fought for a great and strong Russia yet his treatment of Ivan was to certain extent ambivalent. Namely because as a moralist — not a historian, you know he strictly divided these two spheres — Solov'ev was intolerant of Ivan's irrational barbarity. This was of course the influence of court historiography, particularly of Karamzin. As for Peter the Great the assessment of Solovev was unambiguous. One of the reasons was that the state school was based on the ideology of Russian Westernizers, for whom Peter the Great had played the most important role in Russian history turning their country towards Europe. This tradition was continued by the so-called revolutionary democrats who praised Peter for his attempt to modernize underdeveloped — but enormous —

Russia. On the other hand revolutionary democrats — for example Herzen and Chernyshevsky — as the intellectual successors of the Decemberists criticized the first Russian emperor for his despotic power. In the last analyses their treatment of Peter the Great retains its ambivalency. With the possible exception of the brief period between the end of the Crimean war and the abolition of serfdom when even revolutionary democrats believed very much in their new tsar and his new policies, that's why they idealized even the previous reformer of Russia, Peter the Great.

The greatest admirer of Peter among the revolutionary democrats was Belinsky. Although Belinsky's comrades were not at all tolerant of Ivan IV Belinsky admired even him. This means that he believed that strong power was necessary to advance the history of Russia. From this point of view, we may say, that the opinion of Belinsky was the closest to the Stalinist view of autocratic power in pre-revolutionary Russian historical thought.

Of course, Peter I and Ivan IV had not only admirers in the fourth and fifth decades of the last century. They had also detractors. These critics belonged to the so-called group of Slavophiles who believed that an alliance had existed between the tsar and the people and they criticized Ivan and Peter because they destroyed this alliance. But the main reason why they blamed especially Peter I had no social roots but was based on nationalist ideology. They — for example, Konstantin Aksakov and Homyakov — felt Peter had turned the country to a wrong — non-Russian — way, so in their eyes this tsar became public enemy number 1 of the Russian people, much more dangerous than Ivan IV in spite of the fact that Peter had reformed Russia.

On the basis of the above mentioned we can come to the conclusion: the assessment of Ivan IV and Peter I until the middle of last century was strongly influenced by the political needs of the autocratic power of Russia, by the general philosophy of history and, of course, by the continuous progress of Russian historical science. The more developed Russian historical science became the less important political motivations became and the

analyses by the state school was none the dominant approach to the history of Russia. Solov'ev and his followers admitted only scientific motivations and they would have protested if they had been accused of political motivations. It is another question whether the ideal state was even for Solov'ev the Russian despotic power and it influenced his treatment of the Russian past as well.

So, in Russian historical thought because of the state school the positive assessment of Peter I and Ivan IV became dominant. I regard it as a step forward in spite of the fact that in my personal opinion Ivan IV was a harmful figure in Russian history and even Peter I did more harm than good. However, the philosophy of history of the state school was more a rational in contrast with the moralistic historiography of the 18th century. But the passage of time has showed that even the state school could not defend itself against the critics of Peter I.

Professor Riasanovsky has stated that “the sporadic and poorly grounded attacks of the Russian Age of Reason on the first emperor and the powerful but sectarian and narrowly based Slavophile critique were succeeded by a much more widespread and detailed criticism of almost every kind.” The other significant feature of the period between 1861 and 1917 was the image of Peter the Great did not maintain its intellectual and cultural hegemony in Russia to the same extent as it had earlier. What I have already said it is also characteristic of the image of Ivan the Terrible, who's importance was always less in comparison with Peter the Great, at least until Stalinist time.

In the last decades of the 19th century in the age of so-called Scholarship and Positivism the negative and dubious results of the reign of Peter I were exposed in a number of serious monographs and essays. Even Klyuchevsky to some extent — a follower of the “state school” came to the following conclusion in his famous “Lectures”: “To the end of his life he could not understand either historical logic or the physiology of the life of the people... So, without exaggerating or minimizing the work of Peter the Great, his significance can be expressed as follows. The

reform emerged by itself from the pressing needs of the state and the people, and it was felt instinctively by a commanding human being with a sensitive intellect and a strong character, with talents harmoniously combined in one of these exceptionally happily constituted natures, who, for reasons yet unknown, appear from time to time in the midst of mankind". Finally, Klyuchevsky's Peter the Great came out diminished, but still important. At least he was more significant than Ivan the Terrible. Listen to Klyuchevsky again: "Ivan's regime can be compared with the disaster of the Mongol Yoke and the Appanage system... He may be likened to that blind hero of the Old Testament who, to destroy his enemies, pulled down upon his own head the building in which those enemies were seated".

Criticism of Ivan the Terrible reached its height in intellectual circles of the 1860's. As regards the image of Peter the Great it sustained the greatest attack in 1890's. Pavel Milyukov wrote the following: "New tasks of foreign policy fell up on the population of Russia at such a moment when it did not possess as yet sufficient means to carry them out. The political growth of the state had again gotten ahead of its economic development. At the price of ruining the country Russia under Peter attained the rank of a European power." Milyukov's criticism did not come from a Slavophile position but came from a westernizer. Professor Riazanovsky is right when he writes that Milyukov accepted Peter's reforms, but he insisted they should have gone further. Peter the Great would have certainly agreed with this statement. And I'd like to add that I too can agree with this.

It was Vasilii Klyuchevsky who declared: "Joint action of despotism and freedom, enlightenment and slavery — this is a political squaring of the circle, a riddle that we have been trying to solve in the course of two centuries since the time of Peter and have not solved as yet". So, the critical voices against Ivan IV and Peter I were determined by the fact that the generation of Russian historians just before the October Revolution was aware of this tragic fate of Russian history and tried to depict it honestly.

This situation changed after 1917. The leading historian of the 1920's, Mikhail Pokrovsky and his followers devised a special — simplified — solution that seemed good to them. As the successors of the so-called oppressed classes they denied every sort of absolutist power and hated every crowned people including Ivan IV and Peter I. On the other hand, they paid no attention at all to the issue of personality in history because in the one-sided Marxist theory of that time only the so-called objective rules and the masses were important not historical personalities. So, neither Peter's, nor Ivan's image played any serious role in early soviet historical thought. This situation drastically changed beginning with the middle 30's and especially during the Second World War.

After Stalinist doctrine became the ruling theory in Soviet historical thought, the importance of the individual and of so-called heroes was reviewed and given serious emphasis, due to Stalin's personal wishes and demands. We have precise sources which tell us about his interference in the assessment of Ivan IV. Stalin thought Ivan the Terrible was very like himself, so he liked him very much and demanded everyone else to love him. I could mention dozens of examples to prove it. As for the treatment of Peter the Great the new soviet views have been less enthusiastic. For the first time in Russian historical thought the figure of Ivan IV became more important than the personality of Peter I. Of course, Peter as a tsar who had strengthened his country and won several wars was praised by Stalinist historians. But because of the exaggerated patriotism and xenophobia of the ruling Soviet ideology they blamed Peter for loving Europe and Europeans. Yet on the surface Soviet historians started to criticize Peter for his class oppression — and they tended to forget this about the Ivan IV. The contradiction between the so-called class and national interpretation of Russian history did not lead to conflict in the case of Ivan IV but as for Peter I it produced a bipolar assessment which factually remains until today.

(Delivered at University of Hawaii at Manoa,
16th September, 1987)

CONCEPTS OF “RUSSIAN FEUDALISM” IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY¹

“Russian feudalism” is a relatively recent concept in Russian historiography. For a long time, the word “feudalism” was not used at all with respect to Russian history. It was applied solely to describe a specific period of Western European history which — and this was an axiom for generations — had taken a course profoundly different from the Russian development. What were the major difference Russian historical thinking assumed to have existed between Western European feudalism and the Russian phenomenon corresponding to it chronologically?

The opposition of the West and Russia originally appeared as the dichotomy of Catholicism and Russian Orthodoxy already in the heroic age of Russian history, following the Great Schism. Actually, Russian ecclesiastic literature had received it as a heritage from the Byzantine Church. From then on, the fight against the “Latin believers” condemned as heretics became a favourite theme of Russian Church writings all through the Middle Ages. It gained new impetus following the Council of Florence, when the Greeks, too, committed heresy in the eyes of the Russian Ortho-

¹ На русском языке, см.: *Свак, Дюла*. «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? К историографии вопроса. — Обсуждение доклада // Труды Института Российской Истории Российской Академии Наук за 1997–1998 гг. Выпуск 2 / Ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. 5–28. Позже я написал и общий обзор о русской историографии XIX века: *Szvák, Gyula*. The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century // Oxford History of Historical Writing. Vol. 4: 1800–1945 / Ed. by S. Macintyre, J. Maigushca, A. Pók. Oxford: Oxford University Press, 2011. 303–325.

dox Slavs by having formed a union with the Roman Catholics. Soon afterwards, “Moscow — the Third Rome” doctrine was formulated, designed to rouse Russia’s sense of calling as the only empire the Orthodox Slavs still dominated, simultaneously, it entailed a deepening confrontation with the first two Romes.

During its gestation, this doctrine implied as yet no more than rudimentary trends of Pan-Slavic ideology because state policy had not yet promoted it to official status. It is by no means accidental that the first outspoken propagator of Pan-Slavic thought, in the 1660s, was a Unitarian missionary of Croatian descent, Juraj Krizanic. Precisely in the hope of a Slavic “renaissance” — in which he assigned a paramount role to the Russian empire — Krizanic touches extremely sensitive nerves when examining the cultural level of the Slavs (and the Russians in particular). In his harsh criticism, actuated by the desire to improve things, he frequently resorts to the device of comparison with the “damned” West. And although his observations are mostly only superficial, it is none the less worth citing, even within this brief survey, a short extract from his chief work entitled “Politics”, which made him the forerunner of the Slavophiles. “As for our looks, we are plain and average, while foreigners are handsome and hence arrogant and conceited. We are taciturn, while they have a glib tongue, they are garrulous and are full of ironic, blasphemous and biting phrases. We are slow of wit and simple of spirit — they are full of all kinds of deceit. We are drunkards and spendthrifts, we do not keep a record of our income and expenses, we give away and squander our riches, whereas they are thrifty and parsimonious, preoccupied with possessions. Day and night they are looking for ways to stuff their purses and they just laugh at our banquets and feasts. We are lazy for work and learning, they are hard-working and do not miss a single hour of work. We are content with shabby clothing and a moderate way of life, they have high pretensions and wallow in luxury and indulgence... We are simple of heart and our actions are simple also. If we quarrel, we are quick to make peace, their heart is buttoned

up close, they are insincere, vengeful and hypocritical, they will not forget an insult to the end of their lives...².

This passage contributes to clarifying the historical category of national character, which, vague though it may be, yet possesses real content: this is how a Slav perceived his nationality in the middle of the 17th century. His observations are all the more interesting as almost two centuries later the Slavophiles were to present exactly the same description of their national character. However, the path that led from this early precursor of Slavophile thought to the crystallization of Slavophile ideology was a long one. The emergence of the latter may nevertheless be considered as inevitable. In spite of the vehement counter-propaganda of Krizanic (and others, e.g. the entire secessionist movement), the “nationalist” party was defeated and Russia “opened a window to Europe”. Here we are not concerned with the problem of how radical a turn this was or to what extent it remained in the sphere of the superstructure, for our theme, it seems sufficient to merely state the fact. Indeed, starting from the times before Peter I, and with more vigour under Peter I and after him, Europe does penetrate Russian intellectual life, so much so as to almost crush it to death. Except for a few instances of patriotic fervour (just to single out historical thinking in this regard, we are thinking, for instance, of Lomonosov, Tatishchev, Boltin, Shcherbatov, and, as a transition to the new historiography, of Karamzin), the Russian past was viewed rather dimly. Robbed of its fascination, its study became meaningless and futile. No wonder this attitude was so resented by both the Slavophiles and the Westernizers, the two schools in the philosophy of history established by the 1840s. The activities of these may be compared with the role of the movements of national renaissance peculiar to Eastern Europe, in so far as their formation was prompted by the “national” grievance as well as speculation on the nation’s future destiny. A further common feature is that their formation was, to a great extent, a product of contemporary

² Крижанич Ю. Политика. М., 1965. 494–495.

German philosophy. Yet no matter how identical the promptings and goals may have been in several respects, the two trends came to different conclusions concerning the Russian past, probably because they sought to glimpse in the past the desired future in different ways. The Westernizers urged a swifter and more substantive catching up with the West, while the Slavophiles deemed the Western path incompatible with Russian development. However, they were quite unanimous on the point that the historical course Russia had taken was profoundly different from that of the West. Where they disagreed was that one group tended to regard this as a virtue, while the other saw it as a liability.

Just to illustrate what has been said above, let us cite a passage on the contrast between Russia and the West, first by a Slavophile thinker, and then by a Westernizer. The Slavophile K.S. Aksakov writes: "The history of our native land is so peculiar that it differs from that of others from its very first minute. Already here, at the very outset, the Russian and the Western European paths separate." For, Aksakov argues, "...the foundation of the Western state is the sense of enslavement that springs from subjection, while the foundation of the Russian state is provided by a sense of freedom arising from a national and voluntary appeal to power. Thus the foundation of the states of the West is violence, servitude, hostility. The foundation of the Russian State is voluntariness, freedom, peace". These are entirely different paths, so radically different as to preclude any convergence in the future or any meeting of minds between the people treading these paths. The West, passing from the slave's condition to rebellion, accepts the latter as freedom, boasting of it and seeing Russia as the embodiment of slavery. Russia, by contrast, preserves throughout the power she has called on, and does so voluntarily, of her own accord. Therefore she recognizes in the rebel but the other face of the slave who now humbles himself before the new idol of the rebels in the same way as he did before the old idol of power.

For only the prisoner is capable of rebellion, a free man — never”³. Aksakov’s reasoning is especially interesting for his ability to call up the past in order to support the present and the future. To be sure, his whole concept was founded upon an obsolete historical school which claimed to detect a qualitative difference between states established through conquest and those born “out of voluntary agreement” and this preordained in their subsequent destinies.

A more serious concept of history concerned with the past is contained in the work of a Westernizer historian of law, K. Kavelin, written in 1846, which is one of the first comprehensive studies of what is called the school of political law. In contrast with the Slavophiles, starting from Schelling, the school of political law took Hegel for its spiritual forebear, as reflected in their search for universal relationships in history and their view of national history as an organic whole, a concatenation of laws and principles, with the State at the centre. In his concept of history, Kavelin — while describing how Russian history progressed from blood relationship to the emergence of the state — also considers it a sequential triad of clan, family and personality. Based on this reasoning, he held that the term feudal is applicable to the Varangian period of Russian history, for, he insists, at the time the principle of personality was dominant. However, he thinks that Yaroslav relied already upon the clan-principle and therefore, parallel with the rapid assimilation of the Varangians to Slavonic culture, “the feudal order could not take root in our soil and vanished together with the Varangians”. From then on, the development of the two regions proceeded on completely different paths: “In Europe, the principle of retinue produced feudal conditions, while in Russia the same principle gave rise to a state of tiny proliferating princedoms... In Europe, there are Estates, in Russia, they are nonexistent, in Europe, there exists an aristocracy, here, there is none, in the West, there exists a peculiar urban

³ *Аксаков К.С. Об основных началах русской истории // Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1889. 15–17.*

structure and urban bourgeoisie, in Russia, towns and villages are identical in structure and no bourgeoisie, or, for that matter, any other Estate exists. In Europe, you get knighthood, while here it is absent, the Church in Europe is underpinned by worldly power in its battle against the State, while here the Church, possessed of no secular power whatever, is, in secular matters, dependent on the State. In Europe, one sees a multitude of monastic orders, whereas here there is one single monastic order, and that not even founded in Russia, in Europe we find the denial of Catholicism, i.e. Protestantism, in Russia, we find the absence of it, here we have the *mestnichestvo*, of which Europe has not the slightest notion, in Europe there was the *obshchina*, which, however, subsequently declined. There, women are gradually emerging from under the harsh authority of men; here, women, who initially had almost equal rights with men, later tended to live the life of eastern women. At the end of the 16th century, the rural population of Russia was bound to the soil, a phenomenon wholly absent in Europe after the various states had been founded". Having so starkly contrasted feudal Europe with ancient Russia, Kavelin thought it necessary to draw the line toward the East as well: "Our history shows a gradual change, rather than a repetition, of forms; consequently it did involve progress, unlike the history of the East, where from the beginning up to the present, there has been a constant repetition of almost the same... In this sense, we are a European people capable of improvement and progress..."⁴.

One of the outstanding figures of the school of political law as well as of the entire pre-1917 historiography, S. Solov'ev focuses upon the geopolitical situation of lying midway between Europe and Asia and the vicissitudes of history as one of the central themes of his concept of history. It is the geographical position that he singles out to account for the essential difference between Western Europe and Russia: "Nature is a mother to Western Europe and to the peoples inhabiting it, whereas in East-

⁴ *Кавелин К.Д.*. Взгляд на юридический быт Древней Руси // Сочинения. Т. II. М., 1859. 337–338.

ern Europe, and to the peoples condemned to live there, she is a stepmother. Europe consists of two parts: the stony western part and the woody eastern one. Stone, as mountains used to be called here in days of yore, has divided Western Europe into a great many states, setting frontiers between a host of nationalities, Western squires built their nests of stone and from there they reigned over their muzhiks, it was stone that gave them independence, but soon the muzhiks, too, put up walls of stone around them and acquired freedom and independence, everything is solid, everything is definite owing to stone... There is no stone in the great eastern plain, everything is uniform, no diverse nationalities live here, hence the mind-bogglingly vast state. Here the lords have nowhere to build stone-nests, they do not live separately and independently but in *druzhinas* beside the prince and are ever on the move round the boundless tracts., the towns have no lasting ties with them. Owing to the lack of sharp differences to distinguish the various regions, the lack of variety, there are no peculiar features that might leave their mark on the character of the local population, which could hold them back from leaving their native country..."⁵. Thus the Russian state, Solov'ev contends, is a state whose history is one of constant internal colonization, with everything in a state of *dux*. This explains why the land tenure that formed the basis of feudalism in the West could not evolve in Russia. And this also accounts for the enhanced role of the State, which is striving with all its might to artificially create the conditions which nature has denied the Russian people: that's why it binds to itself and then emancipates the population (both the peasantry and the ruling classes). In spite of the fact that Solov'ev did not believe in the possibility of demonstrating Russian feudalism, it is not by chance that N.P. Pavlov-Silvanskij, the proponent of the theory of Russian feudalism, should have regarded him as his forerunner. Solov'ev, setting out from Hegel's organic development, considered it as one of the corner-

⁵ Соловьев С. История Россия с древнейших времен. Т. 13. М., 1870. 6, 17–20.

stones of his concept of history that in history there were universal laws at work, determining Russian and Western history alike. His idea was that early Russian history (its clan-stage) corresponded to the initial period of German history. Then, from about the 10th century onwards, it veered, only to return, in the early 18th century (in the time of Peter I), to the common path. With this theory he sought to prove the existence of the most universal laws, and in this particular case, the notion that, put in broad terms, every nation passes from youth to adulthood. (This applied to Russia, too, only, in her case, the transition happened with a lag of some two centuries.) However, he did not stay on the level of generalities but thought he detected kinship with similar Western institutions in much more concrete historical phenomena as well. These were the patronate with the *zakladnichestvo* (as its Russian counterpart), the benefice (*pomest'e*) and the binding to the soil (*zakrepostschenie*). Thus, although he maintained his thesis that the more than half a millennium of Russian history was radically different from the Western course of development, his theory was more successful in tackling the task the age had posed to the Westernizers' camp: to show up to public opinion the Western course of further development as a continuity.

The revolutionary democrats, who also started out as Westernizers (as, indeed almost all the young Russian noblemen who had been abroad), already attest that the Russian past need not in all cases be measured against Western Europe and that courses of development running on separate tracks could equally point the way forward. Herzen, for instance, in a lengthy essay written in the West and to the people of the West, perceives even the Russian development up to the 14th century as different from that of the West. The Russian model, with its federative structure, in the absence of differentiated classes and with the *obshchina* as its basis, resulted in a situation where “the Russian people had more freedom at that time than the feudal West”. This Russia, dissimilar as it was from Europe, differed just as much from Asia as well: “In the eyes of Europe, Russia was an Asiatic country,

while in the eyes of Asia, it was European...”. The unfortunate historical turning point, Herzen claims, was occasioned by the Mongolian yoke: “It was precisely in this hapless period, which lasted about two hundred years, that Europe had left Russia behind.” A distant consequence of this, too, was that despotism prevailed in Russia. “Russia has escaped, she has become strong and powerful — but at what price? She is the world’s most miserable, most oppressed country, Moscow has saved Russia, but it has stifled everything that was free in Russian life”⁶.

Herzen regarded history as a political weapon, this is why he disapproved of what was called Russian centralization and idealized Kievan Russia and Novgorod, regarded at once as the continuation of, and, as regards its development, an alternative to, the latter. Kostomarov, a historian who was likewise very much a political animal (no wonder he suffered imprisonment and exile), and who had a heartfelt affection for his native Ukraine, professed views in many respects similar to those of Herzen. His work “The Beginnings of Autocracy in Russia” is important for us primarily because in it the concept of Russian feudalism features for the first time as an integral part of a historical concept. In his oeuvre, Kostomarov made a clear-cut distinction between “democratic” Kievan Russia, based on the *veche*, and Muscovite Russia, with its autocratic order (condemned by him), which evolved at the end of the 15th century. He inserted the period of Russian feudalism between these two chronologically removed epochs, from the middle of the 13th to the end of the 15th century. Introducing the concept, Kostomarov hastens to explain his use of terms: “When applying this expression, we must by no means assume that all the conditions and circumstances which characterized the feudal system in the West were present in our country, too. The word feudalism is used in a general sense and is understood to mean a political system in which all land belongs to the landowners, who have established various degrees of dependency

⁶ Герцен А. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 7. М., 1956. 156–161.

among themselves. Certainly, a system like this did fully exist in Russia as *jarlyk* — that Russian princes were able to pass from administrators to real owners of the particular regions, Kostomarov makes no bones about stating that “feudalism was the result of the Tatar conquest”⁷. Albeit he does admit that there is some faint resemblance between the towns sub- and superordinated to each other in the era of Kievan Russia, on the one hand, and feudal hierarchy, on the other, still it is only the relationship between the Grand Prince and the minor princes in the Tatar era that he considers a real counterpart to Western hierarchy. And although setting forth the peculiarities of the Russian institution, he himself states that this relationship rested upon ties of blood and kinship, this phenomenon remains basically the only argument to support his proposition. Just how far Kostomarov, too, set out from the idea that “feudalism is tantamount to political disunity” is amply illustrated by the fact that, to him, the emergence of a united Russian state marks the end of the feudal order in Russia.

Kostomarov's casually raised hypothesis, lacking as it was in persuasive argumentation, failed to strike a responsive chord among Russian historians, who clung to the notion of the contrasting character of Western and Russian history, and consequently of the nonexistence of Russian feudalism. The same spirit imbued V.O. Ključevskij's “Lectures on Russian History”. The author, perhaps the greatest figure of Russian “bourgeois” historiography, with this synthesis for his, was to exert a seminal influence on the understanding of history of entire generations. Already in his doctoral thesis Ključevskij had formulated the concept running through the Lectures: “The scholar conversant with the formation and development of Western European social strata fails to find here in Russia a repetition of the phenomena he knows so well; he does find similar elements and conditions, but finds them in peculiar combinations and under external circum-

⁷ *Костомаров Н.И.* Начало единодержавия в Древней Руси // Исторические монографии и исследования. Т. 5. СПб., 1872. 87–90.

stances he has not come across before...”⁸. In the introductory part of the Lectures, the self-same thought is couched in these terms: (In the history of our country) “the same historical forces and the same elements of communal life can be observed to be at work as in other European societies; but here in Russia these forces do not act with the same intention, these elements manifest themselves in different correlations, are imparted different dimensions and exhibit features which cannot be detected in other countries. Due to all this, society is lent a peculiar structure and character, popular life acquires an unusual pace of movement, passing into an unwonted state and combination of conditions”. As apparent from the quoted passages, Kljucevskij, the man, who developed further the school of political law, also starts from the universal principles of development, promptly stating, however, that these, as compared to other countries of Europe, manifest themselves in a peculiar manner in Russia. Just like Solov’ev, he, too, recognized the determining impact of the geographical environment, laying even more emphasis than his forerunner upon inner colonization (the major stages of which, for him, form the basis of a periodization of Russian history) and likewise placing the state in the focus of his interest. However, he departed from his one-time professor’s analysis already in his description of the development of Kievan Russia, when he put forth the theory of a civic mercantile Russia on the Dnieper. But he has a different perception, too, of so-called Upper Volga Russia with its component principalities and free tillage (i.e. the epoch from the 13th century through the middle of the 15th century). He is of the opinion that in Russia at that time relations reminiscent of the Western European feudal system had evolved, due to the formation of hereditary freehold estates of the boyars and the so-called. free servants. But, as regards the essentials, Kljucevskij, too, rules out any deviation from the conventional wisdom held by historiographers up till then: “Yet there are not identical but parallel features. The relationship of boyars and free

⁸ *Ключевский В. Боярская дума Древней Руси. Пб., 1919. 11.*

servants, as well as of minor princes, lacked quite a few elements for such a correspondence to apply. For example, two fundamental features of feudalism, to wit, 1) the unification of the relations of services with the relations of land, and 2) the hereditary nature of the former as well as of the latter”. The boyars and the free servants owed service to the Grand Lord of the region irrespective of their landed property, — Kljuhevskij continues — so, in Russia, only in the person of the minor prince, who was at once ruler and owner of the territory subject to him, can a feudal element be detected. “Real” feudalism, Kljuhevskij insists, developed partly as a result of those in charge of particular regions snatching from the king's sovereignty the prerogatives in the territories under their command and becoming the hereditary proprietors of them, and partly as a result of the owners of the allodia wrenching for themselves the State's sovereignty over their land in the same manner by means of commendation. In Russia, however, the position had been completely different right from the start. Here, the princes gave land for purposes of subsistence only, and those in charge of the demesnes could never make them hereditary. As for the hereditary estates granted in a few cases, the hereditariness of prerogatives was not ensured. Nevertheless, “the system of partial principalities display numerous features that resemble the legal and economic relations of feudalism, but as these were built on a different foundation, i.e. the rural population, for ever on the move, these similar conditions make up different combinations and become elements of totally different processes”, Kljuhevskij points out in conclusion⁹.

Thus Kljuhevskij, who seems to have detected more similarities between Western European feudalism and so-called Appanage Russia than any of his predecessors, in the event refused to apply the word feudalism — at least a far as Russian development is concerned. The different starts and the dissimilar end-results, in other words, the difference between the respective his-

⁹ *Ключевский В.* Курс русской истории. Т. I. М., 1937. 15, 375, 377.

torical processes in the two regions, did not allow him to use a single uniform concept and thereby to blur the borderline between the different historical qualities — to much as he might have been tempted to do so by some superficial similarities.

Methodologically, Kljuhevskij arrived at this solution by taking the concept of feudalism — as most Russian historians before him — to mean the sort of system that existed in medieval Western Europe. And as the differences between this and Russian development were all too apparent, he found the term feudalism quite inapt as a description of the latter. This also implies that, up to that point in Russian historiography, the absence of Russian feudalism and the difference of the Russian development from the Western course are one and the same thing put in different terms. It was P.N. Miljukov, who, as late as the very end of the 19th century, was to separate these two formulations. Although he did recognize the existence of Russian feudalism, still, paradoxically enough, he regarded the Russian development as being cognate with Eastern, rather than with European, history. In this synthesis entitled “The Basic Features of the History of Russian Culture”, Miljukov, when comparing Western and Russian history, starts from the assumption that, in Russia, as opposed to the West, the transition of tribal society to feudalism happened not through internal development, i.e. wars and trade. One of the implications of this, however, is that “not only does the evolvement of feudalism slow down but feudalism itself comes into existence in a form completely different from the classic forms of medieval feudalism”. Furthermore, it has the following distinctive features in Russia: “An extremely long period of tribal development, an undeveloped regional aristocracy, political authority deriving from outside, which easily appropriates the supreme claim to the land, a class of bureaucrats or civil servants who rally around this authority and make their further demands on the basis of their position as ‘serving’ the people — these should be the distinctive features of Russian feudalism. With these traits, the state thus established carried in itself the germs of the autocracy to come.

But these germs started to develop only later, namely, at the time when, in the course of political unification, the central authority took on sweeping military responsibilities and invested itself with the appropriate decision-making powers: in other words, when the national-military state came into being”.

Thus the contrast between Western and Eastern Europe consists in the fact that “in the eastern part of Europe, the state organization came into existence before it was created by the process of internal economic development, whereas in Western Europe the body politic is the result of an internal process of development. European society and state, we might say, has been built from below upwards: there, central state power was, indeed, like some sovereign superstructure over a previously formed layer of feudal landowners, which, in its turn, had grown upon the lower layer of the densely settled rural population. Here, primarily in Northeastern Russia, society was built from above downwards: the central political authority subdued the layer of soldiers and servants, which occupied the place of the missing — or very weak — local landed aristocracy. This class of servants bound to itself that peasantry which had long lost its tribal ties...”¹⁰.

It can be seen, then, that the lack — or extreme weakness — of a landed aristocracy plays a central role in Miljukov’s reasoning. This is what ultimately led to the „abnormal growth of the state superstructure”, to the smooth formation of the military-national — autocratic — state called into life by the necessity of self-defence and unification, and then by the desire for territorial expansion. This state adopts Byzantine and eastern patterns for the organization of society. And although Miljukov himself raised a valuable idea by pointing out that it was next to impossible to demonstrate a uniform line of development even in Western Europe, he still seems almost unable to find a place in Europe for the united Russian state, evolved at the end of the 15th century, and tends to slowly push it towards Asia. And he does all

¹⁰ *Миллюков П.* Очерки по истории русской культуры. 1. СПб., 1904, 133–156.

this despite accepting and using the concept of Russian feudalism. But his definition of feudalism is so all-inclusive that one would be hard put to find a nation in the world whose history has not had at least one phase to which it could be applied. To be sure, feudalism, to him, means none other than “the appropriation of political power by the socially powerful, and the political subjection of the socially weak”. True, this is only Miljukov’s “generic” definition of feudalism, which could also be applied to the development of, say, India, the Caucasus, etc. In a “specific” sense, however, feudalism is none other than the “individual physiognomy of the given system in Western Europe — and in this sense the Russian version of the same system should be labelled with this term if a conceptual muddle is to be avoided”¹¹.

Miljukov’s dual use of the concept already foreshadows the failure of the concept of feudalism. In the narrow sense, just as historians before him, he rejects its application to Russia, but accepts it in an unreasonably general sense for the comparative study of world history. Russian historiography got into this awkward position after N.P. Pavlov-Silvanskij had upheld, in a series of studies, the existence of Russian feudalism.

N.P. Pavlov-Silvanskij is a remarkable figure of Russian historiography. After having failed his examination for a master’s degree — actually, the question posed to him was feudalism — he never acquired an academic degree and hence could not receive a professorship in any of the institutions of higher from education. This virtually relegated him to the margin of academic life. It was from that position that he gripped the attention of contemporary Russian historians and of public thinkers in general with his studies, regarded as veritable revelations. From 1897 on, he compared, in a number of monumental publications, some of the basic institutions and characteristic features of Western feudalism with their Russian counterparts, only to uphold, in a summarizing little book published a decade later, the similarities

¹¹ *Миллюков П.* Феодализм в России // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 70. СПб., 1902. 548.

between the Western and Russian courses of development, and the homology of Western European and Russian feudalism.

N.P. Pavlov-Silvanskij divided Russian history into three periods. The first period lasted from prehistorical times up to the 12th century, with the *obshchina* (*mir*) as its determinant element. The year 1169 marks a turning point, for it was then that Andrej Boguljubskij, Grand Duke of Vladimir, captured Kiev. This is also the inception of an epoch of transition, of which the basis would be provided from the 13th century onwards, by the *votchinas* (hereditary estates), and the settling down of the prince and his retinue (*druzhdina*). So the second period lasted from the 13th to the middle of the 16th century, when the large estate, the *bojarschina*-seignury became predominant. This is the period of Russian feudalism. Then, in 1565 the *oprichnina* set up by Ivan IV opened the third period of Russian history, which lasted up to the 19th century, with the state as its defining phenomenon. This is the era of Estates, which has two subperiods: the epoch of the Muscovite monarchy of Estates and that of the absolutism of St. Petersburg.

The periodization itself reveals N. P. Pavlov-Silvanskij's conception of feudalism. Originally taking his cue from Guizot, then modifying his views under the influence of new Western historians, such as Luchaire, Fustel de Coulanges and the German Lamprecht, he continues to identify feudalism with political disunity, insofar as he lists three fundamental principles of feudalism:

1. the dismemberment of land into *demesne*-seignuries,
2. the union of these by the hierarchical relations between lord and vassal,
3. the possession of land subject to condition.

However, influenced by the latter historians and by Lamprecht in particular, he does recognize the relevance of the theory of "economic feudalism" as well, therefore he defines feudalism as follows: "Where there is no large estate there can be no feudalism, either. The most essential traits of feudalism are, on the one hand, the dismemberment of the country into legions of independent estates, principdoms and privileged *bojarschinas* — sei-

gneuries, and, on the other, the union of these estates through the contractual relations between lord and vassal, which were an early substitute for what later became the state principles of citizenship”. Nevertheless, he is unable to synthesize the theory of “economic” and “political” feudalism, and, in his book, relying on Luchaire, he examines separately, the so-called “seigneurial” system (i.e. the economic basis of feudalism) and feudalism proper. Since, however, as N.P. Pavlov-Silvanskij claims, both were present in Russia from the 13th through the end of the 15th century this will be the epoch of Russian feudalism in both senses.

In the chapter entitled “The seigneurial bases of the system of regional principalities”, which is roughly half the length of the one called “The feudal bases of the system of regional principalities”, he writes first about the striking similarity between the German lawbooks and *Russkaja Pravda*, then about the homology of the Russian *obschina* and the German mark in the western and Russian history of the period up to Ivan IV. Following this, he proceeds to discuss the most important issue of the chapter, the large estate. Examining it, he points out that “the medieval large estate in Russia, just as in the West, is divided into two unequal parts: the bigger one is cultivated by the peasants as independent farmers in return for a certain sum paid to the landowner, while the other part is under the direct economic control of the squire and is generally an insignificant part of his estate.” Having thus discharged his debt to the theory of “economic feudalism”, he proceeds, after a brief digression, to compare the actual elements of feudalism. In this context, drawing on examples taken from Western and Russian history, he declares that in Russian — in much the same way as in the West — there did exist a division of the supreme power. The cause of this he rightly perceives in the predominance of the natural economy. He also detects numerous shared features with regard to immunity, the vassal hierarchy and the principle of service conditional upon the land, and indeed, regarding the ritual of the oath of fealty. The material he marshals apparently justifies his assertion that among the differences between Russian and Western history “there is none which concerns

the fundamentals: all of them are quantitative rather than qualitative”. And even these inhere only in the historical process of the formation of feudalism, not in the full-blown end product.

Just as in the West, with Ivan IV’s monarchy this political feudalism collapsed, with a lag of only a hundred years, Pavlov-Silvanskij argued, while social feudalism, so called, was preserved — again in a manner corresponding to the West — in the monarchy of Estates. As regards its structure, 17th century Russian tsarism is completely homologous with contemporary Western feudal monarchy, continues Pavlov-Silvanskij, and now, coinciding in time as well, in the early 18th century, they both evolve into absolute monarchy. Not content with these chronological “coincidences”, the author has still other fancies in store. For example, that the formation of hereditary serfdom in Russia around 1600 indicated a delay of only 50 to 60 years as compared to Germany, or that the lag with which the 1861 abolition of serfdom happened was also of the same order. With this, he apparently sought to give the impression that the dissolution of the serfsystem in the entire “Western” development took place as late as the 19th century¹².

Pavlov-Silvanskij’s above conclusion bear all the hallmarks of his comparative method. By means of this, he frequently manages to induce the reader to accept his arguments, however categorical, as sound because they are supported by “reliable” evidence. However, when the sources and historical literature marshalled by the author are subjected to closer scrutiny, his tendentiousness becomes all too evident. The essence of Pavlov-Silvanskij’s method is its ahistorical nature. To prove his point, he selects only those books and those passages which fit in well with his preconceived notion. And, more importantly, he handles the sources in similar fashion. He examines in detail a chronologically defined period of Russian history, i.e. the 13th to 15th centuries, but, in the course of the comparison, he picks his documentary evidence from nearly a thousand years of Western history,

¹² *Павлов-Сильванский Н.* Феодализм в Древней Руси. М., 1924. 78, 53, 46, 45–46, 47, 59, 62, 134.

and, what's more, he does so in an eclectic fashion, from certain periods of French, German or English history — always those facts which lend themselves to demonstrating the common features. Thus the building blocks he collects for constructing the edifice of Russian feudalism are, in fact, derived from Western feudalism, but the combination he imposes on these is completely unfamiliar in Western history. This in itself would not be a problem, for there are no two identical natures to the two structures that Pavlov-Silvanskij emphasizes. However, a brief quantitative survey of the Western (primarily French) material Pavlov-Silvanskij drew upon shows up the telling fact that the bulk of it comes from the period of the formation and early development of Western feudalism. And although Pavlov-Silvanskij takes the homology of Russian and Western feudalism as one of chronology as well, to save the readers of Pavlov-Silvanskij's works from being misled, we must point out that he did uncover real similarities but these relate to analogies between the early feudal epoch of Western Europe and the Russian history of the 13th to 15th centuries.

Immediately after they were first published, Pavlov-Silvanskij's studies elicited reactions from historians. But early in the 20th century, and especially after the revolution of 1905, the ostensibly non-ideological question of the existence or otherwise of Russian feudalism suddenly came to preoccupy the broader public also. In this historical situation, the affirmation of Russian feudalism had become synonymous with the affirmation of the Western present and future. Moreover, it expressed progressive society's endeavor to invoke the lessons of the past to support the need for reforms, or, put differently, to present the desired progress as an organic continuation of the path traversed in the past. In this sense, there is not much truth in the statement, made by one of Pavlov-Silvanskij's later proponents, that his views failed to find response in his own age¹³. Just the opposite is true.

¹³ Цвибак М. Кем в 90-х годах была выдвинута концепция существования феодализма в России? // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. 7.

It is symptomatic, however, that at the end of the 19th century and in the first years of the 20th the scene was still dominated by the sceptics. They included Kljuhevskij, quoted above, whose Lectures were first published in book form around that time. M. Vladimirskij-Budanov, the renowned legal historian, judged the institutions called feudal by Pavlov-Silvanskij to be insignificant features if seen against the totality of ancient Russian life¹⁴. Another outstanding historian, V. Sergeevich, took a similar stand¹⁵. Even Taranovskij, who devoted the greatest attention to Pavlov-Silvanskij's studies, came to the conclusion that the question of whether feudalism existed in Russia "cannot be answered in a straight affirmative"¹⁶. As the aforementioned historians belonged to an older generation, there seems much truth in what a reviewer has once written, viz. that Pavlov-Silvanskij's theory appealed rather to the younger generation¹⁷.

This generation first made its voice heard following the revolution of 1905, but then it did so with a stridency that completely drowned out the voice of the sceptics. Of course, the great change of mood did have a strictly professional reason too, as pointed out by several contemporary scholars taking part in the debate, namely, the advancement of the social sciences, the emergence of a genuine universal history-writing and hence of its method, the comparative approach. Yet, the decisive impulse was given by political changes. P. Schegolev, in his tribute to Pavlov-Silvanskij, clearly identifies this fact: "It was, it seems, only the events we have lived through in this century that opened his (i.e. Pavlov-Silvanskij's) eyes to this aspect of his theory, a theory that cuts the ground from under the last "objective" proof of the cham-

¹⁴ *Владимирский-Буданов М.* Обзор истории русского права. Киев – СПб., 1900. 374.

¹⁵ *Сергеевич В.* Древности русского права. СПб., 1911. 469–475.

¹⁶ *Тарановский Ф.* Феодализм в России // Варшавские университетские известия. 1902. № 4. 29.

¹⁷ *К.М.* Исторический журнал. 1907. № 7. 308.

pions of the uniqueness of Russian development and consequent inviolability of its state order”¹⁸. V. Filatov even goes a step further, making his meaning unmistakably clear. In his view, reading the historical literature of the last couple of years, one gained the impression that ‘the turn towards the Western course of development, towards parliamentarism can only be explained by a miracle. In order to avoid this curious situation, they (the historians) were thrown back on something other than the country and the economic factors, namely the law of society’s inner development”. The embarrassment caused by such a state of knowledge in Russian history was felt particularly keenly by the Marxists, therefore they vigorously emphasized the unity of Western and Russian history, though mostly in an a priori manner¹⁹. Such was the state of affairs when Pavlov-Silvanskij entered the scene, Filatov argues, to put the record straight. At any rate, in the public mood following the years of 1905 to 1907, M. Bogoslavskij was justified in asserting: “The sui generis nature of Russian development — this is by a topic of the epigons of the Slavophiles...”²⁰. And although the grand old men of historical scholarship, still not reconciled to this theory, continued to voice their doubts, couched in cautious phrases²¹, the concept of Russian feudalism gained wide currency. Admittedly, there were some dissenting voices — journalistic comments prompted by political considerations — to be heard, too. A case in point is V. Storozhev’s pointed criticism that “the insistent question of why we are not European and why we are not getting where we ought to, even though we pass through the same stages of development, remains unanswered”. Then, at the end of his review, he uses even more astringent words: “I am quite mystified as to why, if the paths we have travelled are the same, we have got stuck in the blind alley of barbarity and servitude”²².

¹⁸ Щеголев П. Памяти Н.П. Павлова-Сильванского // Минувшие годы. 1908. № 10. 310.

¹⁹ Филатов В. Вестник воспитания. 1908. № 6. 52.

²⁰ Богословский М. Критическое обозрение. 1908. № 3. 41.

²¹ Платонов С. Лекции по русской истории. СПб., 1909. 117.

²² Сторожев В. Образование. 1908. № 3. 119, 120.

The rational, historical core of the above emotional approach went almost unchallenged in the years under discussion. It is this that gave rise to a peculiar situation, accurately described by Miljukov's entry in the Brockhaus encyclopaedia, where Russian intellectuals accepted the theory of Russian feudalism to demonstrate their recognition of the existence of universal laws and, by implication, the universal nature of Russian development. But this concept of feudalism is all too general, indeed, as many historians point out, such a definition of it is, of course, also applicable to describing the development of India, Persia and so forth. In other words, it is largely in the hope of a common future shared with the West that public writing, by using the concept of feudalism, credits the Russian past, "in anticipation", as it were, with universality in the widest sense of the word. From the point of view of historical science, however, the contrasting nature of Russian and Western feudalism remains indisputable. Virtually all writers, while using the concept of Russian feudalism, criticize Pavlov-Silvanskij for his contrived demonstration of complete homology. In this respect, at least, Pavlov-Silvanskij's message did, indeed, fall on deaf ears before the October Revolution. The majority was, sure enough, made up of those who held that Russian feudalism was "pale and undeveloped", and "embryonic"²³. Therefore, there were many who, like M. Kovalevskij, would not have been surprised if, "on closer scrutiny, Russian feudalism had proved to be much nearer to the Anglo-Saxon system of Edward the Confessor than to the French feudalism of the epoch of Hugh Capet"²⁴.

Thus, by the early years of our century, Russian feudalism had, in many respects, fallen victim to an undue broadening of the concept of feudalism. To be sure, it did enable the historians to place Russia in the context of universal development, still — failing an unequivocal definition of the concept, a procedure, incidentally, hampered precisely by the vagueness of the term itself — they were unable to portray the true features of Russian feudalism, the basis of an authentic historical comparison. As a

²³ Богословский М. Критическое обозрение. 1908. № 3. 41, 42.

²⁴ Богословский М. Минувшие годы. 1908. № 1. 298.

result, the place occupied by Russia's past within European development could not be determined either. The impasse the concept of feudalism got into is amply illustrated by the fate of the problem immediately after 1917. Here we would refer only to N. Rozhkov, the author of notable works even before 1917, who back at the beginning of the century still denied the existence of Russian feudalism, but later on, convinced by the general definition, came to regard it as applicable. He now distinguished three types of feudalism: English, French and Russian. Czech and Hungarian feudalism, he claimed, resembled the English type, while Georgian, Turkish and partly Scandinavian, Serbian, Bulgarian and Romanian feudalism, as well as South-western Russia and Lithuania were a halfway house to French feudalism. Compared to these, the Great Russian type "was not replicated: it is a peculiar mode in the greatest possible degree"²⁵.

The Marxist description of the course of Russian history up till then had, by the 1920s, evolved several approaches. The most important in this respect was the "Introduction" written by G.V. Plekhanov to his work "The History of Russian Social Thinking". With regard to the problem of Russian feudalism, Plekhanov came to a rather peculiar solution. He did recognize its existence, but again only in a general sense which permitted him to foist onto it the concept of eastern despotism, as something better suited for describing the quiddity of its development. Incidentally, Plekhanov employs the concept of eastern despotism not on the basis of formation theory, so actually he perceives it as a variant of feudalism. Hence the problem as posed by him has nothing to do with the Marxian category of the Asiatic mode of production. On the contrary, in this particular instance, too, he draws on the tradition of Russian historiography by staging that Japan, China, Egypt, etc. had also passed through the stage of feudalism.

Plekhanov dismisses Pavlov-Silvanskij's doctrine of "total homology" (i.e. of Russian and Western feudalism) as well as

²⁵ *Рожков М.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 2. М., 1922. 284–285.

that of “total originality”. In his opinion, Russian development “does have characteristics which set it in sharp contrast to the development process of all Western European countries and are reminiscent of the development of the great eastern despotisms... Their impact sometimes grows stronger and sometimes wanes, leading to Russia oscillating, as it were, between East and West. In the Muscovite period of her history, these features are manifest to a much greater extent than in the Kievan period. Following the reforms of Peter I, they once again diminish, slowly at first, but then more and more quickly”. Two pages later, this argument is even more explicit: “The more peculiar our social evolution is as compared to the Western European course, the less so it is as compared to the development of the eastern countries, and vice versa”. In the final analysis, Plekhanov asserts the principle of the “relative peculiarity” of Russian development, in relation to the East as well. Of this he has the following to say: “In order to defend her (i.e. Russia’s) existence from her economically more advanced enemies, she had to concentrate so hard on national defense that the resources thus expended far exceeded the comparable efforts of the eastern despotic states.

Herein lies the relative peculiarity — worthy of special attention — of our historical development, different from that of eastern despotism. If this difference is compared to that observed between the Muscovite State and the Western European social systems, the following conclusion may be drawn: the Muscovite State differed from the Western ones in that it subjected to serfdom not only the lower, rural class, but the upper class of servants as well, while it differed from the eastern ones — similar though it was to them in this respect too — in that it was compelled to put a far heavier yoke on its oppressed population”²⁶.

It is not our purpose to analyze Plekhanov’s understanding of history. We do not wish either to criticize or praise his compilation, which “annulled and yet preserved” the researcher of the

²⁶ *Плекханов Г.* История русской общественной мысли // *Собрание сочинений*. Т. 20. М., 1925. 12, 89.

preeminent representatives of Russian “bourgeois” historiography. Let us just note here that, helpful as his conception is in providing us with an all-round picture of Russian feudalism, it is at least as much responsible for (unwittingly) demolishing the concept of feudalism and for quietly letting it pass into the concept of the Asiatic mode of production.

Nevertheless, Plekhanov is an eloquent example of the ability of Marxists, who, as quoted above, were particularly alive to the ‘awkwardness’ for the present and the future of the dissimilarity between Russian and Western history up till then, to come up with answers to an ultimately historical problem that were based on progress and achievement in historical *scholarship* rather than on politically and ideologically motivated preconceptions. In the 1920s, the situation changed and the problem of the West and Russia, and hence of Russian feudalism, was decided by the answers, dependant on the political and ideological struggles of the day, to the questions of the October Revolution, the chances of the Revolution and the possibility, or otherwise, of building socialism in a single country. The view which, parallel with a suppression of dissenting opinions, gradually gained official currency is one that, embracing a literal interpretation of Pavlov-Silvanskij’s teaching, strives to demonstrate complete identity with the West in the Russian past as well. Still, it cannot be traced to purely political factors. This period of the elaboration of a Marxist concept of history, the “heroic age”, thrust into prominence a sociologically inspired, simplistic and stereotyped form of history-writing, therefore the desire to demonstrate the presence in the history of society of the universal laws and principles characteristic of the natural world led to a great many erroneous generalizations. Baldly put, the argument proposed by universal dynamics, then these must act in the same way, and lead to the same result in Russia as in any other country in the world.

In the agitprop-oriented public writing of the 1920s, it is, understandably enough, the political motivations that receive special emphasis. For example, M.N. Pokrovskij, a historian and

leading spokesman on Soviet cultural policy, who re-published Pavlov-Silvanskij's book, tackles the issue by submitting that under tsarism the propagation of the "peculiarity" of the past seemed to guarantee, as it were, the "peculiarity" of the future.²⁷ Hence, for obvious reasons, in his numerous syntheses used as textbooks in the period, he was battling against this concept. This circumstance, however, does not alter the fact that, to him, the historical problem remained throughout a political question of current interest. Indeed, a closer audit reveals that Pokrovskij's conclusions are actually a rehash of Pavlov-Silvanskij's, couched, of course in a different phraseology and adapted to his own goals. He too applies the term feudalism to the epoch from the 13th to the 16th century, and in almost each and every element of it he too perceives complete identity between Western and Russian feudalism. True, in his definition, he does attempt to stress the social element and he is certainly distinguished from his predecessor by the emphasis he places on economic feudalism. However, this does not prevent him from perceiving identical trait in "political feudalism" as well, only these manifest themselves in less complex forms in Russia than in the West. He also agrees with Pavlov-Silvanskij in ascribing the collapse of political feudalism to the emergence of the centralized state. It is a different question that, in the spirit of the school he had founded, he supports this thesis with economic causes and explains it with the triumph of commercial capital. Thus he discusses the rule of commercial capital as a separate phase within economic feudalism, in the period before the advent of industrial capital, i.e. capitalism. Therefore, feudalism does not play a key role in his system of views, certainly not in comparison with commercial capital, the cornerstone of his theory, also intended to prove the parallels between Russia and the West²⁸.

²⁷ *Павлов-Сильванский Н.* Феодализм в Древней Руси. 1924.

²⁸ *Покровский М.* Русская история в самом сжатом очерке. М. – Л., 1928. 29–31.

Thanks to Pokrovskij, then, Pavlov-Silvanskij's concept, equipped with Marxist argumentation, reigned supreme in the mid 1920s. Upon Pokrovskij's death, in the middle of the 30s, as the ideological ferment of the previous years ended and the situation finally crystallized, the theory of Russian feudalism, too, underwent some modifications. Till then albeit vulgar economic materialism, kept subservient to political goals, was the philosophical basis, still, all this was to subserve the revolution, or, more exactly, the *world*-revolution. Therefore their attitude to history was determined by partisanship and they investigated history from a class angle.

With the prevailing of the "Stalinist" view of history, the aforementioned peculiarities of the understanding of history in the "heroic age" of Marxism suffered certain modifications. Although the vulgar-materialistic outlook was preserved, the primitive "purity" of the preceding period had been lost. While retaining the phraseology, it slowly turned away from the historiography which focused upon the heroic struggle of the oppressed classes, and borrowed the herworship for the makers of history from the nobility's history-writing and the exaggerated national consciousness from "bourgeois" historiography. This latter feature predominates in the entire epoch of so-called "Stalinist historiography" and determines the attitude to Russian feudalism as well. As even B.D. Grekov, the outstanding historian of the age, did not undertake to outline a comprehensive concept of the entire medieval Russian development, the relevant views of Russian feudalism can be reconstructed only from single monographs or from syntheses compiled on the basis of these. These summaries, eclectic as they are, may be seen as irrelevant in terms of our restricted theme. However, these works proceed on the path of Pavlov-Silvanskij as they feel the need for proving the identity with the so-called Western scheme at each and every stage of Russian history, and also transcend Pavlov-Silvanskij insofar as they try to give the formation of feudalism as early a date as possible by emphasizing "economic feudalism".

(1988)

ЧАСТЬ 2
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИОГРАФИИ

Р.Г. СКРЫННИКОВ

ИСТОРИК И МИР — МИР ИСТОРИКА

(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Руслан Григорьевич Скрынников был моим научным руководителем в 1981–1984 гг., когда я учился в заочной аспирантуре в Ленинграде. Я познакомился с ним еще в 1977 г. в длинном коридоре исторического факультета Ленинградского университета, но не могу определенно утверждать, что знал его по-настоящему. Когда мы говорим об ученом, главное даже и не это, а то, насколько хорошо известны его произведения, и я могу сказать, что постоянно обращался к работам Руслана Григорьевича, пользовался ими, анализировал их, использовал их в своей преподавательской работе.

Руслана Григорьевича уже нет среди нас, его деятельность безвозвратно стала частью всемирной историографии, так что настало время сделать предметом историографического изучения не только его труды, но и его самого, ведь достигнутые ученым результаты в их полноте никогда не могут быть поняты без знакомства с его личностью и окружавшим его (макро- и микро-) миром. В данной короткой работе я хотел бы лишь коснуться этой проблемы и указать на возможность и желательность такого направления исследований. Быть может, когда-нибудь кто-то из учеников какого-либо ученика Скрынникова займется этим вопросом и напишет о нем свою диссертацию...

Р.Г. Скрынников работал и писал свои главные труды в советскую эпоху, поэтому его следует считать советским историком даже несмотря на то, что он написал важные книги и в 90-е годы. Работы Скрынникова бесспорно являются достоянием советской исторической науки. Таким образом,

чтобы понять историка, необходимо, прежде всего, сказать несколько слов об историографии советского времени.

В 90-е годы XX в., в эпоху излишнего неопитского рвения, стало модно поливать грязью советскую историческую науку, оспаривая даже ее статус науки. И действительно, русская историческая наука рубежа XIX–XX вв. еще соответствовала уровню западной историографии того времени, являлась ее органической частью, не оставлявшей без отклика новейшие идеи, направления и научные достижения. Российские ученые были партнерами своих западных коллег, выезжали на Запад с лекциями и для научной стажировки, участвовали в деятельности международных организаций, публиковались в западных журналах, их работы переводились на иностранные языки, а они, в свою очередь, принимали у себя своих зарубежных коллег, знакомили русских читателей с их произведениями, переводили эти произведения на русский язык. Из векового саморазвития русской исторической науки, которая живо откликалась на западные интеллектуальные движения, все же не вытекала органически будущая гегемония марксистской, а тем более сталинистской парадигмы. В целом это была лояльная по отношению к власти историческая наука, которая, парадоксальным образом, именно благодаря своей заслуженной профессиональной независимости, была способна и успешно шла к тому, чтобы принять активное участие в обновлении исторических исследований, осуществленном первым поколением школы *Анналов*. Однако вместо этого в следующие семьдесят лет ей — за редким исключением — выпала бесславная участь, она внутренне раскололась: если она не желала играть роль служанки политики, то ей оставалась только альтернативная возможность обращения к старомодному позитивизму¹.

¹ Подробно я писал об этом в работе: *Szvák, Gy. The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century // Oxford History of Historical Writing. Vol. 4: 1800–1945 / Red. S. Macintyre, J. Maigushca, and A. Pók. Oxford University Press, 2011. P. 321–323.*

Однако нет смысла говорить о советской исторической науке вообще, так как она делится на несколько периодов, которые существенно отличаются друг от друга. Деятельность Р.Г. Скрынникова началась после завершения периода «сталинской» исторической науки. Хронологическим рубежом стал XX съезд КПСС. В своей знаменитой речи Никита Хрущев разоблачил преступления сталинизма, что оказало благотворное влияние и на историческую науку. Из ящиков письменных столов неожиданно были вынуты запрятанные туда работы. Некоторые историки получили доступ к секретным источникам, состоялись дискуссии по проблемам теории и методологии истории. Это была пора больших надежд и иллюзий. Но она продолжалась недолго, в 1964 г. Хрущев был отстранен от власти, и хотя историки еще несколько лет сохраняли смелость, к началу 1970-х гг. в исторической науке постепенно произошел поворот вспять. Правда, Сталин уже никогда не смог вернуть себе первое место в аппарате ссылок научных монографий, да и Брежнев сумел занять максимум лишь четвертое место в списке обязательно цитируемых авторов².

Начался период брежневского «застоя». За эти два десятилетия в работе историка «ножницы» между изучением источников, кропотливой работой в архивах и интерпретацией, разработкой концепций раскрылись до предела: честные историки практически не решались заниматься теоретическими обобщениями. Они старались не резать «святых коров» советской идеологии, с кошачьей ловкостью обходили всевозможные запреты и удалялись в добровольную ссылку в «антикварную» историю. Это был период позитивистского подхода старого типа, господства фактографии.

В этом контексте можно и нужно изучать личность и творчество советского историка, Р.Г. Скрынникова. Он принадлежал к тому поколению, которое начинало свою карьеру

² Подробнее см.: *Szvák, Gy. Kis magyar ruszisztika* (Малая венгерская русистика). Budapest, 2011. P. 77–82.

с большими надеждами, особенно те, кто выбрал темой и хронологическими рамками своих исследований русское средневековье. Можно считать показательным, что первые хрущевские «директивы» были даны по поводу оценки царствования Ивана IV, которая позже заняла столь большое место в научной деятельности Р.Г. Скрынникова. 14-15 мая 1956 г. в Институте истории АН СССР состоялось обсуждение доклада С.М. Дубровского «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)». Подробный обзор материалов дискуссии был помещен в сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1956 г., а ранее, в августовском номере журнала, была опубликована статья С.М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV». В этой статье С.М. Дубровский прежде всего разобрал и подверг суровой критике работы Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова об Иване IV. Эта публикация выделялась главным образом своей критической стороной, ее автор справедливо указал на ошибки упомянутых историков в связи с идеализацией Ивана IV.

Журнальная дискуссия могла оказать стимулирующее влияние на деятельность Р.Г. Скрынникова в двух отношениях. С одной стороны, она дала зеленый свет беспристрастному изучению царствования грозного царя, а с другой стороны, благодаря проявившимся в ней идеологизированным, поверхностным точкам зрения, сделала еще более очевидной необходимость переосмысления русской истории XVI века, которая могла быть осуществлена только с помощью новых исследований. Это стремление не отразилось прямо на выборе темы кандидатской диссертации Р.Г. Скрынникова («Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV–XVI вв.»), которую он защитил в 1958 г, зато четко проявилось в посвященной опричнине докторской диссертации историка, защищенной девять лет спустя³. Первая часть тру-

³ Скрынников Р.Г. Опричнина Ивана Грозного. Л., 1967.

да, позже разросшегося в трилогию⁴, была опубликована в 1966 г., но ее концепция и методология (суть которой состояла в привлечении новой группы источников) заметны уже в большой статье, вышедшей в свет в 1961 г.⁵ Большое значение с точки зрения проблематики деятельности Ивана IV имел и 1963 г., когда были опубликованы посмертный сборник статей И.И. Полосина⁶, репрезентировавший скорее традиционную точку зрения, и также посмертный сборник написанных в 1940-е гг. статей С.Б. Веселовского⁷, в которых, к восхищению историков позднейших поколений, строгая критика источников сочетается с интеллектуальной смелостью. Этим путем шел и молодой доктор наук, хотя его концепция опричнины резко отличалась от концепции С.Б. Веселовского. И годы, столь плодотворные для советских ученых, еще не окончились: в следующем году вышла в свет и монография об опричнине А.А. Зимина⁸.

У авторитетнейшего советского медиевиста того времени, А.А. Зимина, было совершенно иное представление об опричнине, чем у Р.Г. Скрынникова. А.А. Зимин, по существу, продолжал линию В.О. Ключевского — С.Б. Веселовского, в то время как Р.Г. Скрынников развивал концепцию С.Ф. Платонова — П.А. Садикова⁹. Это, однако, не помешало А.А. Зимину вести со своим молодым коллегой предметную дискуссию, а последнему высказать свои возражения.

⁴ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; *Он же*. Опричный террор. Л., 1969; *Он же*. Россия после опричнины. Л., 1975.

⁵ Скрынников Р.Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961.

⁶ Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. М., 1963.

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁸ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

⁹ Подробнее: Szvák, Gy. IV. Iván és I. Péter utóélete (Посмертная жизнь Ивана IV и Петра I). Budapest, 2011. P. 118.

Это произошло в советское время и служит примером научного этоса советских историков. Интересной и печальной параллелью в их деятельности было то, что карьера А.А. Зимина была надломлена публикацией его сомнений в подлинности «Слова о полку Игореве»¹⁰, в то время как Р.Г. Скрынников получил международную известность доказав в споре с Э. Кинаном подлинность переписки Ивана IV с Андреем Курбским¹¹.

В этом пункте стоит коснуться вековой проблемы противостояния «московской» и «петербургской» школ. Дело в том, что в рамках этого противостояния многие интерпретируют и спор между Скрынниковым и Зиминим. Как известно, противопоставление двух школ связано с именем П. Н. Милокова¹², позже этот тезис завоевал много сторонников, а в советское время он трансформировался в оппозицию «Москва — Ленинград». Однако у этой точки зрения есть и много противников. Многие историки сомневаются уже в справедливости самого термина «школа», и их скептицизм еще более усиливается относительно существования двух различных историографических моделей¹³. Мы не будем здесь высказывать своего мнения по этому вопросу (проблема исторических школ требует особого исследования), однако вряд ли можно сомневаться в том, что вопрос «центра-

¹⁰ *Зимин А.А.* «Слово о полку Игореве»: Источники. Время написания. Автор. М., 1963. Т. 1–3. (Ротапринтное изд.). В настоящее время эта книга опубликована. См: *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб., Издательство «Дмитрий Буланин», 2006.

¹¹ *Скрынников Р.Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

¹² *Szváák, Gy.* The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century. P. 317-318.

¹³ В таком духе написана, напр., работа: *Алексеев А.И.* Санкт-петербургская и московская школы в исторической науке о русском Средневековье (опыт размышления) // Региональные школы русской историографии (Regional Schools of Russian Historiography / Ред. Szváák, Gy. Budapest, 2007. С. 33–44.

периферии» присутствует в русской / советской действительности (включая и историческую науку). Другое дело, что смена столиц изменила и характерные черты «школ».

Однако в советскую эпоху иерархические отношения были однозначными. Преимущество московских историков в официально-институциональном отношении было бесспорным, многие считают, что этим и объясняется тот факт, что имя Р.Г. Скрынникова никогда серьезно не обсуждалось при очередных выборах в Академию наук. В то же время нельзя утверждать, что его «зажимали», ведь его книги и статьи публиковались в московских журналах и издательствах. Опять-таки другое дело, что признание он получил в Ленинграде, где вокруг его имени сложился настоящий нимб.

Своеобразной чертой жизненного пути, карьеры Р.Г. Скрынникова было то, что ему пришлось бороться за признание и успех даже в собственном родном городе. Все началось с того, что в соответствии со специализацией кафедры он стал учеником Б.А. Романова, получил от него тему исследования¹⁴ и вообще попал под его влияние¹⁵. Будучи учеником А.Е. Преснякова и А.С. Лаппо-Данилевского, Б.А. Романов представлял еще дореволюционное поколение историков, за что подвергся преследованиям, был осужден, заключен в тюрьму и лагерь, сослан, но, в течение нескольких лет преподавания в Ленинградском университете, неиз-

¹⁴ Подробно об этом: Тюменцев И.О., Ананьев В.Г. «Россия его материк»: к 75-летию Руслана Григорьевича Скрынникова // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008. С. 5–6; Семенова Е.П. Руслан Григорьевич Скрынников: путь в жизни и науке // Там же. С. 20–21. Должен заметить, что большинство биографических данных заимствованы мной из цитированной статьи И.О. Тюменцева и В.Г. Ананьева, а также из личных сообщений И.О. Тюменцева, А.П. Павлова и А.И. Алексева, хочу здесь выразить им за это глубокую благодарность.

¹⁵ Об этом подчеркнуто говорил один из его учеников, академик Б.В. Ананьич на презентации моей книги *Русская парадигма* в Санкт-Петербурге в 2010 г.

менно старался передать своим студентам профессиональные знания. К тому же и эти его последние годы были не свободны от конфликтов¹⁶. Примерно тогда, когда Р.Г. Скрынников посещал занятия Б.А. Романова, за «буржуазную объективность» была подвергнута уничтожительной критике знаменитая, опередившая время книга последнего «Люди и нравы Древней Руси», а позже Романов был на время отстранен от преподавания¹⁷. Заведующим кафедрой и деканом был тогда В.В. Мавродин, вышедший уже из советской школы историков. Правда, волны т. н. «ленинградского дела» и кампании против космополитизма лишили его этих постов, но он снова получил их после 1956 г.¹⁸. Мавродин окружил себя прежде всего своими аспирантами. Так стал преемником В.В. Мавродина на посту декана, а в начале 1980-х гг. — и в должности заведующего кафедры его очень молодой тогда ученик И.Я. Фроянов. А Р.Г. Скрынников получил работу в Институте им. Герцена и лишь полтора десятилетия спустя вернулся в качестве преподавателя в Университет им. Жданова. В результате этого поздно прибывший «варяг» остался рядовым профессором, что постепенно привело к конфликтам в его отношениях с новым деканом на сильно централизованном истфаке.

¹⁶ Видимо, как свидетельствовал другой его ученик, Р.С. Ганелин, он не случайно повторял столько раз: «Приспособленчество всегда считалось дурным качеством, но приспособляться необходимо, если уж вы стали профессиональным историком». Цит. по книге: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 256.

¹⁷ Подробнее о Б.А. Романове см.: *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000; *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // *Избранные труды по историографии и источниковедению.* СПб., 2002. С. 107–145.

¹⁸ Подробнее см.: *Дворниченко А.Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. СПб., 2001. С. 25–29.

Отношения между двумя известными историками, И.Я. Фрояновым и Р.Г. Скрынниковым, тоже стали в Ленинграде предметом «городской легенды». В 1970–80-х гг. И.Я. Фроянов подвергся достаточно резкой критике из Москвы за свою концепцию, противостоящую считавшейся официальной точке зрения о феодальном характере Киевской Руси. К критикам присоединился и сотрудник ленинградского отделения Института истории М.Б. Свердлов. Р.Г. Скрынников скорее был солидарен с мнением последнего, однако это долгое время не было источником трений, поскольку Р.Г. Скрынников до 1990-х гг. не писал о Древней Руси. Думается, более существенной проблемой была разница в характере, определявшаяся разницей в воспитании, социокультурной среде (И.Я. Фроянов родился в кубанской казачьей семье, а Р.Г. Скрынников был сыном инженера-гидротехника и учительницы), а в конечном итоге — неодинаковым мировоззрением, что, наряду с расхождениями в политических взглядах, выразилось и в различных исторических концепциях¹⁹. Правда, я не могу утверждать этого с полной уверенностью, поскольку, несмотря на то, что в то время я был в хороших отношениях с обоими оппонентами, ни один из них в разговорах со мной не говорил об этом.

И.Я. Фроянов был, несомненно, очень жестким руководителем и импульсивным человеком, а Р.Г. Скрынников — демократичным преподавателем и медитативной личностью. Я высоко ценил и уважал обоих замечательных ученых, И.Я. Фроянова — в первую очередь за его типичную русскость, а Р.Г. Скрынникова — за его европейскость. Уже в 1970-е гг. Р.Г. Скрынников начал плести связи с западными учеными,

¹⁹ В 2007 г. по случаю 460-й годовщины коронации Ивана IV И. Я. Фроянов посвятил опричнине и его предыстории труд объемом почти в 1000 страниц, в котором он как в целом, так и в частностях оспаривает точку зрения Р. Г. Скрынникова, доказывая прогрессивность опричнины и «самодержавства» (*Фроянов И.Я. Драма русской истории. На путях к опричнине*. М., 2007. С. 931).

хотя в то время это было не в моде, да и небезопасно. Он неустанно принимал приезжавших к нему коллег (сам он был «невъездным» до 80-х гг. XX в.) консультировал их студентов, посылал им свои книги и рукописи и, наконец, стал одним из тех советских историков, которые пользовались наибольшей известностью и признанием за границей.

Конечно, его европейскость выражалась, прежде всего, не в западных контактах. Европейскими были ценности, которым он следовал, и которые в советское время было не просто использовать в качестве мерил поведения. Однако все это оставалось в основном в сфере личной жизни, в рамках общения с учениками, в стенах просторной квартиры на Петроградской стороне. Книги Руслана Григорьевича были строго научного характера, в них доминировали источники.

До самой смены режима Руслан Григорьевич шел проторенной дорогой «мейнстримного» советского медиевиста. Он употреблял обязательную «марксистскую» терминологию и фразеологию, например, термины «феодализм», «централизация», «классы», больше того, «классовая борьба» (правда в случае Смутного времени историк уже ранее сделал попытку ревизии устоявшихся представлений)²⁰. Р.Г. Скрынников принял понятийные рамки советской исторической науки, но систематизировал и интерпретировал конкретные исторические материалы в духе строгой фактографии. Он чуждался эффектных, широких обобщений. Старался избегать методологических ловушек. Это получалось у него тем легче и органичнее, что «питерская» школа изначально покоилась на этих принципах. В то же время в пределах, очерченных источниками, он был смелым историком, не боявшимся но-

²⁰ Подробнее этот вопрос анализируется в работе: Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: новые направления и результаты исследований // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике (New Directions and Results in International russistics / Ред. Szvák, Gy.). Budapest, 2005. С. 88–89.

вых открытий и развенчания укоренившихся мифов, причем даже в тех случаях, когда против него выступали практически все коллеги²¹. Однако часто устаревшие понятия и найденные историком источники оказывались несовместимы, порождая внутренние противоречия. В конечном итоге советская историческая наука оказалась для Р.Г. Скрынникова прокрустовым ложем, и в 1990-е гг. он попытался вырваться за заданные ею рамки.

Необходимо особое историографическое исследование, чтобы ответить на вопрос: насколько изменились и, вообще, изменились ли взгляды Р.Г. Скрынникова в последнем десятилетии прошлого тысячелетия²²?

Изменение взглядов Р.Г. Скрынникова на эпоху Ивана IV и особенно опричнину, которыми он занимался в течение всей своей деятельности, были подробно проанализированы мной ранее²³. Здесь стоит лишь отметить то, что, если ранее

²¹ Хорошим примером этого является датирование и оценка похода Ермака, отклики на которые подробно анализирует в настоящем сборнике Шандор Сили.

²² В своей еще не опубликованной работе "Ruslan Skrynnikov on Ivan IV" Чарльз Гальперин (любезно приславший мне рукопись), ссылаясь на меня (*Свак, Д.* Еще раз об историографии царствования Ивана Грозного // *Московская Русь: специфика развития [Muscovy: Peculiarities of its Development]. Budapest, 2003. С. 71*), исходит из того, что историческая интерпретация деятельности Ивана IV у Р.Г. Скрынникова не изменилась с 60-х гг. (С. 3). У.Р. Гальперина это стало исходной точкой критического анализа, в то время как у меня неизменность основной позиции Р.Г. Скрынникова служит скорее доказательством устойчивости достигнутых им результатов. Между прочим, я и сейчас, как и тогда, придерживаюсь той точки зрения, что конкретные интерпретации у Р.Г.Скрынникова по существу не изменились, но при этом в его работах появился новый уровень обобщений.

²³ *Свак, Д.* Руслан Григорьевич и Иван Грозный // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008. С. 25-37.*

историк считал введение опричнины рациональным политическим шагом, неизбежным в становлении централизованного государства, то в опубликованной в 1992 г. монографии «Царство террора» эта оценка изменилась. Ссылаясь на «демократический» характер известных посланий князя Курбского, он теперь старался доказать, что существовало и иное представление об устройстве российского государства, отличное от самодержавной модели Ивана IV²⁴. На этот раз централизация уже определяется как «централизация на московский лад»²⁵, которая в следующей, популярной биографии практически истолковывается как «деспотизм»²⁶. Еще дальше историк пошел в своем написанном примерно в то же время обобщающем труде, в котором он уже рассуждает о роковой роли, сыгранной опричниной в складывании «имперской системы власти»²⁷.

Нетрудно убедиться в том, что в работах 1960-х гг. Р.Г. Скрынников концептуально подходил к централизации, исходя из тезиса Энгельса, имевшего определяющее значение в исторической науке того времени. В этом отношении между сталинской и следовавшей за ней историографией не было разницы: государство (царь) считалось прогрессивным, бояре как инициаторы розни — реакционными. В 1992 г. все это было вывернуто наизнанку: именно бояре представлялись альтернативой террористическому государству.

Нет причин думать, что Р.Г. Скрынников в эти годы получил какую-либо новую информацию об истории России XVI в., которой у него раньше не было. Уже его диссертация 1958 года позволяла предположить, что он точно знал, что произошло с Новгородом после московского вмешательства.

²⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 522.

²⁵ Там же. С. 524.

²⁶ Скрынников Р.Г. Великий государь Иван Васильевич Грозный. Смоленск. Т. II. 1996. С. 343.

²⁷ Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. М., 1997. С. 373.

Быть может, поэтому он возвратился к этой теме через 36 лет и написал книгу «Трагедия Новгорода», в которой утверждает существование демократической альтернативы в истории России²⁸. Есть основания предполагать, что с Р.Г. Скрынниковым произошло то, что и со многими другими советскими историками: в понятийном, концептуальном отношении он не нарушал советского канона, но, строго следуя источникам, старался заставить говорить факты, веря, что читатель способен сделать из этих фактов соответствующие выводы.

Перемена наступила в 1990-е гг., когда, убедившись в необходимости оценок историко-философского типа, Р.Г. Скрынников постарался освободиться от понятийного балласта и начал прибегать к обобщениям более высокого уровня. Одновременно его деятельность расширилась и в тематическом плане. В 1950–1980-е гг. он, продвигаясь систематично, буквально год за годом, публикуя одну за другой новые книги, охватил всю историю «долгого» XVI в. вплоть до написанной им биографии Михаила Романова. 90-е годы XX в. принесли с собой раздвижение этих хронологических границ и существенное расширение тематики²⁹. Определяющую роль в этой перемене, по всей видимости, сыграли социально-политические перемены, в ходе которых сократилась роль государства, а определяющими для многих групп русской интеллигенции стали ценности т. н. демократии. Тогда многие разделяли подобные иллюзии. В конечном итоге Ельцинская форма демократии оказалась пародией истинной демократии, но это в принципе не породило

²⁸ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994, особенно на с. 152–154.

²⁹ Им были опубликованы статьи и книги о Древней Руси, о Новгороде, о крупных деятелях русской церкви, об отношениях между церковью и государством, а также о роковой дуэли Пушкина (в нашем сборнике содержится подробная библиография работ Р.Г. Скрынникова).

сомнения в самих демократических ценностях, поэтому нет оснований не замечать того, что в новых книгах Р.Г. Скрынникова наряду с этосом ученого появляется и *zoop politikon*, и не сочувствовать стремлению историка обнаружить эти ценности в прошлом России. В конце концов историк тоже человек, и ему трудно примириться с тем, что заданной целью развития России является сильная (государственная) власть.

Характерная для того времени эйфория, напоминавшая настроения хрущевской оттепели, продолжалась относительно недолго. Характернейшей чертой российской действительности тогда было то, что в некоторые места эта эйфория практически не проникла. К их числу принадлежал и исторический факультет Ленинградского (позже — Санкт-Петербургского) университета, декан которого, И.Я. Фроянов, остался сторонником прежнего режима. Эта макро- и микросреда породила своего рода парализующую двойственность, доставившая Р.Г. Скрынникову много неприятностей. Для сложившейся в то время ситуации было характерно, что, например, диссертация одного из моих бывших студентов, Шандора Сили, который был тогда аспирантом Р.Г. Скрынникова, даже не была допущена — в 1992 г.! — к защите за ее якобы «антисоветское» содержание. Такие и подобные случаи медленно лишили Р.Г. Скрынникова свежего воздуха и постепенно вытеснили его из университета. Не только символически, но и физически.

В советское время в обстановке экономики дефицита университетский профессор, получавший 450-500 рублей в месяц, жил в хороших материальных условиях. Сложился обычай, по которому он практически пожизненно сохранял свою работу, так как на небольшую пенсию прожить было невозможно. После 1991 г. зарплата понизилась, а пенсия стала почти символической. Поначалу Руслан Григорьевич мог считать, что ему повезло, так как имел возможность преподавать в университете на полставки и при этом сво-

бодно писать книги, т.е. заниматься тем, что он больше всего любил. Затем наступил 1997-й год, который ознаменовался в жизни Р. Г. Скрынникова переломными событиями. С одной стороны, он получил почетное звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, которое пользуется в России большим престижем, и которого удостоиваются лишь немногие. (Справедливости ради надо отметить, что без поддержки И.Я. Фроянова он вряд ли смог бы его получить). Однако, с другой стороны, наступил финансовый крах, пустивший по ветру сбережения так называемого российского «среднего класса», в том числе и Р.Г. Скрынникова. Этот удар сопровождался усиливавшейся болезнью сердца и одиночеством. Его заботливой жены, прекрасного историка и чувствительного человека, Лидии Николаевны Семеновой, тогда уже не было в живых, а дети искали счастья за рубежом (его сын, Николай, с тех пор стал известным на Западе ученым-физиком). Таким образом, в конце 90-х гг. XX в. в жизни Р.Г. Скрынникова произошел резкий поворот к худшему.

В то время я ничего не знал об этом (быть может, для меня должно было стать сигналом то, что однажды Руслан Григорьевич упомянул о желании продать свою коллекцию марок, которой он очень дорожил). Он всегда с гордостью говорил о своих детях и замыслах новых книг, с характерным для него воодушевлением организовывал первую Будапештскую конференцию историков-русистов 1998 г. Позже он побывал и на второй, а потом и на третьей конференции (2002), но в третий приезд уже не смог сделать доклад, лежал больным в гостиничном номере. Это была наша последняя встреча. Будапештские семинары мы до сих пор проводим раз в два года. На них присутствовали известнейшие представители международной русистики, в том числе такие легендарные ученые, как Н.В. Рязановский, Линдси Хьюз или Филип Лонгворт, всего много более ста человек.

Без Руслана Григорьевича всего этого не было бы, да и будапештский Центр русистики не был бы тем, чем он стал в

настоящее время. Однако не будем уклоняться от начального вопроса: можно ли говорить о школе Скрынникова? Если мы вдумаемся в то, что историографы иногда склонны оспаривать даже существование школы В.О. Ключевского, то ответ на поставленный вопрос будет, конечно, отрицательным. Однако у Р.Г. Скрынникова, несомненно, был круг учеников, которые и сегодня уважают в нем своего Учителя и, занимаясь изучением разных тем и эпох, унаследовали от него прежде всего ориентацию на источники, а также научное смирение, способность уважать науку превыше всего, что, пожалуй, было важнейшим качеством Р.Г. Скрынникова как ученого.

Однако существует понятие, которым редко пользуются для характеристики ученых. Речь идет о *человечности*. Жил однажды мягкий и тихий советский профессор, который старался привить ученикам навыки настоящего ученого, учил их научной честности, не прибегая при этом к авторитарным методам, апеллируя к документам и разуму учеников, считая последних своими партнерами и далеко выходя за обычные пределы преподавательской компетенции. Даже в советскую эпоху он сохранил пламя, переданное дореволюционной интеллигенцией, живым примером доказывая своим ученикам, что и в СССР можно честно служить науке, причем оставаясь при этом честным человеком. Тем самым постсоветские историки, да и вся современная русская интеллигенция многим обязана ему: его пример предостерегает новые поколения от желания отречься от собственной предыстории, бездумно выкинуть на свалку истории 70 лет советского прошлого.

(2011)

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ — СУДЬБА ИСТОРИКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ВЕНГРИИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
РУСЛАНА СКРЫННИКОВА И ЙОЖЕФА ПЕРЕНИ

Ниже речь пойдет о двух историках. Их связывает то, что они оба были моими научными руководителями, один при защите магистерской, другой — кандидатской диссертации. Первый из них был венгром¹, второй — русским². Они могли бы встретиться, но так и не встретились. Шестнадцатилетняя разница в возрасте оказалась слишком большой: к тому времени, когда советский историк наконец смог выехать на Запад (то есть в Венгрию), мой венгерский ментор уже вышел на пенсию и вскоре после этого умер. Однако оба они пережили период 50-х годов и активно работали в 60-70-е гг. Большая часть их жизни и профессиональной деятельности пришлась на советскую эпоху. И — пользуясь жаргоном русских историков — оба были «феодалами». Поэтому

¹ Однажды я уже попробовал очертить его жизненный путь в рамках возможностей, предоставляемых жанром некролога. См.: *Perényi, József. 1915–1981 // Egyetemi Lapok. 1981. № 18.*

² Жизненный путь Р.Г. Скрынников подробно описан мной в двух статьях, что, думается, освобождает меня от необходимости сделать это еще раз. См.: *Свак, Д. Руслан Григорьевич и Иван Грозный // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб.: СПбГУ, 2007, 25–38; Свак, Д. Р.Г. Скрынников: историк и мир — мир историка (Опыт реконструкции) // Свак Д., Тюменцев И.О. (Ред.). Русистика Руслана Скрынникова // Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия. Ruszisztikai Könyvek XXX. Russica Pannonicana, Budapest, 2011. 9–21.*

по-настоящему их связывала не моя скромная персона, а эпоха, в которую они жили, и эпоха, которой они занимались. Совпадения и различия в их научной карьере проливают свет и на сходство и различия между исторической наукой двух стран, между мирами этих двух историков.

Йожеф Перени родился в 1915 г. — как с небольшой, но простительной непоследовательностью свидетельствуют написанные им в разное время автобиографии — в семье интеллигента³ и заводской работницы. Руслан Григорьевич Скрынников родился в 1931 г., его родители были интеллигентами, отец — гидроинженером, мать — учительницей⁴. Первый окончил гуманитарный факультет Будапештского университета, при этом бедный, но способный юноша в течение нескольких семестров изучал славянские языки в Париже. Второй учился в Ленинградском государственном университете. По окончании университета венгерский студент остался на кафедре в качестве ассистента преподавателя без жалования и написал диссертацию из области вспомогательных исторических дисциплин под названием «Влияние французских школ на формирование практики венгерской дипломатики». Выпускник советского универси-

³ В «Автобиографии», помеченной 26 июля 1951 г. говорится о происхождении отца из интеллигентов, а в «Автобиографии» от февраля 1951 г. после слова «интеллигент» следует подробное перечисление: «земледелец, военный, фининспектор, милиционер, детектив». В «Автобиографии» от 8 ноября 1955 г. это перечисление выглядит так: «сельский поденщик, продавец, фининспектор, милиционер, детектив-инспектор». (Perényi József Személyes Iratai — Личные бумаги Йожефа Перени [далее — PJSZI], которые Йожеф Перени передал мне незадолго до своей смерти, в 1981 г. Сюда входят документы, написанные в первой половине 1950-х гг. Остальные документы хранятся в архиве Будапештского университета среди бумаг кафедры истории Восточной Европы, в фонде № 107).

⁴ Подробно биографию Р.Г. Скрынникова см.: Тюменцев И.О., Ананьев В.Г. «Россия его материк»: к 75-летию Руслана Григорьевича Скрынникова // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб.: СПбГУ, 2007, 5–19.

тета поступил в аспирантуру ЛППИ им. Герцена и защитил диссертацию об экономическом развитии новгородского поместья. Эти две на первый взгляд далекие друг от друга темы объединяет то, что в центре работы над ними стоит изучение источников. И это отнюдь не случайно, ведь ментором Йожефа Перени был Имре Сентпетери, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, а Руслану Скрынникову тему для диссертации подсказал Б.А. Романов, бывший ученик Ключевского, представитель еще дореволюционной школы историков.

В этом пункте параллельные траектории их жизненного пути резко расходятся. В предвоенные годы эпохи Хорти молодой венгерский ученый поначалу остался без работы, а затем оказался в Стамбуле в представительстве завода «Ганз» и зарабатывал на хлеб бухгалтерской работой. Однако административной работы было мало, да и ту он передал «негру», а сам проводил освободившееся время в архивах, выучил турецкий и ряд балканских языков: таким образом, в годы службы в представительстве славянская специализация и ориентация парадоксальным образом получили новый, сильный импульс. Правда, казалось, что двухлетняя служба в армии положит конец этому увлечению, однако последние дни войны венгерский кадет-сержант встретил на советской стороне. Несколько месяцев он служил дивизионным переводчиком, а после освобождения Венгрии оказался в Москве в должности культурного атташе, где приблизительно в течение года работал вместе с лучшим венгерским историком того времени, Дюлой Секфю, который был тогда послом Венгрии в СССР. После этого Перени, наконец, удалось получить работу по профессии: он стал сотрудником Института Восточной Европы им. Пала Телеки.

Руслан Скрынников в военные годы был еще подростком, а когда жизнь его венгерского коллеги подошла к новому повороту, он как раз посещал семинар Б.А. Романова, которому тогда разрешили вернуться к преподаванию в университете. Примерно в это время — в самом начале

1951 г. — Йозефа Перени исключили из партии, что грозило ему серьезнейшими жизненными неприятностями. Студент Руслан Скрынников в это время вынужден был констатировать, что его любимый преподаватель вновь подвергся уничижающей критике за «буржуазный исторический подход», якобы проявившийся в опередившей время и ныне считающейся классической книге «Люди и нравы Древней Руси», и снова был отстранен от преподавательской деятельности.

Йозеф Перени также пострадал за «буржуазный объективизм», да к тому же еще и за «несоответствующее отношение к советской исторической науке»⁵. В «состав преступления» и в этом случае входила книга, а именно — вторая часть обобщающего труда ведущего советского историка того времени, Б.Д. Грекова, «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в.», точнее ее венгерский перевод, над которым Йозеф Перени тогда работал, и о котором, будучи старательным филологом, размышлял и в свободное время. На свое несчастье во время обеда в университетской столовой он поделился результатами этих размышлений⁶ с одним из коллег-историков. Между прочим, нам известно имя этого коллеги, который гораздо позже стал одним из знаменосцев интеллигенции, боровшейся за смену режима, а тогда еще считал своей обязанностью сообщить об услышанном в соответствующие органы⁷. Знаем мы и имя коллеги, инициии-

⁵ В «Автобиографии» от 26 июля 1951 г. точно цитируется вынесенный вердикт: «неправильное отношение к советской науке и остатки объективизма в научной работе», — см.: PJSZI.

⁶ По рассказу Йозефа Перени, при переводе книги он заметил, что Б.Д. Греков иногда путает два значения термина «соха», встречающихся в источниках (пахотное орудие и единица податного обложения). Об этом Перени неосторожно сообщил своему партнеру по обеду.

⁷ В своем заявлении о пересмотре дела, написанном 23 января 1951 г. и адресованном в районный парткомитет Венгерской партии трудящихся, Йозеф Перени отклонил предъявленные ему обвинения, но в духе того времени признал: «мне было указано на прояв-

ровавшего постановление партийного собрания об исключении Перени из партии: в эпоху кадаристской «мягкой диктатуры» он из рьяного сталиниста «превратился» в по существу либерального историка⁸.

Между прочим, это дело в конце концов окончилось для Йозефа Перени без серьезных последствий. По крайней мере, он часто вспоминал, что благодаря случившемуся он овладел полезной профессией, в эти тяжелые для него месяцы он на всякий случай выучился на автомеханика. Благополучно была опубликована и книга об истории русского крестьянства. К тому же Йозеф Перени был обязан академику Грекову не

ляющиеся в моей научной работе и моем поведении объективные /sic!/ черты, которые мешают мне показывать партийное поведение, проводить партийную точку зрения... так как я действительно еще далек от того, чтобы полностью освободиться в своей научной работе и своем поведении от старых буржуазных пережитков и всегда и во всех случаях придерживаться партийной позиции», — см.: PJSZI.

⁸ Этот случай был лишь одним из мелких эпизодов чистки на «историческом фронте», описанной, например, И. Ромшичем. Хотя он, по всей видимости, доказывает как раз противоположное тому, что академик Ромшич считает исключительной виной группы историков, которых называет «евреями-коммунистами». (Ср.: *Clio büvöletében. Magyar történetírás a 19.-20. században — nemzetközi kitekintéssel*. [Очарованные Клио. Венгерская историческая наука в XIX–XX вв. в международном контексте]. Вр., 2011. P. 358–359). Не располагая ни свидетельствами о крещении этих историков, ни документами об их принадлежности к еврейской общине, ни иными «решающими» доказательствами их принадлежности к какому-либо вероисповеданию или расе, я не взял бы на себя смелость делить историков на «евреев-коммунистов» и на не «евреев-коммунистов». Конечно, помимо классификации по происхождению, в венгерской исторической науке имеются и другие подходы. Один из них можно найти, например, в лекции Ференца Глатца, которая была прочитана 13 апреля 1991 г. на общем собрании Венгерского исторического общества (см.: *Glatz, F. Történetírás Magyarországon, 1949–1990* [Историческая наука в Венгрии в 1949–1990 гг.] // *Történelmi Szemle*. 2011/3, особенно с. 319–320).

только своей бедой, но и «спасением» (в итоге его так и не выгнали с работы). Случилось так, что сотрудники Института истории ВАН заспорили о достойном праздновании дня рождения Матяша Ракоши и никак не могли выбрать наиболее эффективную форму трудового социалистического соревнования на фронте истории. Поэтому они немедленно обратились за указаниями к товарищу Грекову, путь к которому лежал через Йожефа Перени, с которым он был знаком еще по работе в Москве. И академик Греков прислал свои указания⁹. (Между прочим, письмо, которое легло в основу рукописи под названием «Указания /sic!/ академика Б.Д. Грекова венгерским историкам»¹⁰, было найдено мной в 1981 г. в тогда еще находившемся в полном беспорядке архиве Института истории ВАН, между половой тряпкой и ведром. Позже, в год юбилея Грекова, я передал его копию профессору Скрынникову. Дальнейшая судьба рукописи мне неизвестна).

И хотя Йожефа Перени не приняли обратно в партию, в 1956 г. в его жизни произошел новый, теперь уже благоприятный поворот. В то время, помимо работы в Институте истории, он уже несколько лет преподавал историю славянских народов на кафедре истории народных демократий Европы гуманитарного факультета Будапештского университета. (Отдельно от него в 1953–1956 гг. функционировала — благодаря приглашенному советскому профессору — кафедра истории СССР¹¹). Однако 26 октября 1956 г. заве-

⁹ В конце концов, комиссия, созданная для определения трудовой нормы для научных сотрудников, 1 декабря 1950 г. по существу приняла указания Грекова (Протокол // PJSZI) с тем небольшим отличием, что, если у Грекова годовая норма равнялась 2100 трудовым часам, то в Институте истории — 2200 часам. Правда, в СССР при этом нужно было напечатать работу объемом в 7, а в Венгрии лишь в 6 печатных листов.

¹⁰ См.: PJSZI.

¹¹ *Borsodi, Cs.; Tüskés, A. Az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának története képekben 1635–2010* (История гуманитарного факультета Будапештского

дующий кафедрой и декан факультета, где преподавал Йожеф Перени, Золтан И. был убит перед зданием парткомитета, когда делегация Будапештского университета прибыла для переговоров о требованиях преподавателей и студентов¹². Другой видный работник кафедры, Эндре Арато, выступавший в качестве члена партии, по слухам, в критические дни как раз находился на чехословацкой территории. Зато Йожеф Перени оказался на месте, более того, как говорили, в острой ситуации сумел посадить на самолет советского заведующего кафедрой¹³. В результате, когда с 1 января 1957 г. две кафедры были официально объединены под названием кафедра «истории Восточной Европы», Перени был признан наиболее достойным кандидатом на место ее руководителя¹⁴. С этого времени он в течение 23 лет стоял во

университета им. Лоранда Этвёша в иллюстрациях, 1635–2010 гг.). Вр., 2010. 207.

¹² Подробнее об этом см.: *Borsodi, Cs.: Forradalom az Eötvös Loránd Tudományegyetemen 1956-ban* (Революция в Будапештском университете в 1956 г.) // Nagy Imre és kora. Tanulmányok, forrásközlések V. Вр., 2009. 52.

¹³ Еще вероятнее, что Перени получил эту должность или, по крайней мере, единогласную поддержку факультетского совета, отчасти именно благодаря политической проработке, которой он подвергся ранее. В протоколе заседания Совета истфака от 7 декабря 1956 г. можно прочесть следующие слова: «Думается, что (связанные с ним) сомнения политического свойства за последнее время превратились в прямо положительную оценку» (ELTE Levéltár, BTK Tanácsülési jegyzőkönyvek 1956 / 56–1957 / 58. Jegyzőkönyv, 1956. december 7. 10. o.). Эти слова поддержки были сказаны тем коллегой, который, по свидетельству заявления Йожефа Перени в комитет партии, был одним из инициаторов его исключения из партии.

¹⁴ Руководство кафедрой было поручено ему уже на заседании факультетского совета 7 декабря 1956 г. (ELTE Levéltár, BTK Tanácsülési jegyzőkönyvek 1956 / 56–1957 / 58. Jegyzőkönyv, 1956. december 7. 3. o.), и на том же заседании — именно по предложению Йожефа Перени — было принято решение о старом-новом названии кафедры (Там же. 4–5).

главе кафедры, больше, чем кто-либо другой в ее истории в XX веке.

Руслан Скрынников в это время окончил аспирантуру в Пединституте им. Герцена, а потом защитил кандидатскую диссертацию. И прошло еще много лет, прежде чем он, по приглашению декана, В.В. Мавродина, смог вернуться преподавателем в родной университет. С тех пор жизненный путь венгерского и советского ученого снова соприкасаются друг с другом: теперь они снова занимались тем и там, чем и где это им нравилось больше всего. Конечно, велика разница между начинающим и уже зрелым ученым. Руслан Скрынников еще много лет будет заниматься единственной, хотя имеющей в русской истории ключевое значение проблемой, опричиной, в то время как диапазон интересов Йожефа Перени, особенно в таком сопоставлении, кажется буквально необъятным. Тогда за его спиной уже было несколько крупных статей о венгерско-русских контактах в Средневековье и на заре Нового времени¹⁵, провоцирующие дискуссии работы, в которых по-новому ставился вопрос о прародине венгров¹⁶, книга о закарпатских украинцах¹⁷, дискуссионные статьи о втором издании крепостничества¹⁸ и о средневековом «национальном самосознании»¹⁹, несколько статей о

¹⁵ Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. (Сведения о венграх в русских летописях) // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. Bp., 1961; A magyarok és a keleti szlávok kapcsolati a honfoglalás előtt (Связи между венграми и восточными славянами перед обретением родины венграми) // A magyar-orosz történelmi kapcsolatok. Bp., 1956; II. Rákóczi Ferenc és I. Péter diplomáciai kapcsolatának kezdetei (Начало дипломатических связей между Ференцем Ракоци II и Петром I) // Там же.

¹⁶ A Magna Hungaria kérdéséhez (К вопросу о «Великой Венгрии») // Magyar Nyelv. 1959.

¹⁷ Из истории закарпатских украинцев. Bp., 1957. 160 l.

¹⁸ Zur Frage der „zweiten Leibeigenschaft“ (Diskussionsbeitrag) // La Reanissance et la Réformation en Pologne et en Hongrie. Bp., 1963.

¹⁹ A magyar „nemzeti öntudat” fejlődése a 11-13. században (Развитие венгерского «национального самосознания» в XI–XIII вв.) //

своеобразии турецких завоеваний²⁰, подготовленный к XII Международному конгрессу историков доклад о методологических аспектах создания обобщающих трудов по истории Восточной Европы, книга под названием «История Польши»²¹ и научно-популярная брошюра «Секреты лаборатории историка»²². Одним словом, за его спиной был самый продуктивный творческий период его жизни с 1956 по 1966 г.

Именно тогда (в 1966 г.) в СССР вышла в свет первая монография Руслана Скрынникова. Эта был, несомненно, хороший период в исторической науке обеих стран, когда чувствовалось благотворное влияние «оттепели», последовавшей за XX съездом КПСС, причем в Венгрии оно чувствовалось даже сильнее, чем в СССР. Йозеф Перени буквально утопал в обилии тем, максимально использовал выгоды, которые обеспечивало ему знание многих языков (в автобиографии 1955 г. он перечислил всего 11 языков, не считая венгерского и латыни, полдюжиной из которых он пользовался активно), и позиционировал себя в венгерской исторической науке в качестве специалиста по всемирной истории, одинаково хорошо ориентировавшегося как в западной, так и в восточноевропейской специальной литературе. По устоявшейся традиции, характерной для национальной исторической науки различных стран, он тоже отталкивался от истории контактов, но оказался компетентным во многих специальных вопросах истории восточноевропейских стран. Постепенно он использовал накопленные знания в целях разработки методологии сравнительно-исторического изучения стран Восточной Европы. Если в

Nemzetiség a feudalizmus korában. Tanulmányok. / Értekezések a történeti tudományok köréből. Új sorozat, 64. / Bp., 1972. 83–101.

²⁰ Trois villes hongroises sous la domination ottomane au XVIIe siècle // Ier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes. Résumés des communications. IV. Histoire. XVe – XVIIe s. Sofia, 1966.

²¹ Lengyelország története. Bp., 1962. 400 l.

²² A történész műhelytitkaiból. Bp., 1965.

первой половине 1950-х годов он преподавал историю отдельных стран, то к началу 1960-х годов им была подготовлена серия университетских лекций по истории Восточной Европы в Средневековье и раннее новое время²³, а затем, в 1972 г., проанализировав в важной методологической статье разные восточноевропейские регионы, он зафиксировал теоретические основы своих исследований²⁴.

В то время в Будапештском университете под руководством Перени сложилась школа компаративистского изучения истории Восточной Европы, в которой преподавали и вели исследования достойные сотрудники: Эндре Арато занимался девятнадцатым веком, Иштван Долманош двадцатым, и к ним уже присоединился представитель более молодого поколения, Эмиль Палоташ, специалист по Балканам. Последние годы активной деятельности Йожефа Перени пришлись именно на этот период с самого конца 1960-х до начала 1970-х гг. Затем творческий взлет прерывается, в последние несколько лет своей жизни Перени практически уже не печатался. Достигнув пенсионного возраста, он немед-

²³ Кроме этого в университетском учебнике «История СССР» ему принадлежали главы, посвященные русской истории до начала XIX в., которые соответствовали научному уровню того времени (более того, в целом оказались полезнее современных им советских обобщающих трудов).

²⁴ Gazdasági-társadalomtörténeti fejlődési tájak Kelet-Európában (Исторические зоны социально-экономического развития в Восточной Европе) // Tanulmányok Kelet-Európa történetéből / Szerk. Regényi, J. Bp., 1972. 5–40 l. Позже он изложил свою концепцию и в подготовленном мной журнальном интервью. По иронии судьбы, а скорее — своеобразного восточноевропейского развития, в том же номере журнала, как раз на обратной стороне страницы с нашей беседой, человек, который когда-то донес на Перени, рассуждал о том, что «ныне не следует оглядываться на вчерашний день, скорее нужно стремиться к тому, чтобы везде растаял лед, и привидения ледящего прошлого не могли больше тормозить здоровое развитие нашей интеллектуальной жизни».

ленно ушел на покой (хотя, будучи профессором, мог продолжить преподавательскую деятельность) и менее чем через год умер.

Я познакомился с Перени уже на закате его карьеры, в 1974 г., посещал его занятия, интересовавшие мало студентов, и пользовался его благодушными консультациями по поводу моей дипломной работы, а позже и диссертации. Наиболее теплые отношения установились между нами незадолго до смерти Перени, когда он передал мне большую часть своих русских книг, а также несколько личных документов и рукописей. Тогда я не решился поинтересоваться причинами его поступка, было заметно, что этот дородный человек находился не в лучшем физическом состоянии, и тогда это казалось мне достаточным объяснением. Ныне, приближаясь к похожему возрасту, я уже не могу удовлетвориться им в полной мере.

Почему Перени оставил свою профессию и при первой возможности навсегда покинул свой университетский кабинет? Он был болен, его, как и Руслана Скрынникова, мучила сердечная болезнь. И все же, по-моему, главная причина была в том, что у него уже не было ни времени, ни желания еще раз вывернуть наизнанку свои убеждения. Поколение Йожефа Перени училось основам профессии еще до 1945 г. у известных историков-ветеранов, представителей так называемой «буржуазной» исторической науки, Элемера Майуса, Иштвана Хайнала, Петера Ваца. Им было непросто приспособиться к новой ситуации после 1945 г., они превратились в марксистов поневоле, которые никогда не смогли в полной мере воспринять «государственный марксизм» советского типа. (В этом смысле «раскаяние» Перени в письме, адресованном районному парткомитету, отнюдь не кажется неправдоподобным). Конечно, интерес к истории экономики первого поколения «Анналов» несколько облегчило процесс приспособления, к тому же таким людям, как Перени, с их социал-демократическими чувствами, взглядами и социализацией не было чуждо и левое мировоззрение. Однако при-

митивный вульгарный марксизм 1950-х гг. в совокупности с экзистенциальными обидами нанес этому поколению глубокие раны. Правда, в 60-е гг. они освободились от этого давления, но, самое позднее, к концу 60-х – началу 70-х гг. им пришлось убедиться в ограниченности имеющихся у них возможностей. Очевидным доказательством могло служить, например, дело Долманёша²⁵, которое ясно подтвердило на историческом фронте агитпроповскую аксиому, бытовавшую внутри Варшавского договора: о советских людях (и об их истории) нельзя сказать того, чего не говорят о себе они сами. Все относились к этому по-разному, в зависимости от своего темперамента и характера: Иштван Долманёш практически внутренне надломился²⁶, Йозеф Перени ничего не писал и, не желая говорить о реальной истории, скорее рассказывал анекдоты. А между тем он хорошо знал и понимал русскую историю, был историком с хорошим вкусом и интуицией, который с уверенностью мог отличить долговечные труды от конъюнктурной халтуры. Однако он даже в разговорах со мной, своим последним учеником, никогда не критиковал советскую историческую науку и не отказывался от таких шаблонных утверждений, как, например, что в средние века историческое развитие России и Венгрии было структурно одинаковым, ссылаясь лишь на то, что крестьяне и там и тут одинаково пахали землю. Конечно, он отлично понимал, что меня ни в коей мере не удовлетворяет эта аргументация, как понимал и то, что уже выросло более смелое поколение, которое не было сломлено и испугано в 50-е го-

²⁵ Подробнее о нем см.: *Szvák, Gy. Kis magyar guszisztika* (Малая венгерская русистика). Вр., 2011. 95.

²⁶ Одним из красноречивых показателей этого надлома была его статья «Эпоха Ивана Грозного в университетском обучении истории» (рукопись), подготовленная в 1980 г. к методологической конференции университетских преподавателей истории СССР из социалистических стран, состоявшейся в Брно. В этой статье он восхвалял Ивана IV намного восторженнее, чем это было принято в советской исторической науке того времени.

ды. Перени сделал из этого выводы и передал нам не только книги, но и эстафетную палочку.

В этом смысле советский и венгерский историк, отдаленные друг от друга во времени и пространстве, оказались очень похожими, хотя в остальном они сильно отличались друг от друга. Йожеф Перени был историком, читавшим на многих языках, но занимавшимся сравнительной историей стран Восточной Европы в основном не по первоисточникам, а по вторичной исторической литературе, в то время как Руслан Скрынников был специалистом по истории России, в целом остававшимся в рамках русской советской исторической науки, расширявшим и переосмыслявшим источниковедческую основу изучения русской истории. Однако оба они воспринимали как аксиому дискурс, сложившийся в советской исторической науке, употреблявшиеся в ней понятия и методологию, не пытались выйти за ее рамки или нарушить идеологические «табу». Пока Руслан Григорьевич был моим научным руководителем (т.е. до 1984 г.), он тоже даже в разговорах не подвергал сомнению ее важнейшие постулаты. Однако он дожил до смены режима и распада СССР, что позже привело его к пересмотру некоторых исторических взглядов. Однако эти новые взгляды были, несомненно, слабее и менее органичны, чем прежде и в основном не изменившееся мировоззрение историка. Главной причиной этого могло быть то, что в отличие от Перени, Р. Скрынников учился в советской школе и вырос на советской исторической и историографической традиции, таким образом, его мировоззрение сложилось внутри его личности, а не было навязано ему извне.

Йожеф Перени ушел на покой тогда, когда еще нельзя было почувствовать приближение смены режима, но в венгерской науке уже отчетливо наблюдалось присутствие нового поколения историков, критически относившихся к «традиционному» марксизму, отвергавших или стремившихся преодолеть его. Перени с симпатией наблюдал за их деятельностью, но сам уже не хотел принимать участие в смене парадигмы. Даже будучи на вершине своего успеха,

он в определенной степени оставался на периферии венгерской исторической науки, отчасти потому, что занимался всемирной историей, историей Восточной Европы, и к тому же в конце своей деятельности работал уже в университете, а не в Институте истории. А между тем в системе ценностей венгерской исторической науки главным приоритетом было изучение национальной истории, центром которого считался Институт истории ВАН, располагавший поэтому всеми вытекающими отсюда властными, материальными, инфраструктурными и коммуникативными привилегиями. Так что, несмотря на то, что в 1960-е – 70-е годы кафедра истории Восточной Европы Будапештского университета превратилась в современную исследовательскую лабораторию, имевшую международный престиж и на высоком уровне занимавшуюся региональной компаративной историей, это не было оценено по достоинству мейнстримом венгерской исторической науки (как не оценено и в наши дни). От моего коллеги, уже активно работавшего в 1972 г., я узнал, что по случаю выхода в свет двухтомника, подготовленного на кафедре Перени, сотрудники группы исторических кафедр гуманитарного факультета Будапештского университета обсудили разработанную им сравнительно-историческую концепцию истории Восточной Европы. Ведущие историки, которые — что характерно для амбивалентного состояния венгерской исторической науки того времени — были ими и в 50-е годы, подвергли Перени резкой критике²⁷. Последний по праву мог испытывать состояние «дежавю», поскольку контраргумент заключался в том, что советские товарищи подходят к этому вопросу по-другому. В итоге Перени потерял всякий интерес к дальнейшим спорам или, во всяком случае, предпочел отступить, а «крупный опус» так и остался ненаписанным.

Во время смены режима Руслан Скрынников был еще активным ученым, и его работы, написанные в 1990-е гг., лучше всего доказывают, что крупные социально-

²⁷ Сообщено лично профессором Эмилем Палоташем.

политические перемены оказали на него свое влияние. Именно благодаря этому он концептуально расширил свою профессиональную компетенцию, больше того, предложил новые интерпретации в изучении некоторых частных проблем и частично пересмотрел свой понятийный арсенал, обновил язык своих работ. Вероятно, Р.Г. Скрынников и как частный человек с надеждой встретил становление нового порядка в стране, ведь и как ленинградского историка, пусть даже наиболее известного за пределами России, и как ученого, отдаленного от руководящей верхушки университета его окружала своеобразная аура обойденного человека. Однако с течением времени его болезнь и одиночество усилились, и противоречивые результаты смены режима в России превратили первоначальное воодушевление в глубокий скептицизм. Он вел все более бесперспективную борьбу за приемлемые условия жизни, все более неравную борьбу с (пиратскими) издательствами и все более безнадежную борьбу с настигшей его болезнью²⁸.

Конечно, все по-разному переживают свои разочарования. В отличие от Йожефа Перени, Скрынников работал до последнего дыхания. Возможно, он верил в потусторонний мир, но, несомненно — в бессмертие ученого. В итоге он смог стать ученым, вошедшим в анналы международной историографии, в то время как Йожефу Перени не нашлось достойного места даже в истории венгерской исторической науки.

(2012)

²⁸ Об этом я подробно писал в статье: Р.Г. Скрынников: историк и мир — мир историка (Опыт реконструкции) // *Свак, Д.; Тюменцев И.О.* (ред.). Русистика Руслана Скрынникова // Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия. *Rusisztikai Könyvek XXX. Russica Pannonica. Vp.*, 2011. 9–21.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ

В феврале 2013 г. президент В.В. Путин дал конкретное указание разработать концепцию нового школьного учебника истории, которое можно рассматривать как заключительный аккорд длительного процесса поисков идентичности, инициированных элитами, осуществившими смену общественного строя в России.

ПУТЕВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В 2013 г. в России развернулась большая дискуссия о едином школьном учебнике истории. Сначала рабочей группой по подготовке концепции учебника, работающей под эгидой (вновь) созданного Российского исторического общества был составлен список спорных вопросов российской истории¹, а затем был опубликован проект образовательного «стандарта»².

Последний важен потому, что дает ясное представление о намерениях государства, выступающего в роли заказчика,

¹ «Az orosz történelem vitás kérdései» — oroszvilag.hu (июнь, 2013).

² Он был подробно проанализирован и процитирован мной, см.: *Szvák, Gy. Vita a történelemtől (Oroszországban) // Vita az új orosz történelmi koncepcióról / Szerk. Gy. Szvák. Poszt-Szovjet Füzetek XXI. Budapest: Russica Pannonicana. 2014. 7–14.*

а также о степени готовности научного сообщества удовлетворить государственные запросы и о возможности выработки «единого» взгляда на историю. Если это начинание окажется успешным, то оно приобретет общеевропейское значение, поскольку Россия после смены общественного строя наконец-то сумеет обрести свою легитимационную идеологию. Для венгров оно поучительно еще и потому, что в последнее время в странах восточноевропейского (или, можно сказать, евразийского) региона, несомненно, возрос интерес к достижениям друг друга, и руководители государств этого региона охотно заимствуют друг у друга кажущиеся им эффективными рецепты реализации власти.

Первоначально в России не планировалось ввести одну единственную серию учебников по истории. В то же время предполагалось предписать определенный «минимум» во взгляде на историю, который должен соблюдаться во всех учебниках, а главным образом прояснить приоритеты, ценностные ориентиры и общую установку в преподавании истории.

В первом варианте упомянутого выше «стандарта» сохранились следующие важнейшие принципиальные положения:

1. Вместо прежней установки на политическую историю должен доминировать культурно-антропологический подход.
2. Особое внимание должно уделяться вопросам духовной и культурной жизни.
3. Должен быть подчеркнут многонациональный и поликонфессиональный состав населения страны как одна из важнейших особенностей российской истории.
4. Необходимо обеспечить выработку сознательного оценочного отношения к историческим деятелям, процессам и явлениям.

5. Учебник должен функционировать как навигатор и подготавливать учащихся — особенно в двух последних классах — к самостоятельным выводам и самостоятельному анализу.

С этими соображениями методологического характера связан целый ряд более конкретных рекомендаций. Перечислю их:

1. Воспитание патриотизма, гражданственности и межнациональной толерантности.
2. Не скрывающая ошибок и просчетов патриотическая идейность, на основании которой должно осуществляться формирование «гражданской общероссийской идентичности».
3. Важность показа гражданской активности и истории гражданского общества, но без всякого «экстремизма» (террора, шовинизма, мессианства).
4. Важным элементом патриотического воспитания должна быть гордость военными победами, но предметом патриотической гордости является и формирование и расширение «российского социума».
5. История России является частью всемирной истории. «Мы граждане великой страны с великим прошлым». «Следует подчеркнуть, что пребывание в составе Российской империи имело положительное значение для ее народов». Нельзя замалчивать трагедии прошлого, но суть в том, что Россия всегда преодолевала их.
6. Необходимо расширить материал по истории культуры, имея в виду, прежде всего, историю повседневности.
7. «История религий, в первую очередь православия, должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника».

8. Революции и гражданские войны являются не результатом заговоров, а следствием объективных исторических противоречий внутри страны.

Далее история России делится в «стандарте» на семь крупных периодов лишь с небольшим отклонением от прежних периодизаций (позже это деление было уточнено). Отдельными, «равнозначными» периодами являются все время Киевской Руси до самого конца XV в., XVI–XVII вв., XVIII в., а также весь XIX в. (включая и начало XX в.). Наиболее неожиданным представляется разделение XX в. на три также «равноценных» периода: 1917–1945 гг., 1945–1985 гг. и 1985–2012 гг. Таким образом, бросается в глаза относительная неразделенность «долгого» XIX в., а также подчеркнутое стремление к интерпретации истории ближайшего прошлого (хотя в описательной части практически нет ни слова о путинском периоде).

Авторы этого материала, носящего подчеркнуто рабочий характер, разработали для каждого крупного периода концептуальные основы, перечень главных тем, а также список важнейших дат и исторических лиц. Их унификация еще не осуществлена, продолжается дальнейшее углубление и конкретизация вступительных принципиальных положений, которые, однако, нередко нарушаются и противоречат друг другу.

Уже и на основании представленного предварительного материала можно сделать несколько замечаний.

1. Явно чувствуется, что идет подготовка не «оборонительных», а скорее «наступательных» по духу учебников, через которые непрерывной нитью проходит идея величия России, ее исторических (всемирно-исторических) достижений.
2. Рамками для этого служит идея исторической преемственности, в духе которой не только не отрицается историческая роль советского строя, но даже подчер-

квиваются достижения «догоняющего» развития, «сталинской социалистической» модернизации (не говоря при этом ни слова об исторической роли Ленина), своего рода пиком которой являлась имеющая общечеловеческое значение победа в Великой Отечественной войне.

3. Из этой логики естественно следует, что наиболее значительным периодом в российской истории была история СССР 1960–70-х годов. Все это, несомненно, дополняется своего рода количественным подходом, представители которого склонны оценивать успехи российской / советской империи с точки зрения ее величины, протяженности.
4. В представленном материале сильно подчеркнута стремление к интеграции. В нем постоянно повторяется идея единства империи, целью которой является выработка и укрепление на этой основе сознания идентичности у современных поколений, а также введение фундаментальной категории «российский социум», наряду с чем говорится и о важности воспитания толерантного отношения к инаковости.
5. Залогом установления порядка, побеждающего хаос и обеспечивающего единство, неизменно считается сильная центральная власть, причем даже в ее самодержавной форме XVI–XVII веков.
6. Цементирующая роль в этом процессе открыто отводится исторической деятельности православной церкви, даже несмотря на всю парадоксальность такого утверждения.
7. В тексте противоречиво, непоследовательно интерпретируется проблематика так называемого «российского своеобразия», «своеобразного российского пути». В отношении XVI–XVII вв. «самобытность» представлена объективной данностью, в то время как

начиная с царствования Петра I, она описывается как характерный для российской / советской истории ряд своеобразных бросков вперед, призванных догнать / перегнать Запад, и отступлений, причем нет ясного изложения всемирноисторических закономерностей и российской специфики этого процесса, а также их симбиозного взаимоотношения.

8. В свете отдельно опубликованных «спорных вопросов» странно, что не подчеркнут дискуссионный характер «Стандарта», что, с одной стороны, понятно, ведь речь идет об учебном материале для школ, но, с другой стороны, противоречит декларированному замыслу, а также противоречивости пережитой истории.

В конце 2013 г., после необычайно широкого профессионального и общественного обсуждения, текст «Историко-культурного стандарта» для новых российских учебников истории, получивший название «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», был положен на стол президента России³.

³ См.: Концепция нового учебно-методологического комплекса по отечественной истории / Авт. коллектив под рук. А. Чубарьяна. М., 2013. 65 с. Этот материал дважды обсуждался Венгерским отделением Венгерско-российской комиссии историков. Состоявшаяся дискуссия была обобщена в кн.: *Szvák, Gy. Vita a történelemről (Oroszországban) // Vita az új orosz történelmi koncepcióról / Szerk. Gy. Szvák. Poszt-Szovjet Füzetek XXI. Budapest: Russica Pannonicana. 2014. Краткий обзор дискуссии на русском языке см.: Венгерские историки об исторических дебатах в России // Труды по россиеведению. Вып. 5. М., 2014. С. 201-225. Интересный доклад по этой теме был сделан на организованной Центром русистики I Международной конференции молодых русистов одним из российских магистрантов. См.: *Смирнов Е.Н. Формирование исторической памяти граждан России на современном этапе // Альтернативы, переломные пункты и минусы режима в истории России (Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian**

И хотя текст во многих пунктах был исправлен и изменен (например, полностью изменилась периодизация советской эпохи), все же материал, представленный рабочей группой под руководством академика Александра Чубарьяна (львиную долю работы в которой взял на себя Институт российской истории под руководством Юрия Петрова), по-прежнему оставался предметом споров. Например, им занимался на открытом заседании Комитет Государственной думы по образованию [08. 04. 2014 г.], а близкий к власти журнал «Стратегия России» посвятил ему серию статей и специальную дискуссию. Особое значение этому придается тем фактом, что в апреле Министерство культуры, возглавляемое Владимиром Мединским, направило в администрацию президента РФ проект программы «Основы государственной культурной политики», который имеет приблизительно те же цели, что и «историко-культурный стандарт»⁴, но основан на прямо противоположном понимании истории: по своему духу он родственен сформулированной в XIX в. «уваровской триаде» (православие, самодержавие, народность). (Суть представленного документа в том, что его авторы, следуя идеям Данилевского и других мыслителей, считают, что Россия образует совершенно отличную от «греховного» Запада цивилизацию, и объявляют войну всем проявлениям «инаковости», например, мультикультурализму).

В то же время российское сообщество историков показывает удивительный плюрализм и умение дискутировать. Как видно, трудно добиться утверждения единого взгляда на историю, поэтому и власть с большой осторожностью подходит к этому вопросу. Новая концепция учебников истории легла на стол президента РФ в результате достигнутого консенсуса, компромисса, который был принят практически всеми представителями профессии историка. Эта концепция,

History and Culture. Ruszisztikai Könyvek XLI) / Гл. ред. Д. Свак. Budapest, 2015. С. 459–470.

⁴ Его критический разбор см.: Коммерсантъ (24.04.2014).

несмотря на ее определенную непоследовательность и присутствие старых стереотипов, в целом основана на «западническом» понимании истории, при котором мерилom являются европейские ценности, а российская история рассматривается в контексте европейской.

В ходе дискуссий постепенно выяснилось, что не только ««сколачивание» монолитного государственного взгляда на историю», но даже и создание общеобязательной серии учебников истории наталкивается на противодействие историков. В кругу специалистов серьезно даже не обсуждается мысль о том, что «путеводный указатель» по истории, помимо фиксации необходимого профессионального минимума, может в чем-то ограничивать свободу научной жизни или определяющую роль преподавателя в процессе передачи знаний. Конечно, встречаются и такие историки, характерным образом принадлежащие к восходящему поколению, которые бьют дальше цели, стремясь соответствовать каким-то конкретно не высказанным запросам власти. Так поступает, например, историк В. Багдасарян из московского «сервисного» университета, который в журнале «Стратегия России» за 2014 г. по существу провозгласил крестовый поход против доминирующего, по его мнению, либерального понимания истории, составив таблицы с «правильными» и «неправильными» мнениями, и в качестве окончательного решения настаивал на замене «сопротивляющейся» академической и образовательной структуры новыми кадрами и учреждениями⁵.

И все же элита российской исторической науки решительно и смело отстаивает свои профессиональные ценности, и российская власть на свой лад мирится с этим, не прибегая к силовым решениям. Конечно, при этом борьба за овладение прошлым неуклонно продолжается.

⁵ См.: Багдасарян В. История и государственная политика // http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1393762631&archive=1393762902&start_from=&ucat=14 (март, 2017).

Как бы то ни было, «историко-культурный стандарт», созданный для новых российских учебников по истории, представляет собой путеводный указатель, во многих пунктах отличающийся от традиционного российского взгляда на историю, предлагающий множество методических новаций и рисующий картину успешной России. Возрождающие дух холодной войны современные венгерские историки, провозглашающие теорию тоталитаризма, отождествляющие Гитлера со Сталиным и релятивизирующие значение Великой Отечественной войны, найдут для себя мало амуниции в этой новой концепции российских учебников. Еще более существенно, что в нем не нашла подтверждения и модная теория «локальных цивилизаций», абсолютизирующая «инаковость» России.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ЛИЧНОСТЬ ВСЕЯ РУСИ

Для политического сообщества, ищущего свою идентичность, ключевым является вопрос о том, на что и на кого оно может «опереться» в истории, какую эпоху и какие исторические личности выберет в качестве примера. По итогам всех опросов общественного мнения, проводившиеся в течение двух десятилетий после смены общественного строя, первое или, во всяком случае, «призовое» место всегда занимал Петр I. Поэтому, когда на состоявшемся в 2008 г. голосовании в рамках программы «Имя Россия» он откатился на пятое место, это стало неожиданностью. Однако, прежде чем заняться поисками объяснения этого неожиданного результата, бросим взгляд на само это странное «соревнование».

Конечный результат был получен в итоге многомесячного соревнования, состоявшего из трех этапов. Сначала перечень из пятисот имен был сужен до «Списка Пятидесяти», затем на основании около 45 миллионов (!) голосов, присланных по Интернету, было выбрано 12 финалистов⁶. После

⁶ Их биографии см.: Двенадцать имен России / Ред. Д. Свак. *Russica Pannonicana*. Budapest, 2012. 240 с. Краткое описание

этого вызвавший крупные дискуссии и сильно расколовший общественное мнение конкурс, на различных этапах которого лидировали то святой Сергей Радонежский, то Ленин или Сталин, был продолжен на телеканале «Россия». Двенадцать участников «соревнования» в серии из двенадцати передач были представлены двенадцатью приглашенными, не столько разгневанными, сколько вдохновенными мужчинами. На этом, третьем этапе проекта все претенденты быстро разделились на «тройки». От остальных рано оторвалась тройка, состоявшая из Александра Невского, Сталина и Петра Великого, ее преследовало трио Ленин — Пушкин — Столыпин. Далее со значительным отставанием шли Екатерина Великая, царь-реформатор Александр II и Суворов, великий полководец XVIII века. В конце списка финалистов плелись Менделеев и Достоевский, а последнее место прочно занял Иван IV Грозный. Для последнего уже само участие в финале считалось превышающим его силы достижением, ведь в финал не попали такие личности, как руководивший взятием Берлина маршал Жуков или, что еще более неожиданно для венгров, Лев Николаевич Толстой.

Финишная борьба принесла необыкновенные волнения и неожиданные повороты. На предпоследней неделе Пушкин удвоил число голосов и вышел вперед, в то время как на третье место поднялся Столыпин. Сталин и Петр Великий, долго шедшие в лидирующей группе, откатились на четвертое и пятое места. И тогда состоялась последняя, двенадцатая передача, посвященная Столыпину, в которой роль защитника «национально-либерального» монархиста, премьер-министра России начала XX в. сыграл всемирно известный актер и режиссер Никита Михалков.

После этой передачи мы думали, что итог проекта можно предсказать заранее. Конечно, этим мы отнюдь не хотим

«шоу», см.: *Свак, Д.* Выбор России // *Свак, Д.* На службе у Клио и у власть предержащих. Этюды по россиеведению. *Russica Pannonica*. Budapest, 2014. С. 130–133.

сказать, что этот проект, основанный на голосовании зрителей, манипулировался сильнее, чем другие развлекательные шоу с интернетным или телефонным голосованием, как, например, венгерское шоу «Мегастар» или программы «Великие...» в других странах. Например, на давшем образец каналу Би-би-си в 2002 г. лишь с большим трудом удалось объявить победителем сэра Уинстона Черчиля, одолевшего таких конкурентов, как, например, леди Диана. Еще более крупный скандал разразился на Украине, где, по сообщениям прессы, победу наверняка одержал бы получивший печальную известность Бандера, который, во время Великой Отечественной войны, ссылаясь на «национальную независимость», сотрудничал с фашистами и участвовал в преступлениях Холокоста, если бы организаторы конкурса не одумались и не объявили победителем князя Ярослава Мудрого. Полагаю, ныне не одумались бы... Еще более абсурдный список получился в результате голосования, состоявшегося в 2003 в Соединенных Штатах, где в первой десятке, помимо занявшего первое место Рональда Рейгана, оказались еще пять президентов, причем украшением списка стал занявший шестое место Джордж Буш-младший.

Аналитик скорее чувствует некую неопределенность в целях и направленности организаторов проекта. Согласно его официальному сайту, на одном из ранних этапов пришлось пренебречь миллионами голосов, потому что сайт программы подвергся атаке хакеров, накрутивших рейтинг Сталина и святого Сергия. После этого голосование за лучшую дюжину выиграл получивший более двух миллионов голосов Александр Невский, за которым следовали Пушкин и Достоевский. В этот момент казалось почти несомненным, что именно Александру Невскому предназначено выиграть и финал, поскольку он лидировал практически до самого конца, правда, непрерывно ощущая дыхание преследовавшего его Сталина. В свою очередь, Петр I все сильнее отставал от лидеров. Не говоря уже о Ленине, который ранее прочно за-

нимал третье место после Сталина и Петра I в репрезентативном всероссийском опросе, проведенном корректными методами. Однако вдруг, подобно голубю из цилиндра, публике был представлен Столыпин, который за несколько часов до окончания голосования еще занимал первое место и в конце концов лишь менее чем на 1000 голосов отстал от победителя, Александра Невского, получившего 524 575 голосов. Еще на четыре тысячи голосов отстал Иосиф Сталин, занявший третье место.

Можно догадаться, почему победителями стали Александр Невский и Столыпин, а не Сталин. Медиапобеда, одержанная в XXI веке православным святым Александром Невским, выражает не только «духовное единство» России, но и союз государства и церкви, который ясно дает понять российскому обществу (и всему миру), что военная доблесть русских несомненна и свята. Кроме того, рассмотрев всю историю шоу «Кто самый великий?», можно обнаружить закономерность, показывающую, что, если на Западе не стесняются голосовать за государственных деятелей XX века, более того, выводят их на первые места, то в Восточной Европе в поисках более или менее консенсусного кандидата приходится углубляться в историю аж до Средних веков. «Почти победа» Столыпина с его антиреволюционными и антисоциалистическими убеждениями и неудачной попыткой совместить частную капиталистическую собственность с русским государственным национализмом лучше всех остальных 11 претендентов воплощает легитимацию, оправдание существующего ныне режима.

Вряд ли стоит тратить время на объяснение того, почему победа досталась не Сталину, зато представляется бесспорным, что выдвижение на передний план двух упомянутых выше исторических личностей призвано уравновесить ренессанс популярности Сталина, несомненно, наблюдающийся в российском общественном мнении. А ведь ни одна из них не смогла бы с успехом пройти сколько-нибудь стро-

гую, ценностно-ориентированную историческую проверку. Столыпин, помимо того, что его усилия в конечном итоге оказались безрезультатными, был к тому же стражем самодержавного строя, уничтожившим тысячи революционеров, его нельзя назвать харизматической личностью. А подробным анализом исторических деяний Александра Невского в рамках парадигмы, выдвигающей на первый план патриотические ценности и нацеленной на поиски «национального» героя, вообще нет смысла заниматься. «Невская» битва в военном отношении была мелким столкновением периферийного значения, в то время как его союз с татарами, направленный против «родичей», имел стратегическое значение. Таким образом, трудно было бы представить его государственным деятелем всемирно исторического масштаба и одновременно национальным героем.

Гораздо легче было бы представить таким Петра I, как это всегда и бывало в прошлом, ведь соответствующий образ Петра имеет давнюю традицию в российском историческом сознании и манипулирующей этим сознанием практике.

Позитивный образ Петра имеет веские исторические и историко-философские причины. Царь-преобразователь является крупной всемирно исторической личностью в силу объективного хода вещей. Благодаря его во многом успешным реформам Россия превратилась в одну из ведущих держав Европы. Несомненно, с него начинается Россия Нового времени.

Царь Петр не может быть обойден ни одним из ищущих свою идентичность поколений россиян, поскольку за прошедшие триста лет он стал фигурой, имеющей ключевое значение для национального самоуважения россиян. Конечно, этот процесс искусственно генерировался и подтасовывался, хотя и неодинаково и с разной интенсивностью в различные эпохи. Во все времена Петр I был любимым прообразом власть предержащих. Но также и оппозиционеров, многие из которых видели в нем революционера, а еще чаще — реформатора.

В целом в истории русской исторической мысли был лишь один длительный период, когда личность Петра была оттеснена на задний план. По крайней мере, по сравнению с другим грозным царем, Иваном IV. Это произошло в сталинские времена, когда Сталин неоднократно лично вмешивался в выработку оценки Ивана IV и Петра I. Его мнение по поводу съемок и сценария фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» ясно показывало его приоритеты: он хотел, чтобы Иван был показан воюющим против Запада, в том числе против немцев, царем, наказывающим (если надо, уничтожающим) в ходе этой борьбы бояр-заговорщиков и твердой рукой правящим страной. Из-за своего одиозного «западничества» Петр лишь отчасти отвечал этим требованиям и поэтому оказался оттесненным на задний план в сталинском пантеоне⁷.

Нечто подобное происходит и сейчас. Естественно, с соответствующими изменениями. Сейчас нет речи о властных амбициях сталинского типа, о необходимости легитимации кровавой жестокости. Зато речь идет о наведении порядка, о, по крайней мере, частичном восстановлении распавшейся империи, об идеологическом, социально-психологическом, во многом опирающемся на православную церковь обосновании национального величия. Вместо революции торжествует эволюция, ельцинский ультралиберальный хаос западного происхождения сменился порядком, выросшем на исконно русской почве.

В наши дни нет благоприятного климата ни для радикальных преобразований, ни для «европеизации», ни для укращения церкви.

Ныне крупнейшей русской «суперзвезде» всех времен может достаться лишь пятое место.

⁷ Сопоставление Ивана IV и Петра I см.: *Свак, Д.* Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб.: Алетейя, 2010. С. 79–86.

«СИМВОЛЫ» РОССИИ

«Россия» резко прибавила в скорости. Я имею в виду телеканал. По образцу проекта 2008 г., всенародной игры-голосования «Имя Россия» в 2013 г. канал приступил к поиску 10 визуальных символов России. А ведь предыдущее шоу не могло считаться вполне успешным, если только не для операторов сотовой связи. Тогда едва удалось оттеснить с первого места Сталина и лишь посредством неизвестно каких эфирных сражений вывести в победители жившего в XIII в. князя Александра Невского.

В то время это казалось приемлемым компромиссом, зато теперь назревал более серьезный скандал. Конкурс проходил под эгидой Русского географического общества и был организован в целях развития туризма и, конечно, улучшения имиджа страны. Его идея казалась простой, но очень привлекательной: организаторы проекта стремились с привлечением максимально широких слоев населения пробудить интерес к архитектурным и природным достопримечательностям огромной страны. Конечно, в этом смысле слоган «символы России» несколько неточен, так как упомянутые объекты едва ли могут претендовать на столь высокий статус, но он хорошо выражает стремление показать, что речь пойдет не просто о произведениях искусства или уникальных уголках природы, а о патриотическом освоении природного пространства России.

Собственно говоря, удивительно уже то, что спустя пять лет после другого мероприятия по сбору SMS, телеконкурса «Семь чудес России», на телеканале «Россия» решили, что пришло время снова прозондировать мнение регионов по тематически очень похожему вопросу. Крайне похожими были и правила «соревнований». Голосование проводилось в три этапа. Прежде всего, жители десяти крупных географическо-административных округов России голосовали за «чудеса» своих регионов, а на втором этапе регионы соревнова-

лись друг с другом в общем виртуальном пространстве. В проекте «Россия 10» сначала завершился этот этап, причем с беспрецедентным результатом: победил Кремль. Но не московский, что за Красной площадью, а коломенский. Что и говорить, он тоже достаточно древний, его строительство началось при Василии III, во второй четверти XVI в., и он дошел до потомства в относительно хорошем состоянии. Коломенский кремль получил 38 миллионов шестьсот три тысячи шестьсот двадцать девять SMS- и интернет-голосов. Но настоящей сенсацией стало не это, а то, что второе место заняла построенная в 2008 г. мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова, отставшая всего на 400 тысяч голосов. Это получило особое значение в свете того, что остальные восемь «кандидатов» вместе не получили и 15 миллионов голосов.

Президент Чечни Рамзан Кадыров немедленно заподозрил подтасовку результатов и заявил о «снятии» мечети имени его отца с конкурса. К тому же, видимо, в чем-то он был прав, так как позже организаторы конкурса не уставали извиняться за то, что в последние дни принятие SMS из Чечни действительно шло с перебоями...

Таким образом, имелось достаточно причин для озабоченности, которой уже долгое время сопровождалось все мероприятие, не случайно, что презентация проекта была проведена и для самого президента Путина. Автор идеи развеял все сомнения сославшись на то, что, как и в случае «Семи чудес России», в конце, на третьем этапе, все «станет на свои места», поскольку тогда уже будут приниматься только голоса с названием, по крайней мере, пяти достопримечательностей, что делает невозможным голосование округов за самих себя. В случае семи чудес этот прием действительно оказался успешным, в конце концов никаких претензий к «победителям» предъявить нельзя. Перечисленные в алфавитном порядке озеро Байкал, камчатская Долина гейзеров, Мамаев курган и монумент «Родина-мать» в Волгограде, Петергоф, Собор Василия Блаженного, Столбы вы-

ветривания в Коми и Эльбрус в общем соответствуют всем требованиям и по праву могут считаться гордостью России.

Однако в 2013 г. для видимости осталось лишь одно «чудо», Байкал, отсутствовали московские и петербургские достопримечательности, зато имелись в наличии два православных монастырских комплекса, две мечети, две крепости, буддийский храм, скульптурный парк, вулкан плюс Байкал. Можете меня презирать, но мне удалось увидеть из них лишь Байкал и Троице-Сергиеву лавру. Вулкан на острове Кунашир, на который претендует Япония, и даже астраханский кремль пока не входили в радиус моей «активности».

В финале, наконец, все «устроилось». Теперь можно было выбирать не только их этих десяти объектов, а и из тридцати потенциальных «символов», причем каждый голос отдавался за пять их них. В результате мир (Россия) вернулся (вернулась) на круги свои. Точнее, все же не совсем. Дело в том, что московский Кремль, Красная площадь (не говоря о мавзолее Ленина) не попали даже в число тридцати лучших и не могли участвовать в итоговом голосовании. В итоге победителями стали (без ранжирования): Петергоф, Мамаев курган, озеро Байкал, мечеть имени Кадырова, Коломенский кремль, Ростовский кремль, Псковский кремль (Кром), Нижегородский кремль, Троице-Сергиева лавра и Киж. Четыре кремля взамен московского⁸.

Уроки этого проекта остаются с нами. Согласно сайту проекта-конкурса, целью последнего было «формирование в регионах новой волны “геопатриотизма”»⁹. Кажется, эта задача была выполнена даже слишком хорошо, поскольку центр практически выпал из круга претендентов. Зато удалось разжечь национальные чувства в регионах. Административные округа в России обычно не однородны ни в этническом, ни в религиозном отношении. В целом эти регионы

⁸ См.: <http://interesnoemire.ru/pobediteli-konkursa-rossiya-10/> (февраль, 2018).

⁹ См.: <http://10russia.ru/> (февраль, 2018)

переживают фазу развития не только локального патриотизма, но и национального самосознания. На определенных территориях мечеть действительно является религиозно-национальным символом живущего там народа и предметом национальной гордости и охраны. Ее прославление при таких условиях становится национальным приоритетом.

Конечно, не общероссийским приоритетом. Множество приоритетов маленьких наций вряд ли сложатся в грандиозный российский «геопатриотизм» в рамках подобной игры-голосования. Не случайно, власть взяла в свои руки дело об учебниках и инициировала разработку для них единого содержательно-методологического «стандарта», одной из главных целей которого является создание «общероссийской идентичности». Есть, будет еще чему учить по этим будущим учебникам.

Ныне еще было бы преждевременно делать какие-либо обобщения относительно положения или результатов российской «государственной исторической политики или политики в области памяти», ведь единые учебники еще не приняты. Однако описанные выше телевизионные проекты-голосования хорошо демонстрируют ту национальную и социальную среду с ее настроениями, которую нужно сплотить в «общероссийский социум» с помощью нового подхода к истории. В качестве современника я с любопытством жду новых туров «битвы за идентичность», но, будучи историком, должен скептически оценить возможность достижения быстрого успеха. И, конечно, я должен выразить свое глубокое убеждение, что лишь плюралистический подход к истории, основанный на свободе исследований, лишь свободный показ альтернатив может помочь в формировании реального образа нации.

Очевидно, со стороны все просто. Нерусский русист не связан традициями русской «национальной исторической науки» не страдает от искажений, причиняемых «русским национальным углом зрения». Таким образом, если он не

охвачен русофобией (а это относительно редкая болезнь в русистике), ему не сложно видеть и показывать русскую историю непредвзято, «без гнева и пристрастия»¹⁰.

Однако это лишь видимость. Можно легко показать, что взгляд на русскую историю время от времени изменялся как в Венгрии, так и в России. Однако во все времена были честные историки. У нас нет другой задачи и возможности, как только следовать их примеру¹¹.

В этом контексте безусловно тревожный сигнал — 15 октября 2016 г. в Орле впервые в российской истории установлен памятник Ивану IV Грозному, который даже в качестве рядового исторического персонажа — в ряду других государственных деятелей — не был включен в число достойных увековечивания на памятнике «Тысячелетие России», установленном в Новгороде в 1862 г., как и Николай I, казнивший декабристов и появившийся самым последним на этом монументе по настоянию его сына Александра Николаевича, царя-Освободителя. Обратный отсчет начался...

(2017)

¹⁰ Попытка создания такой методологии была сделана мной в небольшой книге, которая на самом деле задумывалась как введение в русистику. См.: Szvák, Gy. *Kis magyar ruszisztika*. Budapest: Pannonica, 2011. 168 с.

¹¹ Примером таких усилий Центра русистики стал выпущенный им юбилейный сборник, в котором уже приняли участие наиболее талантливые представители нового поколения русистов: См.: *A mi Ruszisztikánk.. Tanulmányok a 20/25. Évfordulóra. Ruszisztikai Könyvek XL. / Szerk. Szvák, Gy.* Budapest: Russica Pannonica, 2015. 418 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
От историографической «микрофилологии» к микроисториографии и дальше.....	5
Часть I	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	
К вопросу об оценке деятельности Ивана Пересветова...	21
Советская историография реформ середины XVI века....	60
Вопрос исторического значения опричнины в Советской исторической науке.....	138
Some parallels between the images of Ivan the Terrible and Peter the Great in Russian historical thought....	197
Concepts of “Russian feudalism” in Russian historiography	206
Часть 2	
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИОГРАФИИ	
Р.Г. Скрынников: историк и мир — мир историка (опыт реконструкции).....	233
Параллельные биографии — судьба историка в Советском Союзе и Венгрии: штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йозефа Перени.....	249
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Опыт создания новой государственной концепции истории России.....	264
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	283

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДАХ

Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)

Составление и общая редакция М.С. ПЕТРОВОЙ

Москва: Кругъ, 2010. — 736 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том I)

ISBN 978-5-7396-0167-4

С.В. МЕСЯЦ. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете Часть первая

Москва: Кругъ, 2012. — xxxii + 464 с., с илл.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том II)

ISBN 978-5-7396-0250-3

ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. Исследования по истории платонизма

Под общей редакцией В.В. ПЕТРОВА

Москва: Кругъ, 2013. — 880 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том III)

ISBN 978-5-7396-0256-5

МАКРОБИЙ. Сатурналии

Перевод В.Т. ЗВИРЕВИЧА. Издание подготовлено М.С. ПЕТРОВОЙ

Москва: Кругъ, 2013. — lxx + 810 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том IV)

ISBN 978-5-7396-0257-2

Мера вещей. Человек в истории европейской мысли

Общая редакция и составление Г.В. ВДОВИНОЙ

Москва: Аквилон, 2015. — 944 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том V)

ISBN 978-5-906578-05-1

Н.П. ВОЛКОВА. Плотин о материи и зле

Москва: Аквилон, 2017. — 160 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том VI)

ISBN 978-5-906578-25-9

Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г.

Под общей редакцией В.В. ПЕТРОВА

Москва: Аквилон, 2017. — 708 с. + xii, с илл.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том VII)

ISBN 978–5–906578–29–7

Аристотель: идеи и интерпретации

Под общей редакцией М.С. ПЕТРОВОЙ

Москва: Аквилон, 2017. — 580 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том VIII)

ISBN 978–5–906578–31–0

Дюла СВАК. Опыт микроисториографии

Москва: Аквилон, 2019. — 288 с.

(Гуманитарные науки в исследованиях и переводах. Том IX)

ISBN 978–5–906578–44–0

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Дюла СВАК
ОПЫТ МИКРОИСТОРИОГРАФИИ

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *П.М. Булле*
Конвертация текста *Фаркаш, Адам (Farkas Ádám)*

Подписано к печати 01.03.2019
Формат 60x90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 25. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924-97-30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Отпечатано в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-44-0

9 785906 578440